

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Беларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрГУ)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэвр-Дюэгр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

<i>Новокрепленных И. А.</i> (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Бурдина С. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Русинова И. И.</i> (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Данилевская Н. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Шутёмова Н. В.</i> (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Дускаева Л. Р.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
<i>Абашев В. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Ерофеева Е. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Абашева М. П.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)	<i>Кондаков Б. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Алексеева Л. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кочкарева И. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Арустамова А. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кушнина Л. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Баженова Е. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Мишланов В. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Боронникова Н. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Нестерова Н. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Бочкарёва Н. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Петрова Н. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГГПУ)
<i>Братухин А. Ю.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Подкоков И. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
	<i>Проскурнин Б. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
	<i>Серова Т. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
	<i>Фоминых Т. Н.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://www.fpr.psu.ru>. Контент-редактор сайта А. В. Пустовалов

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание от 01.12.2015 г.

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Mary Rut (Russia, Ural State University)
Ranjana Sxaena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Valerij Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Petrova</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tatyana Fominykh</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai.

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Web-site of the journal: <http://www.rfp.psu.ru>. Content editor of the website A. V. Pustovalov

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Березович Е. Л., Кучко В. С. <i>МЕНЯТЬ ШИЛО НА МЫЛО</i> : ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ФРАЗЕОЛОГИЗМУ	5
Борисова Е. О. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В НОМИНАЦИИ СКОРОСТИ (на материале русских народных говоров)	15
Кухарева Е. В. ПОНЯТИЕ 'РОДИНА' В АРАБСКОМ УСТНОМ НАРОДНОМ И ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ	24
Хрусталева М. А., Никитина М. А. «ПРЕКРАСНОЕ» И «БЕЗОБРАЗНОЕ» В ЗЕРКАЛЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА К ПЕРЕВОДУ	37
Черноусова А. С. ВОСПРИЯТИЕ СЛОВА «РОДИНА» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	48
Ширинкина М. А. КАТЕГОРИЯ ТОНАЛЬНОСТИ В ДИРЕКТИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ	60
Яо Сюе РОССИЙСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО КОНЦА XIX ВЕКА: ОЦЕНОЧНЫЕ ОПИСАНИЯ (на материале повестей «Студенты» Н. Г. Гарина-Михайловского и «Однокурсники» П. Д. Боборыкина)	69
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	80
Бережная М. С. «СВОЯ КОМНАТА» (1929) ВИРДЖИНИИ ВУЛФ: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МЕТАФОРА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ И ГЕНДЕРНОМ ПРОЧТЕНИИ	80
Гимранова Ю. А. И. С. ТУРГЕНЕВ И СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА	88
Котелевская В. В. К МОДЕРНИСТСКОЙ ПОЭТИКЕ И ПОЭТОЛОГИИ ПРОГУЛКИ: Р. М. РИЛЬКЕ, Р. ВАЛЬЗЕР, Т. БЕРНХАРД, П. ХАНДКЕ	96
Похаленков О. Е. ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК И АРНО ЗУРМИНСКИ (проблема взаимодействия литературной традиции в военной прозе)	109
Проскурнин Б. М. «НАКАНУНЕ ЛЮДЕЙ ДЕЛА»: НОВЫЙ ТИП ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОРДЖ ЭЛИОТ И И. С. ТУРГЕНЕВА	117
Туманова О. С. ОБРАЗ СКАНДИНАВСКОГО СЕВЕРА В РУССКОЙ ЛИРИКЕ 1890–1910 гг.	132

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY	5
Elena L. Berezovich, Valeriya S. Kuchko <i>MENYAT' SHILO NA MYLO</i> <EXCHANGE AN AWL FOR SOAP> ('TRADE BAD FOR WORSE'): DIALECTOLOGICAL COMMENTARY ON THE IDIOM	5
Elizaveta O. Borisova IMAGES OF MYTHOLOGICAL CHARACTERS IN NOMINATION OF SLUGGISH AND PROMPT PEOPLE (a Case Study of Russian Dialects)	15
Elena V. Kukhareva THE CONCEPT OF HOMELAND IN ARABIC ORAL AND FOLK POETRY	24
Mariya A. Khrustaleva, Marina A. Nikitina "THE BEAUTIFUL" AND "THE UGLY" IN THE MIRROR OF COGNITIVE-DISCURSIVE APPROACH TO TRANSLATION	37
Anastasiia S. Chernousova THE PERCEPTION OF THE LEXEME "HOMELAND" IN THE CHINESE AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES	48
Mariya A. Shirinkina THE CATEGORY OF TONALITY IN DIRECTIVE DOCUMENTS OF THE EXECUTIVE BRANCH	60
Yao Xue RUSSIAN STUDENTS AT THE END OF THE 19 th CENTURY: EVALUATIVE DESCRIPTIONS (a Case Study of the Novels <i>Students</i> by N. G. Garin-Mikhailovsky and <i>Classmates</i> by P. D. Boborykin)	69
LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	80
Marina S. Berezhnaya HISTORICAL, CULTURAL AND GENDER READINGS OF SPACE METAPHOR IN VIRGINIA WOOLF'S <i>A ROOM OF ONE'S OWN</i>	80
Julia A. Gimranova TURGENEV AND MODERN RUSSIAN LITERATURE	88
Vera V. Kotelevskaya ON MODERNIST POETICS AND POETOLOGY OF WALKING: R. M. RILKE, R. WALSER, TH. BERNHARD, P. HANDKE	96
Oleg E. Pokhalenkov ERICH MARIA REMARQUE AND ARNO SURMINSKI (Problem of Interaction of Literary Tradition in the War Prose)	109
Boris M. Proskurnin "ON THE EVE OF THE PEOPLE OF ACTION": A NEW TYPE OF WOMAN IN THE WORKS OF GEORGE ELIOT AND I. S. TURGENEV	117
Olga S. Tumanova THE IMAGE OF THE SCANDINAVIAN NORTH IN RUSSIAN POETRY OF 1890–1910	132

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'37: 811.161.1'282
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-5-14

МЕНЯТЬ ШИЛО НА МЫЛО: ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ФРАЗЕОЛОГИЗМУ¹

Елена Львовна Березович

д. филол. н., чл.-кор. РАН, профессор кафедры русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. berezovich@yandex.ru

SPIN-код: 4752-4854

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1688-2808>

ResearcherID: A-3337-2016

Валерия Станиславовна Кучко

аспирант, научный сотрудник топонимической лаборатории

кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. kuchko@inbox.ru

SPIN-код: 5032-9120

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7139-5738>

ResearcherID: R-6809-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Березович Е. Л., Кучко В. С. Менять шило на мыло: диалектологический комментарий к фразеологизму // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 5–14. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-5-14

Please cite this article in English as:

Berezovich E. L., Kuchko V. S. *Menyat' shilo na mylo: dialektologicheskii kommentariy k frazeologizmu [Menyat' Shilo na Mylo <Exchange an Awl for Soap> ('Trade Bad for Worse'): Dialectological Commentary on the Idiom]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 5–14. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-5-14 (In Russ.)*

В центре внимания авторов статьи – выражение *менять (сменять) шило на мыло* ‘ошибиться в выборе; выбрать из плохого худшее’. Критически оценивая существующие гипотезы о происхождении этого фразеологизма, авторы предлагают свою версию, основанную на данных русских народных говоров и фольклора. По мнению исследователей, оборот следует рассматривать в широком языковом контексте, сформировавшемся вокруг бинорма *шило-мыло*. Притяжение друг к другу этих слов объясняется несколькими факторами. Пара *шило* и *мыло* называет предметы, без которых нельзя было обойтись в домашних делах, и, кроме того, основные мелкие лавочные товары. Бытовая смежность реалий подкрепляется фонетическим сходством лексем и их вхождением в популярную редупликативную модель, в рамках которой образуются конструкции с начальными *ш* и *м* (типа *шурь-мурь*). С помощью рассматриваемого бинорма выражается широкий набор смыслов (семантика необходимо и, наоборот, бесполезного, значения скупости, хитрости и пр.). Компоненты пары вступают в различные формальные отношения друг с другом (*шило-мыло, от шильного до мыльного, шильце да мыльце, шилье-мылье* и др.). Они функционируют в конструкциях с предикатами – в частности, с гла-

голами *перевести* (*свести*) и *менять* (*променять*). Эти глаголы определяют их вхождение в две фразеологические модели, существующие в народной речи: с одной стороны, выражения с глаголами *перевести* и *свести*, означающие безрезультатный труд и напрасные усилия (*свести на мыльный пузырь*), с другой стороны, идиомы с глаголами *менять*, *променять*, означающие бессмысленный и неравноценный обмен (*променять быка на индыка*). По предположению авторов, выражения *свести* (*перевести*) *шило на мыло* хронологически появились раньше, чем обороты с «обменной» семантикой.

Ключевые слова: русские народные говоры; русский фольклор; русская диалектная фразеология; этнолингвистика; семантико-мотивационная реконструкция.

Во фразеологическом корпусе любого языка есть «простые» выражения с низкой степенью идиоматичности, которые редко становятся объектом семантико-мотивационной реконструкции, поскольку их внутренняя форма интуитивно кажется прозрачной. К числу таких выражений относится, к примеру, оборот *садиться не в свои сани*, о котором мы писали ранее, пытаясь раскрыть этнографический и языковой контекст, способствовавший формированию идиомы [Березович 2013; Березович 2014: 165–173]. Тогда мы отмечали, что в подобных случаях сложна не столько сама реконструкция, сколько верификация ее результатов [Березович 2013: 177]. Еще одно выражение из этого ряда – *менять шило на мыло*. В настоящей статье будет дан **диалектологический комментарий к этой фразе**, причем так же, как и в предыдущем случае, задуматься об истоках оборота нам позволили полевые находки, сделанные сотрудниками Топономической экспедиции Уральского федерального университета (ТЭ УрФУ) на востоке Вологодской и Костромской областей в 2013–2016 гг.

Выражение *менять* (*сменять*) *шило на мыло* употребляется в современном разговорном русском языке для описания ситуации неудачного выбора, когда что-либо малоценное меняется на объект такой же ценности: *шило на мыло сменять* ‘прогадать, ошибиться в выборе (поговорка)’ [Шведова 2007: 1107]. Смысловый акцент может быть сделан на более низком качестве того, что выбрано взамен имевшегося раньше, ср. *менять* (*поменять*) *шило на мыло* ‘выбирать из плохого худшее’ [РФ: 768]. Ср. иллюстративные контексты: «Знали его тогда как менялу: менял шило на мыло. И, верно, наберет в сидор ниток, иголок, кружек, ложек, пуговиц – и обменивает на яйца, масло, хлеб, больше всего на яйца. Разбогатеть от такого оборота, ясное дело, он не мог, но кормился, пока носили ноги, вроде неплохо» <В. Распутин. Прощание с Матерой>; «Говорили, что Ильин парень не промах и не из тех, кто меняет шило на мыло» <А. Розен. Прения сторон> [ФРР: 811].

Изучаемый фразеологизм уже **не раз привлекал к себе внимание исследователей**. В литературе по фразеологии распространена версия,

принадлежащая В. М. Мокиенко, которая изложена в работах: [Мокиенко 1980: 29–30, 149; ФРР: 811–812; РФ: 768]. Согласно этой версии оборот *менять шило на мыло* «восходит к диал. *выменять шило на свайку*, где *свайка* – ‘толстый гвоздь или шип с большой головкой для игры в свайку’. Логичность внутренней формы этого оборота несомненна, особенно если учесть отрицательную окраску “нетрудового”, “игрового” термина *свайка* (в этой игре свайку нужно было острием воткнуть в землю в очерченный кон) по сравнению с названием полезного инструмента *шило*. Ср. народные выражения, образованные по этой модели: *выменять кукушку на ястребца*, *променять быка на индыка*, *поменять валенок на калошу* и т. п. Замена слов *свайка* на *мыло* в сочетании регулируется рифмой – как и в укр. *виміняти шило на швайку* и *виміняти шило на мило* (*шило на мотовило*). Ср. также устар.: *перековать лемех на свайку* – ‘о людях, меняющих трудовую жизнь (соху) на безделие’. Этот оборот имеет древние (греческие) аналогии типа “Сошник оставлен, да и вышла игла игорная (т. е. свайка)”» [ФРР: 812].

Приведенная версия, возможно, справедлива, однако некоторые сомнения в связи с ней высказать можно. Думается, фразеологизм-«источник» выбран произвольно. Немотивированность такого выбора подтверждается фиксацией в русских говорах выражений, в которых шило предстает не заменяемым, а заменяющим; ср., например, перм. *свести жило на шило* ‘променять хорошее на плохое; то же, что променять *шило на мыло*’: «Новый председатель в колхоз пришёл, дак жило на шило свёл. Продал склады, себе дом поставил» [СРГКПО: 218]. Кроме того, выражение *менять шило на свайку* фиксируется в говорах также в варианте *менять шило на швайку* (волгоград.) ‘совершать неудачную сделку’ [СДГВО: 316], который предполагает иную расстановку смысловых акцентов, чем в процитированном объяснении: шило меняется на шило другого рода, ср. волгоград. *швайка* ‘шило для работы с кожей, изготовления ременной упряжи’ [СДГВО: 670].

Не соглашаясь с гипотезой о первичности варианта с компонентом *свайка*, Д. С. Соломеина

предлагает свою интерпретацию фразеологизма. Опираясь на ряд родственных лексеме *шило* глаголов, которые несут отрицательную семантику (иссык-кульск. *вишивать* 'бить кого-нибудь', калуж. *нашивать* 'побить, поколотить', ворон. *перешивать* 'одолевать кого-либо в драке, бою', иркут. *пришивать* 'убить, застрелить (животное)', жарг. *пришить* 'убить кого-либо' и др.), автор отмечает, что шило являлось не только инструментом для шитья, но и орудием разбоя, см.: [Соломеина 2014: 55]. Еще одной отправной точкой для ее рассуждений служит тот факт, что в пространстве Интернета рассматриваемый оборот встречается в варианте *менять шило на мыло и веревку*. На этих основаниях Д. С. Соломеина делает вывод о том, что «значение 'выбирать из плохого худшее' вторично, исходное же значение было таково: *менять шило* – жизнь разбоем, криминалом, на *мыло и веревку* – виселицу. Показательно в данном контексте выражение *менять жилище на шило*, где, на наш взгляд, отражена ситуация смены спокойной, (условно) честной жизни на разбой (*шило*). <...> Таким образом, выражение *менять шило на мыло*, на наш взгляд, представляет собой эллипсис более раннего *менять шило на мыло и веревку*» [там же: 55–56].

Уязвимость этой гипотезы, с нашей точки зрения, состоит главным образом в отсутствии словарных или текстовых фиксаций предполагаемого первичного варианта фразеологизма: его действительно можно обнаружить в сети Интернет, однако нам он встретился только в составе анекдота «Меняю раритетное шило на мыло, веревку и табуретку», который образовался, очевидно, на базе общенародного *шило на мыло*, а не наоборот.

На различных интернет-форумах популярностью пользуется версия, согласно которой фразеологизм *менять шило на мыло* перешел в разряд общеупотребительных из профессионального жаргона сапожников. Вот развернутая цитата, неоднократно воспроизводимая в интернет-пространстве: «В старину металлический наконечник инструмента изготавливался из железа, а потому быстро ржавел, и прокалывать им неподатливую кожу становилось очень сложно. Поэтому его натирали кусочком мыла, что позволяло значительно облегчить трудовой процесс. Оба предмета <шило и мыло>, следовательно, сапожнику были совершенно необходимы, и менять один на другой было нецелесообразно. Ведь без шила или без мыла работать становилось невозможно. Отсюда и вытекает искомое лексическое значение современного фразеологизма» (см., к примеру: [http://www.liveinternet.ru/users/4444754/post390924711/]). При обсуждении этой

гипотезы сомнения вызывают два момента: неясно, во-первых, зачем в среде мастеров появилась несколько абсурдная мысль о мене необходимых для работы инструментов, во-вторых, почему выражение, возникшее (и понятное) в рамках дискурса, связанного с узкоспециальной деятельностью, получило широкое распространение.

Встречается предположение о том, что *шило* в изучаемом фразеологизме первоначально имело другое значение: «Шило – это старое жаргонное название спирта. Врачи в XIX веке при работе с пациентами обеззараживали руки спиртом. Позднее приказом было введено обезжиривание рук с помощью мыла. Спирт запретили. Вот тогда и появилось выражение “менять шило на мыло”» [http://www.proza.ru/2016/12/09/1083]. Эта гипотеза выглядит гораздо менее правдоподобной, чем предыдущая, поскольку, во-первых, исходит из значительного семантического сдвига, произошедшего со словом *шило* в рамках выражения, а во-вторых, предполагая историчность и закономерность мены *шила на мыло*, не объясняет значения всего выражения, указывающего на бессмысленность и невыгодность обмена.

Таким образом, ни одна из представленных выше гипотез о происхождении выражения *менять шило на мыло* не кажется удовлетворительной. В самом деле, трудно с точностью установить, когда и как возник этот оборот, поскольку те предметы, о которых идет речь, действительно употреблялись в разнообразных ситуациях, а языковая форма (рифма) могла способствовать «подверстыванию» слов *шило* и *мыло* друг к другу без достаточного «бытийного» обоснования. Однако такой научный агностицизм преждевременен; он всегда может быть последним убежищем для лингвиста, но сначала следует проанализировать все возможные на сегодняшний день версии. Ниже будет представлена версия авторов данной статьи, которая базируется в первую очередь на **диалектном материале**.

***

Сначала попытаемся выявить **варианты** данного выражения и выяснить (по возможности), **в какой последовательности** они появлялись в языке. По данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ], сочетание *шило на мыло* может употребляться без «распространителей» («Какая разница? *Шило на мыло!* – смеялись кадровички» <М. Трауб. Семеновы (2009)²> или с распространяющими глаголами *менять* (*менять*) и *переводить*. Примеры употребления фразеологизма *шило на мыло* (*менять*, *переводить*), за единственным исключением (см. ниже контекст, принадлежащий А. И. Эртелю), отно-

сятся к XX и XXI вв., причем самая ранняя фиксация варианта *менять шило на мыло* датируется серединой XX в.: «Ежели бы работающий народ подобрался, да с достатком, да еще бы трактор займет, тогда бы и в артели жить можно. А сейчас, говорит, все равно, что шило на мыло менять. Из десятков кляч трактора не соберешь» <А. И. Мусатов. Большая весна (1957)>. Вариант оборота с глаголом *переводить* впервые фиксируется во второй половине XIX в.: «Коров выдумал кормить, чтоб молока больше давали... А мне что ее, корову-то, раскармливать, коли никакого антересу от эфтого нет?.. Шило на мыло переводить?.. Нет, шалишь!» <А. И. Эртель. Записки Степняка (1883)>. В такой же форме выражение встречается на полвека позднее: «Мы до заморозков прошлую осень пахали зябь, а они с Покрова хворост зачали делить, шило на мыло переводить» <М. А. Шолохов. Поднятая целина (1932)>. Судя по контекстам, оборот *шило на мыло переводить* имеет семантику бессмысленной траты времени и усилий, а не бессмысленного обмена. По всей видимости, этот вариант не получил широкого распространения, – возможно, из-за того, что буквальный смысл фразеологизма *шило на мыло переводить* оказывается менее понятным, чем хорошо представимая картина обмена шила и мыла.

Варианты оборота с глаголами *менять* и *переводить* (*сводить*) отмечены и в народных говорах: пск. *шило на мыло сменять* (*променять*) ‘невыгодно обменять что-л., прогадать, не получить выгоды при обмене’ [СППП: 82], перм. *шило на мыло менять* ‘хитрить, ловчить’: «С тобой выиграешь! Ты шило на мыло меняешь» [ФСПГ: 214], перм. *свести шило на мыло* ‘утаить; замести следы’: «Была ревизия-то у их, да свели шило на мыло, ревизор-от заодно с кладовщиком»; «Мне надо было получить за две недели, а мне-ка ничего не выдали, свели шило на мыло» [СПГ 2: 321], костр. *шило на мыло хочет свести* (кто-л.) ‘хочет выпутаться из затруднительного положения’ [СРНГ 36: 308], курск. *перевести шило на мыло* ‘о бесполезном труде’ [БСПП: 751], курск. *свести шило на мыло* ‘скрыть улики, утаить что-л.’ [там же], волгоград. *перевести шило на мыло* ‘истратить попусту, неудачно провести какую-л. сделку’: «Пиривести шылу на мылу – ниудачна таргавать или зделеть што-та, карочи, зделка биз выгады»; ‘испортить что-л., из хорошего материала сделать плохую вещь’: «Такая даска была, а сляпил каку-то ярунду, пиравёл шылу на мылу» [СДГВО: 410].

Образный центр всех выражений заключен в словах *шило* и *мыло*. В зависимости от значений распространяющих глаголов можно выделить

две различные семантико-синтаксические модели. Первую из них составляют обороты с глаголом *менять*. Они входят в ряд других фразем с этим предикатом, обозначающих бессмысленный или неравноценный обмен; некоторые из них приводились выше (например, *променять быка на индыка*); можно найти еще примеры: костр. *менять одра (чёрта) на пядера* [Бормотова, Малькова 2016: 46], орл. *менять грош на грош* [БСПП: 164], новг. *променять серка на волка* [Сергеева 2004: 216] и др. Другая модель представлена оборотами с глаголом *свести* и однокоренными, которые означают безрезультатную работу или напрасное расходование чего-л., ср. общенар. *свести на нет*, дон. *свести на мыльный пузырь* ‘о напрасном, безрезультатном деле, работе и т. п.’ [СРНГ 36: 251], волгоград. *переводить на воду (на муку)* ‘тратить бесполезно, расходовать без надобности’ [СДГВО: 410] и др.

Среди «шильно-мыльных» диалектных фразем количественно лидируют те, которые созданы в рамках второй модели. Это обстоятельство, а также тот факт, что выражение *переводить шило на мыло* хронологически опережает *менять шило на мыло* в корпусе контекстов из [НКРЯ], позволяют высказать следующее предположение: глагольные компоненты *свести*, *перевести*, *переводить* могли быть первичными по отношению к более позднему варианту с участием глагола *менять*. При этом именно глагол *менять* повлиял на формирование современной семантики оборота в литературном языке – ‘прогадать при выборе’. Показательно, что значения некоторых диалектных фразеологизмов с глаголом *менять* отличаются от литературного варианта (ср. перм. *менять шило на мыло* ‘хитрить, ловчить’), но при этом семантически близки к выражениям с глаголом *свести* (перм. *свести шило на мыло* ‘утаить; замести следы’, костр. *шило на мыло хочет свести кто-л.* ‘хочет выпутаться из затруднительного положения’, курск. *свести шило на мыло* ‘скрыть улики, утаить что-л.’). Это тоже аргумент в пользу первичности выражений с глаголом *свести* (*перевести*).

Возможно, «перевод» *шила на мыло* имеет особое образное основание: мыло обладает способностью быстро тратиться, таять на глазах, «измыливаться», потому *переводить на мыло* буквально означает неправильно «эксплуатировать», портя или растрчивая что-либо. Отметим, что при позднейших переосмыслениях возможен еще один поворот образа: среди различных рецептов изготовления мыла была варка его из животных жиров (в том числе из падали), поэтому «перевод» на мыло мог означать шутивную³ угрозу сварить из кого-либо мыло, ср.: «В инва-

лиды его, на мыло, в пенсионеры!» <В. Гросман. Жизнь и судьба (1960)>; «Будучи не согласен с очередным решением девушки-судьи, этот звериного вида человек вдруг проревел хриплым, противным голосом затасканную фразу: “Судью на мыло!”» <Е. Весник. Дарю, что помню (1997)>. Образ такого рода лежит и в основе выражения *в архило на мыло* ‘о ненужности, непригодности кого-н.’: «Нас, старых, теперь в архило на мыло» (ленингр.) [СРГК 1: 23].

Обратимся к неизменным компонентам изучаемых выражений – «связке» *шила и мыла*. Их притяжение друг к другу в сопровождении различных глаголов вполне закономерно и обусловлено, во-первых, внеязыковыми обстоятельствами, отразившимися в языке и повлиявшими на формирование обширного контекста, в котором появились изучаемые обороты, а во-вторых, собственно языковыми факторами.

Начнем с **внеязыковых обстоятельств**.

Шитье и мытье – два рутинных занятия, необходимых в ежедневном быту и, как свидетельствуют многие тексты XIX и XX вв., неразрывно связанных друг с другом в сознании говорящих о домашней работе, ср. некоторые примеры: «Мы с женою, сжалившись, согласились взять ее к себе и приобщили к малолетним моим дочерям Татьяне и Пелагее для того только, чтоб она *шила* на них детское платье и *мыла*, чему она отчасти разумела» <Л. А. Травин. Записки (1806–1808)>; «Она не кокетничала своей борьбой с нуждой, а делала все – *шила* и *мыла*, кормила ребенка, варила мясо и чистила комнату» <А. И. Герцен. Былое и думы (1866)>; «Вечера – в жутком изнеможении или за *шитьем*, *мытьем* или еще чем-нибудь» <О. А. Бессарабова. Дневник (1918)>; «Она руководила всей жизнью: зарабатывала, перевозила на дачу и с дачи семью, заколачивала гвозди, *шила*, *мыла*, готовила и очень долго сохраняла молодость и красоту» <В. Д. Пришвина. Невидимый град (1962)>.

Эти занятия, пусть необходимые, воспринимались как более легкие, чем основной производственный труд (особенно крестьянский), тем более что были они преимущественно женскими. Развернутой иллюстрацией такой оценки подобных занятий служит выражение, неоднократно зафиксированное ТЭ УрФУ в Костромской и Вологодской областях, – *от шильного до мыльного* ‘о занятых незначительными делами’: «Переделал всё от шильного до мыльного, дома-то сидел, в поле не работал» (костр.) [ЛКТЭ]; «В Пермасе люди ленивые, знали только свой дом. Население большое, а полей не было, вот и занимались от шильного до мыльного» (влг.) [КСГРС]. В последнем контексте речь идет о деревне Пермас

Никольского района Вологодской области, многие жители которой занимались ямским делом и ремеслами (катанием валенок, изготовлением посуды и пр.). Показательно развитие семантики выражения *от шильного до мыльного*: отталкиваясь от обозначения «шилных» и «мыльных» домашних дел и невысоко их оценивая, оно стало обозначать также пустые занятия, плохо сделанную работу и даже безделье: влг. *от шильного до мыльного* ‘кое-как, еле-еле’: «Ну, от шильного до мыльного работал, ничего и не сделал»; ‘о несущественных занятиях, безделье’: «Ходят от шильного до мыльного, слоняются, ничем не занимаются»; ‘о людях, не способных к труду, не любящих работать’: «От шильного до мыльного – не работают, где-то что-то перехватят, случайный заработок, опять потом ждут»; «Жили от шильного до мыльного, кое-как перебивались» [КСГРС]. Закрепление за фразеологизмом семантики чего-либо незначительного повлекло за собой его употребление в значении ‘недалеко, на небольшие расстояния’, ср. «Ой, папа, ты от шильного до мыльного только ездешь»; «Иди, сбегай от шильного до мыльного, до Дёмина» (влг.) [там же].

Вышесказанное позволяет сделать два вывода: такие бытовые занятия, как шитье и мытье, в языковом сознании нередко связываются друг с другом, однако они могут восприниматься как незначительные, пустяковые дела по сравнению, например, с работами в поле.

Бытовая и, как следствие, языковая связь *шила* и *мыла* представлена также в обозначении мелких предметов – чаще всего, мелких лавочных товаров, необходимых в быту, в том числе в занятиях шитьем и мытьем: волгоград. *шило-мыло* ‘разные хозяйственные мелочи’ [СДГВО: 673], иркут. *шилъе-мылье* ‘мелкий товар: нитки, иголки и т. п.’ [ФСРГС: 220], томск. *шилъе да мылье* ‘мелкие дешевые товары’: «Купцам продавали скот за дешёвку, отец скотину разводил, продавал по двенадцать рублей голова. Они потом *шилъем да мыльем* эти купцы, чё и не надо, а они предлагают» [СРГС 5: 343], обонез. *шилъе да мылье* ‘то же’ [КСРНГ], тул. *шилъе-мылье* ‘о мелочных товарах: иголки, нитки и т. п.’ [СРНГ 19: 55], оренб. *шилъце да мыльце* ‘мелочь, пустяки’: «А какой он купец, прости господи! Казанский татарин, не больше: на Меновном в коробу торгует. И товару-то всего на грош, *шилъце да мыльце*» [Малеча 2: 458], морд. *шилки-мылки* ‘мелкие предметы, мелочь’: «Хватилси, шурупф нет. Зьфсягда шылки-мылки купить зьбываш» [СРГМ 2: 1518].

Таким образом, *шило* и *мыло* стали своего рода **символом мелочей, необходимых в семейном быту**. Именно в таком статусе этот бином

выступает в свадебном фольклоре: в числе ритуалов свадебного обряда был сбор денег «молодым на *шильце*, на *мыльце*, на бело белильце» [Даль 2: 953], «на *шильце*, на *мыльце*, на кривое веретенце» [Даль 4: 1433], моск. «на донце, на веретенце, на *шильце*, на *мыльце*» [НКРЯ]; ср. также тамб. «Нам много надобить: На шшотки, на гребенки, На кривыя веретены, На кушачки, на тарачки, На ластовицы и на гашнички, И на *мыльца*, и на *шильца*, И на белилица, и на румяница» [СПТГ 1911: 149]. Эти предметы были и среди подарков, которые преподносились молодым (или жених дарил невесте перед свадьбой) [Гура 2012: по предметно-тематическому указателю]. Устойчивость подобных текстов позволяет включить бином *шило-мыло* в число парных слов русского фольклора⁴; подробнее об этом далее.

Можно констатировать, с одной стороны, **важность** предметов для мелких бытовых нужд: что-либо никуда не годное не попадает ни в «шилную», ни в «мыльную» категорию (без указ. места *ни шильце*, *ни мыльце* ‘ни то ни се’, *ни к шилу*, *ни к мылу* ‘то же’ [Даль 2: 953]); с другой стороны, их **незначительность** – эти обороты обозначают нечто ненужное, не имеющее пользы: карел. *шило-мыло* ‘что-н. пустое, ненужное’: «Грибы-то почистил, да шило-мыло там осталось, гнилое всё» [СРГК 6: 858], н.-печор. *шилье-мылье* ‘ненужные, бесполезные вещи, хлам’: «– Митрофан, ты видывал-нет, како у соседей-то в избе баско? – Не дровь давай, у них полна хата всякого шилья-мылья, ничё дельного-то нет» [ФСНП 2: 405]. Показательна также пословица, записанная у старообрядцев Литвы: «Кристалл взял – *шильем-мыльем* отдал», ср. комментарий носителя традиции: «Взял какую-то ценную вещь, а отдал тем-сем. Раньше *кристалл* говорили – пшеница как кристалл, как золото. Може, он взял семян, а отдал напополам с мякиной. Даже не отдал, а *мыльем-шильем отпихал* – и так говорят» [ФСЛ: 423, № 1252]. Интересно и противопоставление *шила* и *дела* в арх. *ни к шилу*, *ни к делу* ‘не имеет отношения ни к чему, ни к селу ни к городу’ [АОС 10: 455]. Возможно, коннотация бесполезности у *шила* связана еще с таким свойством реалии, как его тонкость и, соответственно, малый размер прокалываемых отверстий, ср. оксюморонные выражения, где подчеркивается невозможность питаться при помощи шила: н.-печор. *шильцем молоко хлебать* ‘оставаться ни с чем, ничего не иметь’ [ФСНП 2: 405], прикам. *хлепать шилом* ‘жить очень бедно’, народ. *хлебнуть* (*хватить*, *схватить*) *шилом патоки* ‘много испытать в жизни, перенести много трудностей’, сиб. *шильцем хле-*

бать <молоко> ‘о запрете на употребление молока во время церковных постов’ [БСРП: 751].

Сочетания слов *шило* и *мыло*, *шильный* и *мыльный* используются для обозначения **хитрых и скупых людей**, ср. влг. *шило да мыло* ‘скупой человек’ [КСГРС], влг. *шило-мыло* ‘о хитром человеке’: «Шило-мыло значит хитрый очень. Хитрый, скользкой, как мыло» [там же], влг. *шило да мыло*, *шильный-мыльный* ‘о том, кто врет, хитрит’: «Шильный-мыльный – про бахвалов говорили, кто врет, шило да мыло, не связывайся с им» [там же]. Появление таких характеристик обусловлено не только развитием негативной семантики названных выше оборотов (вроде влг. *от шильного до мыльного* ‘о людях, не способных к труду, не любящих работать’, карел. *шило-мыло* ‘что-н. пустое, ненужное’ и др.), но и самостоятельным семантическим потенциалом каждого из компонентов этой пары. Так, коннотации *шильного* проясняются в ряду таких слов, как, например, без указ. места *шильник* ‘мошенник, обманщик, плут’ [Даль 4: 652], бурят. *шильник* ‘то же’: «Шильник с корзиной ходил, продавал всякую мелочь. А по-нашему плут это» [СРГС 5: 343], без указ. места *шильничать* ‘мошенничать, «намек на плутовство *шильника* – мелкого торговца, мелочного плута» [Михельсон 2: 535], морд. *шильничать* ‘вести развратный образ жизни’ [СРГМ 2: 1518], пск., твер. *подшильничать* ‘гнувно лгать, наговаривать на кого-л.’ [СРНГ 28: 257]. Возможно, имеет значение также ассоциация «пронируемости», основанная на остроте инструмента – *шила*: яросл. *шилыватый* ‘увертливый’ [ЯОС–Д 2: 366], простореч. *шило в заднице* ‘о непоседливом, чрезмерно активном человеке’ и др. Коннотативный фон *мыла* (в той его части, которая нас интересует) обнаруживают следующие лексические единицы: влг. *мыло* ‘о скупом человеке’ [СРНГ 19: 55], влг. *мылица* ‘врун, хитрец’ [КСГРС], влг. *мылистой*, *мыльный* ‘лживый, болтливый’ [там же], костр. *мылить* ‘лгать’ [ЛКТЭ], костр. *обмылить* ‘обмануть’: «Обмылила меня, провела» [там же] и др. Эти коннотации опираются главным образом на «скользкость» реалии.

Устойчивая связь *шила* и *мыла* подкрепляется не только бытийными и семантическими факторами, но и собственно **языковой «техникой»**: внутренней рифмой и фонетическим составом слов. Как говорилось выше, связки *шило-мыло*, *шильце-мыльце* являются примерами **парных слов русского фольклора**. Подобные парные сочетания полнозначных лексем обладают двумя фонетическими особенностями: их компоненты рифмуются друг с другом, и в большинстве случаев вторая часть пары начинается с губного со-

гласного [Минлос 2004: 125–126]. В частности, пара *шильце-мыльце* встречается в репликах водящего в детских подвижных играх в Белозерском крае Вологодской области: «Бабушка-галанушка! / Продай уголок / За шильце, за мыльце, / За белое копыльце, / За зеркальце!»; «Кумушка-кума, / Продай уголок / За шильце, за мыльце, / За зеркальце!» [ДКСБ: 102]; варианты этой игры (и игровые тексты с интересующими нас словами) встречаются и на других территориях (ср., к примеру, [http://rodnaya-tropinka.ru/igry-na-svezhem-vozdue/]).

В фольклорных текстах, подобных вышеприведенным, связка *шило-мыло* имеет как семантическое, так и (в первую очередь) формальное обоснование. Эта связка попадает в сферу действия редупликативной модели (распространенной в русском и других восточнославянских языках), в рамках которой образуются конструкции с начальными *ш* и *м*, ср. простореч. *шурь-мурь*, а также ленингр. *шагом-махом* ‘кое-как, не по порядку’ [СРГК 6: 818], мурман. *шантить-мантить* ‘о половых сношениях’ [там же: 831], волгоград. *шатиль-мотиль*, *шах-мах* ‘о безделье, бездельнике’ [СДГВО: 669], волгоград. *шүшера-мүшера* ‘мусор, отходы’ [там же: 680], арх. *шүряться да мүряться* ‘возиться, копаться’ [КСГРС], яросл. *шүни-мүни* ‘рваная одежда, белье; обноски, тряпье; нехорошие дела, сделки’ [ЯОС 10: 82], яросл. *шүра-мүра* ‘старье, рухлядь’ [там же], яросл. *шкунды-мунды* ‘рваная одежда, белье; обноски, тряпье’ [там же: 78], оренб. *Ширну-мырну, где вымырну?* (так кричат дети перед нырянием) [Малеча 2: 458], примор. *шурин-мурин*, новг. *шалаги-малаги, шило-мотовило, шитовило-мотовило* (пара из восточнославянских загадок) [Минлос 2005: 104, 106, 108] и др. Как видим, все подобные слова и выражения экспрессивны по своей семантике, и эта экспрессия во многом вытекает из фонетического облика сочетаний.

***

Подведем итоги.

Как нам представляется, выражение *менять шило на мыло* не может рассматриваться изолированно от большой группы парных слов и фразеологических оборотов, в которых разными способами обыгрывается бинном *шило-мыло*. Это языковое гнездо сформировалось в широком культурно-этнографическом контексте – в народной среде, для которой пара *шило* и *мыло* стала символом домашних бытовых забот и ремесленных занятий, считающихся более легкими, чем крестьянский труд в поле. Важно и то, что *шило* и *мыло* были в лавках и магазинах основ-

ными мелкими «промтоварами», которые не производились в натуральном хозяйстве. Вот эти «мелочность» и «легкость» способствовали формированию коннотаций чего-то незначимого, пустого. Кроме того, у каждого из элементов биннома есть собственные негативные коннотации, которые базируются на свойствах реалий. В процессе номинации значимыми оказываются «скользкость» мыла, его способность быстро «измыливаться», исчезать, его «происхождение» (*на мыло* шли животные жиры, в том числе падаль). Что касается *шила*, то его коннотативный фон основан на признаках «пронырливости» и малой ценности; есть негативные ассоциации и у слова *шильник* ‘торговец мелкими товарами’ → ‘плут, мошенник’. Коннотации *шила* и *мыла* в ряде случаев звучат в унисон друг другу.

Бытийная смежность реалий и сходство смысловых ассоциаций двух слов поддерживаются формальной близостью лексем, создаваемой как рифмующимися конечными компонентами, так и включенностью начальных *ш* и *м* в распространенную модель редупликативного словообразования. Все эти факторы цементируют изучаемый бинном и способствуют его популярности, «фольклоризации» (он употребляется в свадебном фольклоре, в игровых припевках), а также семантической вариативности: с помощью данного биннома осваиваются разные области вторичных значений (значение бесполезности, ненужности, хитрости, изворотливости и др.). Элементы этой пары вступают в различные отношения друг с другом – то объединяются в одно слово (*шилье-мылье*), то оказываются связанными сочинительным союзом *да* (*шилье да мылье*), то допускают включение в конструкции предикатов, в числе которых глаголы *перевести* (*свести*) и *менять* (*променять*). Появление предикатов привносит в образовавшиеся конструкции семантику глагольного компонента и обеспечивает вхождение полученных оборотов в две фразеологические модели, существующие в народной речи: с одной стороны, выражения с глаголами *перевести* и *свести*, означающие безрезультатный труд и напрасные усилия (*свести на мыльный пузырь*), с другой стороны, идиомы с глаголами *менять*, *променять*, означающие бессмысленный и неравноценный обмен (*променять быка на индыка*). При этом выражения с глаголом *свести* (*перевести*), возможно, хронологически появились раньше, чем обороты с «обменной» семантикой. Что касается оборотов типа *выменять шило на свайку*, то для них можно допустить параллельное или позднее образование.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

² Здесь и далее контексты из художественной литературы извлечены из [НКРЯ]; они даются без указания на источник.

³ Впрочем, не всегда такая угроза была шутиливой, ср.: «Может быть, в Париже немцы, увидев его длинный нос, арестовали его и, как Георгий Иванов говорил мне со спокойным отвращением, “сварили его на мыло”» <В. Смоленский. Воспоминания (1955)>. Возможно, переосмыслению фразеологизма способствовали легенды о фашистских опытах над узниками лагерей. Вдруг не случаен тот факт, что выражения типа «Судью на мыло» фиксируются (по данным [НКРЯ]) только после Второй мировой войны?

⁴ Парными словами называют синтаксически и семантически слитные сочетания вроде *поить-кормить, золото-серебро, сильный-могучий*, характерные, в частности, для русского фольклора [Минлос 2005: 96]; наряду с собственно парными словами (*хитра-мудра*) рассматривается и сочинительная реализация тех же парных сочетаний (*хитрый да мудрый*) [там же].

Список источников

АОС – *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–. Вып. 1–.

БСРП – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 785 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М.: Товарищество М. О. Вольф, 1903–1909. Т. 1–4.

ДКСБ – *Духовная* культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь / отв. ред. И. А. Морозов. М.: ИЭА РАН, 1997. 432 с.

КСГРС – *картотека* Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

КСРНГ – *картотека* Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).

ЛКТЭ – *лексическая* картотека Топонимической экспедиции УрФУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2002–2003.

НКРЯ – *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.05.2017).

СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.

СДГВО – *Словарь* донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысына, В. И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.

Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород: [б. и.], 2004. 307 с.

СПГ – *Словарь* пермских говоров: в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Кн. мир, 1999–2002.

СППП – *Словарь* псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; науч. ред. Л. А. Ивашко; отв. ред. Л. А. Карпова. СПб.: Норинт, 2001. 176 с.

СПТГ – [*Свадебные* песни Тамбовской губернии]: Козловского уезда сельцо Александровское // Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Изд. Об-вом любителей рос. словесности при Имп. Моск. ун-те. М., 1911–1929. Вып. I–II. Вып. I. (Песни обрядовые). М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1911. С. 140–149.

СРГК – *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т; Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГМ – *Словарь* русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 ч. / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2013. Ч. I. С. 1–672. Ч. II. С. 673–1560.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

ФСЛ – *Фольклор* старообрядцев Литвы: Тексты и исследование: в 3 т. Т. 1: Сказки. Пословицы. Загадки / изд. подгот. Ю. Новиков. Вильнюс, 2007.

ФСНП – *Фразеологический* словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008.

ФСПП – *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.

ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1983. 232 с.

Шведова 2007 – *Толковый* словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

ЯОС – *Ярославский областной словарь*: в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ, 1981–1991.

ЯОС–Д – *Ярославский областной словарь*: Дополнения: в 2 т. / науч. ред. Т. К. Ховрина. Ярославль: ЯГПУ, 2015.

Список литературы

Березович Е. Л. *Садиться не в свои сани*: этнолингв. коммент. к фразеологизму // *Slavica Svetlanica*. Язык и картина мира: К юбилею С. М. Толстой. М.: Индрик, 2013. С. 169–178.

Березович Е. Л. *Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.

Бормотова К. А., Малькова Я. В. *Образы божественной и нечистой силы во фразеологии вологодско-костромского пограничья // Живая старина*. 2016. № 2. С. 46–49.

Гура А. В. *Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика*. М.: Индрик, 2012. 936 с.

Минлос Ф. Р. *Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: дис. ... канд. филол. наук*. М., 2004. 183 с.

Минлос Ф. Р. *Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слова // Русский язык в научном освещении*. 2005. № 1. С. 96–115.

Михельсон М. И. *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т.* СПб., 1901–1902.

Мокленко В. М. *Славянская фразеология: учеб. пособие*. М.: Высшая школа, 1980. 207 с.

РФ – Бирих А. К., Мокленко В. М., Степанова Л. И. *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.

Соломеина Д. С. *Этимолого-словообразовательное гнездо глагола шить в русском языке: дис. ... магистра филол. наук*. Екатеринбург, 2014. 100 с.

ФРР – Мелерович А. М., Мокленко В. М. *Фразеологизмы в русской речи. Словарь*. М.: Русские словари, 1997. 864 с.

References

Berezovich E. L. *Sadit'sya ne v svoi sani: etnolingvistic comment on the idiom*. *Slavica Svetlanica. Yazyk i kartina mira: k yubileyu S. M. Tolstoy* [Slavica Svetlanica. Language and picture of the world: for the an-

niversary of S. M. Tolstaya]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 169–178. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary in the general Slavic context: semantic and motivational reconstruction]. Moscow, Russkiy fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2014. 488 p. (In Russ.)

Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 700 p. (In Russ.)

Bormotova K. A., Mal'kova Ya. V. *Obrazy bozhestvennoy i nechistoy sily vo frazeologii vologodsko-kostromskogo pogranich'ya* [Images of good and evil spirits in idioms of the Vologda-Kostroma border area]. *Zhivaya starina*, 2016, issue 2, pp. 46–49. (In Russ.)

Gura A. V. *Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoy kul'ture: semantika i simbolika* [Marriage and wedding in Slavic folk culture: semantics and symbolism]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 936 p. (In Russ.)

Mikhelson M. I. *Russkaya mysl' i rech. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoy frazeologii: Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy* [Russian Thought and Speech. One's own and others'. Experience in Russian phraseology: Collection of figurative words and allegories]. In 2 vols. St. Petersburg, 1901–1902. (In Russ.)

Minlos F. R. *Reduplikatsiya i parnye slova v vostochnoslavjanskikh yazykakh*. Diss. kand. filol. nauk [Reduplication and paired words in the East Slavic Languages. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2004. 183 p. (In Russ.)

Minlos F. R. *Rifmovannye sochetaniya v russkom fol'klore. Reduplikatsiya i parnye slova* [Rhymed combinations in the Russian Folklore. Reduplication and paired words]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2005, issue 1, pp. 96–115. (In Russ.)

Mokienko V. M. *Slavianskaya frazeologiya: ucheb. posobie* [Slavic phraseology: textbook]. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1980. 207 p. (In Russ.)

Solomeina D. S. *Etimologo-slovoobrazovatel'noe gnezdo glagola shit' v russkom yazyke. Diss. Magistra filol. nauk* [Etymological slot of the word family of the verb *shit'* (to sew) in the Russian language. Master philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2014. 100 p. (In Russ.)

FRR – Melerovich A. M., Mokienko V. M. *Frazeologizmy v russkoy rechi. Slovar'* [Idioms in Russian Speech. Dictionary]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997. 864 p. (In Russ.)

MENYAT' SHILO NA MYLO
<EXCHANGE AN AWL FOR SOAP> ('TRADE BAD FOR WORSE'):
DIALECTOLOGICAL COMMENTARY ON THE IDIOM

Elena L. Berezovich

Professor in the Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

51, prospekt Lenina, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. berezovich@yandex.ru

SPIN-code: 4752-4854

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1688-2808>

ResearcherID: A-3337-2016

Valeriya S. Kuchko

Research Fellow in the Toponymic Laboratory of the Department

of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

51, prospekt Lenina, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. kuchko@inbox.ru

SPIN-code: 5032-9120

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7139-5738>

ResearcherID: R-6809-2016

The article refers to the idiom *menyat' (smenyat') shilo na mylo* <change (exchange) an awl for soap>, which means 'to make a bad choice; to choose the worst from several bad things'. After having critically evaluated the existing hypotheses about the origin of this idiom, the authors propose their own version, based on the data of Russian folklore and dialects. The authors suggest that the idiom should be considered in a general linguistic context formed around the binomial *shilo-mylo* <awl-soap>. There are several reasons for attraction of these two words. The words *awl* and *soap* designate the items which are indispensable for housekeeping and the most common things in small shops selling household goods. Besides this everyday contiguity of the items, there is a phonetic resemblance of the words. They function in the frames of a popular reduplication model, on the basis of which constructions with initial letters *sh* and *m* are created (i. e. *shury-mury*). A wide range of meanings can be designated by this binomial (semantics of something necessary or, on the contrary, of something useless, meanings of greed, slyness, etc.). The components of this pair create different formal correlations (*shilo-mylo*, *ot shil'nogo do myl'nogo*, *shil'tse da myl'tse*, *shil'e-myl'e*, etc.). They function in constructions with predicates, for example, with the verbs *perevesti (svesti)* <reduce, bring smth to smth> and *menyat' (promenyat')* <exchange>. With these verbs, the two words are part of two phraseological models existing in popular speech: on the one hand, idioms with the verbs *perevesti* and *svesti* <reduce, bring smth to smth>, meaning futile labor and vain efforts (*svest' na myl'nyy puzyr'* <bring smth to a soap bubble>), on the other hand, idioms with the verbs *menyat'*, *promenyat'* <exchange>, meaning useless and inadequate exchange (*promenyat' byka na indyka*). On the assumption of the authors, the idioms *svesti (perevesti) shilo na mylo* <bring an awl to soap> appeared earlier than the idioms with the semantics of exchange.

Key words: Russian dialects; Russian folklore; Russian dialect idioms; ethnolinguistics; semantic and motivational reconstruction.

УДК 811.161.1'282.2
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-15-23

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В НОМИНАЦИИ СКОРОСТИ (на материале русских народных говоров)¹

Елизавета Олеговна Борисова

к. филол. н., лаборант топонимической лаборатории

кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. liska5@yandex.ru

SPIN-код: 8131-6080

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3749-3307>

ResearcherID: J-3727-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Борисова Е. О. Мифологические образы в номинации скорости (на материале русских народных говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 15–23. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-15-23

Please cite this article in English as:

Borisova E. O. Mifologicheskie obrazy v nominatsii skorosti (na materiale russkikh narodnykh govorov) [Images of Mythological Characters in Nomination of Sluggish and Prompt People (a Case Study of Russian Dialects)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 15–23. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-15-23 (In Russ.)

В статье рассматриваются обозначения медлительных и расторопных людей, мотивированные наименованиями мифологических персонажей. Материалом для статьи послужила лексика русских народных говоров. Отмечается, что развитие значения скорости наблюдается только у имен низших демонов, имеющих, по поверьям, непосредственный контакт с людьми; представителям низшей демонологии приписывается способность каузировать у человека состояние активности или заторможенности. Наибольшей продуктивностью характеризуются наименования черта и беса, для которых релевантен признак быстроты. Образы данных персонажей детально проработаны в «скоростной» лексике и фразеологии: подвижный человек сравнивается непосредственно с чертом и бесом (*быстрый как чёрт, первый бес*); эталоном движения с высокой скоростью выступают прототипические ситуации, в которых черт и бес демонстрируют способность к быстрому перемещению (*как бес от грома*); выбор человеком неестественно высокой скорости объясняется влиянием черта или беса на его сознание (*чёрт гнал*). В основу номинаций быстроты также могут быть положены имена таких персонажей, как *шуликуны, кострома* и *ягарма*. В первом случае семантическое развитие имени мифологического персонажа основано на представлениях о его поведении и внешнем виде (*шуликуны* маленького роста, подвижны и суетливы), в двух других определяется принадлежностью *костромы* и *ягармы* к числу персонажей устрашения и сближением их с демоническими силами: образы мифологических персонажей, обладающих «надприродными» свойствами, продуктивны в «скоростной» номинации, привлекаются для описания «выдающихся» способностей человека. Семантика медлительности представлена у рассматриваемых лексем единичными примерами (*слепая макура*), однако обозначения кикиморы (*шишиморы*) и кумохи получают противоположную скоростную интерпретацию.

Ключевые слова: этнолингвистика; русская диалектная лексика; метафора; семантическая деривация; народная демонология.

Диалектная лексическая система (в нашем случае русская), ориентированная на описание практической бытовой жизни, выделяет те личностные характеристики человека, которые значимы в процессе трудовой деятельности. Одним

из таких признаков, лексически маркированных в говорах, является склонность человека к совершению действий быстро или медленно. Многочисленность и экспрессивность лексем, называющих медлительных и расторопных людей,

определяет разнообразие источников номинации – привлечение лексики различных тематических групп. В данной статье мы рассмотрим «скоростные» обозначения человека, мотивированные именами мифологических персонажей.

Наибольшей продуктивностью в развитии значения быстроты характеризуются наименования **черта** и **беса**, что объясняется релевантностью признака скорости для этих персонажей. «Представления о подвижности, “вертлявости” чертей или бесов, их способности к исключительно быстрому передвижению» [Березович, Родионова 2002: 24] широко распространены в народной культуре, и эти качества входят в число «мотивов-коннотаций» в смысловой структуре макрообразов черта и беса, ср., например, ряз. *вертлячий черт* ‘бранное выражение’, без указ. мест. *бесова нога* ‘вертлявый, бойкий, проворный’ [там же]. Таким образом, *чертом* (*бесом*) называется быстрый, подвижный человек,двигающийся с высокой скоростью: брян. *быстрый как чёрт* ‘об очень подвижной, быстрой птице’ [БСРНС: 741], литер. *чёртом* ‘очень быстро, проворно, ловко’ [ССРЛЯ 17: 948], брян. *бежать / побежать (бежать) как черти* ‘об очень быстро бегущих людях’ [БСРНС: 745], литер. *как бес* ‘о проворном, ловком, быстром в движениях человеке и животном’ [ССРЛЯ 1: 400], литер. *вертеться, суетиться, метаться* и т. п. *как бес, бесы* [там же: 499], прикам. *первый бес* ‘непоседа и весельчак’ [ФСПГ: 22], новг. *поверткóй* ‘быстрый, ловкий’ – *Поверткóй, как бес* [НОС 8: 9].

Номинативно отмечены также ситуации, в которых черт и бес проявляют свою способность к быстрому перемещению. Во-первых, выделены «чертовы» средства и способы передвижения: орл. *носиться как чёрт на колесе* ‘о быстро бегущем человеке’ [БСРНС: 743], новг. *носиться, как чёрт на ходулях* ‘быстро бегать, идти’ [НОС 12: 54], дон. *как черт на воздухе, воздухах (летать, носиться и пр.)* ‘о ком-то, быстро передвигающемся’ [СРДГ 3: 192]. Во-вторых, в фразеологизмах со значением скорости отражены представления о том, что черт и бес боятся грозы, грома, удары которого для них смертельны: перм. *носиться как бес от грозы* ‘о быстро и в испуге убегающем человеке’ [БСРНС: 46], перм. *как бес от грома* ‘сломя голову’ [ФСПГ: 22]. Вообще, поскольку черт и бес преследуют людей, вредят им, пугают, сбивают с пути и пр., т. е. контактов с ними желательно избегать, существуют преставления об оберегах – предметах, при виде которых черт и бес испытывают страх и стремятся скрыться: перм. *носиться как бес от ладана* ‘о быстро и в испуге убегающем человеке’ [БСРНС: 46] (ср. литер. *как черт от ладана* ‘всеми силами, любыми средствами стремясь

избавиться’ – *Ну, что ж это такое, Ирина?<...> Ты от меня убегаешь, как черт от ладана* [ФСРЯ: 519]); ср. также дон. *как черт с полоху (переполоху)* ‘от испуга очень быстро’ [СРДГ 3: 37]. Наконец, моделируются ситуации, в которых черт находится в несвойственной для него роли: волог. *носиться как чёрт с репой* ‘быстро бегать’ [КСГРС].

Бес также обладает способностью вселяться в тело человека, вследствие чего человек становится «бесноватым», лишается разума (модель «сумасшедший» → «быстро перемещающийся» является одной из высокочастотных, ср. пск. *бежать как сумасшёлый* ‘об очень быстро, стремительно и безрассудно бегающих людях или животных’ [СППП: 118]); курск. *забесованный* ‘отважный, проворный’ [СРНГ 9: 253]; «А то ишло гъварять: што ты носишси, как избясился» (орл.) [СОГ 4: 138]. Бес и черт могут также овладевать волей человека (ср. представления о сговорах человека с чертом и бесом). Действия, совершаемые быстро, видятся как инициируемые чертом и бесом (при этом наблюдается амбивалентная оценка таковых действий: чаще они описываются как «необдуманные», «не вовремя совершенные» и т. д., но в некоторых случаях отрицательная оценка нивелируется): печор. *как (будто) беси носят* ‘кто-либо быстро бегают, играет, резвится (обычно говорится о детях)’, ‘говорится о людях, которые быстро и ловко что-либо делают’ [ФСРГНП 1: 298], пск. *бес несёт (понёс)* ‘о быстрой ходьбе, беге, передвижении кого-л., чего-л.’ [СППП: 17], пск. *чёрт гнал* ‘о быстром, необдуманном, опрометчивом поступке’ [там же: 80], пск. *что беси опахали* ‘о быстро ушедшем откуда-л. человеке’ [там же: 87], пск. *как беси пригнали* ‘о человеке, неожиданно, быстро и не вовремя появившемся где-л.’ [там же].

Помимо конкретных ситуаций, предполагающих проявление способностей черта и беса к быстрому перемещению, в фактах «чертовой» лексики и фразеологии представлена также идея интенсивности, высокой степени выраженности признака [Березович, Родионова 2002: 33]. Например, в контексте: ворон. *отмотать* ‘сделать что-л. быстро’ – *Если молодой дьякон был бы чертом, я обедню отмотал* [СРНГ 24: 244] – скоростная семантика передается глаголом (ср. значения дериватов от *мотать*: костр. *мотáшиться* ‘излишне медленно делать что-либо, слишком много тратить времени на что-либо’ [СРНГ 18: 297], *смотóрить* курск., южн., зап. ‘сделать что-либо быстро, скоро’, южн., зап. ‘сделать что-либо быстро, втайне от других’ [там же: 39, 48]) – а также других глаголов кругового перемещения), а роль *чёрта* сводится к повышению экспрессивности высказывания.

Выше мы говорили о том, что образы черта и беса привлекаются, как правило, для описания перемещения с высокой скоростью. Отдельно стоит отметить лексические единицы, номинирующие энергичную деятельность: башк. *чертоломить* ‘работать много, сверх сил, упорно, быстро; выполнять тяжелую работу’ [СРГБаш: чертоломить], башк. *чертомелить* ‘то же’ [там же: чертомелить], ср. также перм., свердл. *чертомелить* ‘работать много, с большим усердием и напряжением’ [СРГСУ 7: 27], сверд., волог. *чертоломить* ‘выполнять тяжелую физическую работу’ [там же; КСГРС], волог. *чёрта ломить* ‘много работать, изнуряя себя’ [СРГК 3: 143] и др. Они объясняются мотивом связи черта с работой, в котором «отразилось представление о работе, повседневном физическом труде как явлении “небожественном” по своей сути и происхождению – представлении, восходящем к библейскому сюжету о грехопадении и изгнании из рая и поддерживаемом на уровне обрядового кода и в нормах бытового поведения (запрет на работу в праздничные и выходные дни вследствие восприятия их как дней, посвященных Богу)» [Березович, Родионова 2002: 32–33]. М. А. Еремина отмечает, что «на синхронном уровне образ черта оказывается стертým, видоизменяясь в эталон количественной оценки. Сочетаясь с глаголом *ломить*, он формирует чистый экспрессив, в котором впечатление об интенсивности действия соединяется с отрицательной эмоцией» [Еремина 2003: 111]. В случае с *чертомелить*, а также с фиксируемым на этой же территории башк. *черноломить* ‘работать много, сверх сил, упорно, быстро; выполнять тяжелую работу’ [СРГБаш: чертоломить] мы предполагаем контаминации первого глагола с другими корнями, возникающие из-за фонетической близости слов и поддерживающиеся их коннотациями: так, *чёрный* появляется в номинациях тяжелого физического труда (ср. литер. *чёрный* ‘физически тяжелый, грязный и вместе с подсобный, не требующий особого умения, знаний’ [ССРЛЯ 17: 923]) и в данном сочетании усиливает значение глагола (ср. волог., яросл., костр., иван., вят. *ломить* ‘быстро, энергично работать; делать трудную работу’ [СРНГ 17: 120]).

Возможны номинации быстрых людей с использованием уменьшительных форм от наименований нечистой силы – таким образом обозначаются обладающие соответствующими характеристиками дети: разг. *как бесёнок* ‘о проворном, юрком, непоседливом, проказливом, шаловливом ребёнке (реже взрослом)’ [БСРНС: 47]; литер. *чертёнок* ‘о бойком, озорном мальчишке (или девчонке)’ [ССРЛЯ 17: 955]; кубан. *побежать как сатанята* ‘о быстро и внезапно помчавших-

ся куда-л. детях (особенно мальчишках)’ [БСРНС: 594]. Показательно, на наш взгляд, что образ сатаны как представителя высшей демонологии встречается всего один раз и только в уменьшительной форме.

Непосредственно признаком скорости или признаками, ассоциирующимися со способностью к быстрому или медленному передвижению, обладают и другие, помимо черта и беса, персонажи народных верований. В первую очередь отметим номинации, связанные с образом **шуликунов** – сезонных духов, активизирующихся в период от Рождества (Нового года) до Крещения: печор. *как шеликон (шулюкун)* ‘быстрый, резвый ребенок’ – *Вот ребята малы, дак они как шеликоны скажут, проворны таки; Ну как шулюкуны робяты-ти* [ФСРГНП 1: 338]. Несмотря на единственное число в дефиниции, контексты указывают на то, что ассоциации с шуликунами вызывает компания играющих вместе детей. Источником ассоциаций являются представления о типичном поведении и внешнем виде данных мифических персонажей: «Согласно большинству поверий, шуликуны выглядят как маленькие человечки, с кулачок или чуть больше; редко появляются поодиночке, обычно их видят “ватагами”, “артелями”, “толпами”, “скопищами”» [Березович, Виноградова 2012б: 583]. Шуликуны «очень подвижны (бегают по улицам, суеются, толкаются, мельтешат, скатываются с горок, толпятся возле проруби и на перекрестках дорог); им присущи особые способы передвижения (езды на конях, “на маленьких лошадаках”; в санях или на одном полозе от саней; скачут или летают в железных ступах; скользят по снегу на воловьей шкуре; ездят на горячей печи, на ухвате, сковородке или кочерге)» [там же: 584]. Сравнение с ними детей, таким образом, базируется на ряде признаков шуликунов: подвижность, маленький размер, большое количество.

В представлениях о **кикиморе** характеристика скорости не является строго закрепленной, и варианты ее имени (*кикимора*, *шшишмора*) развивают противоположные скоростные значения. Постоянным признаком этого персонажа «является связь с прядением: может допрясть за хозяйку, но чаще путает, рвет, мусолит, иногда жжет кудель, оставленную на ночь без благословения» [Черепанова 1983: 125]. Женские домашние обязанности, требующие сосредоточенности, повторения однообразных мелких движений, к которым относится также прядение, являются эталоном деятельности с низкой скоростью², этот факт объясняет появление соответствующего значения у волог., ленинг. *шшишмора* ‘медлительный в работе человек’ [КСГРС; СРГК 6: 880]. Перехо-

ду способствуют фонетические причины, к которым можно отнести, во-первых, фоносемантику (семантика медлительности часто закрепляется у тех слов с затемненной внутренней формой, звуковая оболочка которых включает глухие шипящие, ср. костр. *шушлѣна* 'о нерасторопной, неумелой женщине' [ЛКТЭ], яросл. *шушунка* 'неповоротливый, медлительный человек' [ЯОС 10: 82], твер. *шошѣлѣться* 'мешкать, медлить, меледить, возиться, копать' [Даль 4: 662] и мн. др.), а во-вторых, вероятную фонетическую аттракцию по созвучию корня: на территории преимущественного распространения слова *шшш-мора* и в родственных говорах фиксируются многочисленные глаголы, включающие звукокомплекс *шшш-*, которые называют деятельность и передвижение с низкой скоростью: пск. *шшшѣть* 'работать в одиночестве, потихоньку', перм. *шшшлѣть* 'делать потихоньку', волог. *шшшлѣть* 'тихо делать что-либо, медлить', вят. *шшшлѣть* 'тихо, вяло копать, возиться', яросл. *шшшлѣться* 'копошиться, возиться с чем-л.' и др. [см.: Черепанова 1983: 133; КСГРС]³.

Время появления персонажа – обычно ночь. Способность кикиморы вести активную деятельность незаметно для людей получает различную скоростную интерпретацию. С одной стороны, поскольку хозяева дома, в котором появляется кикимора, ночью спят, кикиморе необходимо действовать тихо, чтобы не разбудить, а как следствие – медленно, что поддерживает развитие приведенного значения. С другой стороны, число дел кикиморы велико, а сферы приложения усилий разнообразны: она «ощипывает кур, бросает и бьет горшки, портит хлеба и пироги, кидается луковицами из подполья или из-под печки, мешает спать детям, стучит вьюшкой, крышками коробов и под.» [Черепанова 1983: 125]. Факт выполнения всего этого за короткое время позволяет сравнить с кикиморой торопливого, проворного человека: олон., тобол. *кикимора* 'о непоседе, юрком, проворном человеке' [СРНГ 13: 205] (ср. формулировку данного значения см.: [Черепанова 1983: 127]: олон. 'о непоседливом, юрком, вертлявом, везде сующемся, все обшаривающем человеке').

Противоположные «скоростные» значения развиваются у имени мифологического существа, представляющего собой народную персонафикацию лихорадки в образе женщины, – **кумохи**. Известно, что «в народной медицине к лихорадке относят разные болезни (сухотку, тиф, малярию), объединяемые общими симптомами (жар, озноб, дрожь, бред и т. д.)» [Усачева 2004: 117]. В Вологодской области (входящей в ареал лексемы) название *кумоха* получает также, кроме самого мифологического персонажа, непосред-

ственно лихорадка, т. е. вызываемая этим персонажем болезнь (волог. *кумоха* 'болезнь, которую насылает мифическое существо' [КСГРС]), и нездоровый сон (волог. *кумоха* 'тяжелый лихорадочный сон, дрема' [там же]) – как основной симптом, сопутствующий всем болезням, которые могут обозначаться словом *лихорадка*. Медлительный человек уподобляется, таким образом, тому, кто погружен в подобную лихорадочную полудрему: волог. *кумоха* 'о сонливом, малоподвижном, нерасторопном человеке' [СРНГ 16: 86].

На этой же территории возникает второе «скоростное» значение: волог. *кумоха* 'о торопливом и неаккуратном человеке' [КСГРС], волог. *кумоха* 'о непоседе, егозе, шалуне, шалунье, баловне' [СРНГ 16: 86], – объясняющееся представлениями о том, что у заболевшего лихорадкой меняется поведение, он теряет способность вести себя адекватно, а кроме того, становится по таким признакам, как, например, необычный блеск глаз, «румянец», похож на человека, находящегося в сильном возбуждении (ср. литер. *лихорадочный* 'болезненно возбужденный, сильно взволнованный', 'торопливый, поспешный' [ССРЛЯ 6: 281]). Отметим также, что контекст демонстрирует негативную оценку поспешности и сочетание ее с рядом других отрицательных характеристик, за которые человек может получить обозначение *кумоха*: «Кумоха така какая-то, что-то сделает быстро, даром, плохонько, маленько недоразвитая» [там же]. Слово *кумоха* активно развивает вторичные значения – различных негативных качеств человека: 'брюзга, человек, которому все не по нраву (чаще о женщине)', 'ругательство (в знач. черт)' и т. д. [см.: КСГРС; СВГ 4: 19]. Кроме того, в вологодской области фиксируются глаголы, для которых мы можем предполагать производность от наименования данного мифологического персонажа, сохраняющие семантику медлительности и «отрицательной оценки»: волог. *кумошѣть* 'делать что-либо пустое, бесполезное, копать с чем-либо без успеха', 'делать что-либо (с примеч. «в бранном смысле»)', волог. *кумошѣться* 'возиться с чем-либо, копошиться' [СРНГ 16: 86]. На появление скоростных значений, таким образом, могут влиять отрицательное отношение к медлительности и, напротив, излишней торопливости, с одной стороны, и тенденции развития семантики данной лексемы в направлении универсальной негативной характеристики человека – с другой.

Как можно заметить, мифологическим персонажам нередко приписывается способность совершать действия с высокой скоростью. Тем не менее некоторые мифические существа наделя-

ются такими специфическими чертами, которые дают основания для развития значения медлительности у имен их обладателей. Среди таких черт, к примеру, слепота **макуры**: орл. *слепая макура* 'о неловком, нерасторопном, близоруком человеке' [СРНГ 38: 267] (ср. перм., забайк. *макура* 'мифическое существо (слепое или подслеповатое)' [СРНГ 17: 315])⁴.

Таким образом, приведенные выше номинации проворных и медлительных людей с привлечением образов нечистой силы основывались на специфических признаках мифологических персонажей (пользуясь классификацией мотивов, предложенной Е. Л. Березович и И. В. Родионовой [Березович, Родионова 2002], можно сказать, что у названных персонажей высокая или низкая скорость является коннотативным мотивом). На наш взгляд, могут быть выделены еще некоторые факторы, способствующие развитию скоростных значений у слов данной тематической группы.

Мифологический персонаж – нематериальная «сущность», обладающая недоступными человеку и не объяснимыми с точки зрения «законов природы» способностями. Эта особенность позволяет привлекать «метафизические» образы для выражения «сквозных» для лексики высокой скорости идей «настолько быстро, что момент совершения действия был ненаблюдаем для окружающих» и «так быстро, как не может обычный человек». Отметим, что, кроме «нечистой силы» (как, например, арх. *только леший видел* 'очень быстро, мигом' [КСГРС]), в ряду подобных номинаций единственный раз появляется «святой» образ: волг., курск. *святым духом* 'очень быстро' [БСРП: 210] (ср. литер. *святым духом* 'как бы само собой, неизвестно как' [ФСРЯ: 149]).

Итак, именно мифологическая природа персонажа может становиться тем признаком, который позволяет отождествить с ним быстро передвигающегося человека. Например, широко распространены верования о **костроме** – персонаже календарного обряда и хороводной игры. В них инсценируется смерть и похороны костромы, в роли которой выступает обычно молодая девушка или «кукла наподобие женщины» [Зеленин 1995: 268]. На севернорусской территории происходит мифологизация персонажа: костроме «приписываются демонические черты, ср. <...> сев.-рус. проклятье "Кострома тебя утащит", сев.-рус. *костромы* 'ряженные на святках'» [Агапкина 1999: 635], ее имя употребляется для запугивания детей [Черепанова 1983: 47], ср. контексты: «А еще Костромой пугали, это наподобие Бабы-яги» (мурман.); «У, смотри, не ходи на улицу, там Кострома» (арх.) [СРГК 2: 443].

О. А. Черепанова отмечает, что «функция запугивания поддержана, вероятно, ролью костромы в игре того же названия. <...> женщина, названная костромой, среди ребяташек притворяется мертвой, а потом неожиданно вскакивает и распугивает ребят» [Черепанова 1983: 47]. Осмысление костромы как персонажа, смыкающегося с демоническими силами, и приписывание ей способности «утащить» (поймать, унести ребенка незаметно для взрослых и пр.) способствует тому, что именно на Русском Севере этот образ используется в качестве эталона высокой скорости движения: карел. *как костромá* 'очень быстро' [СРГК 2: 443].

Приведем еще некоторые примеры, в которых, вероятно, появление скоростного значения у имен персонажей объясняется именно их принадлежностью к миру нечистой силы: новг. *как лыско* 'как ошалелый, как угорелый, как черт' [СРГК 3: 164], волог. *как лыско* 'незвизая ни на какие обстоятельства' – *Разбегался, как лыско* [СВГ 4: 58] (ср. волог., ленинг. *лыско* 'по суеверным представлениям: нечистая сила, живущая в доме' [СРГК 3: 164]), печор. *шишко́ носит* 'о быстром передвижении кого-н.' [СРГНП 2: 448] (ср. печор. *шишко́* 'нечистый дух, черт, дьявол', 'леший' [там же: 447]), тул. *туболётка* 'ведьма, колдунья' → 'о ловкой, проворной женщине' [СРНГ 45: 152].

Нечистая сила, кроме надприродной сущности, обладает еще одним общим признаком: находясь, по поверьям, в непосредственной близости с человеком, она, за редким исключением, различными способами усложняет ему жизнь: запутывает тропинки в лесу, совершает мелкие пакости в доме, крадет детей, уводит скотину и мн. др. Однозначно резко отрицательное отношение к нечистой силе создает экспрессивный потенциал имен мифических персонажей для развития вторичных значений. При этом наблюдается диффузность семантики слов, используемых в качестве «ругательств». Быстрота или медлительность могут, таким образом, оказываться в ряду других негативных поведенческих особенностей человека, за которые он может получить «мифологическое» обозначение.

В Костромской области большим количеством семантических дериватов обладает слово **ягарма** (один из вариантов имени Бабы-Яги [Петрухин 2012: 614], на обсуждаемой территории ягарма функционирует как персонаж устрашения, ср.: «Где-то в лесу живёт, да и пугали ягармой ребяташек, что заберёт с собой» [ЛКТЭ]). Им обозначаются люди и животные по различным признакам, которые вызывают у говорящего отрицательные эмоции (ср. контекст: «Которого невзлю-

бят, того ягарма называют» [ЛКТЭ]): ‘вредный человек’, ‘лохматая растрепанная женщина’, ‘большой, неуклюжий человек’, ‘сварливая женщина’, ‘нелепо одетая женщина’, ‘непослушная скотина’ и др. [там же]. Среди приведенных разнородных негативных характеристик выделяется группа таких, которые рисуют сходный образ женщины-ягармы, включающий признак высокой скорости: *ягáрма* ‘склочная, сварливая женщина’, ‘бойкая, скандальная женщина’, ‘склочная, бойкая женщина’, ‘бойкая пожилая женщина’, ‘о бойкой смелой женщине’, ‘бодрая, резвая женщина’ и, наконец, *ягáрма* ‘шустрый человек’ и *бежать как ягáрма* ‘быстро бежать’ [там же]. Диффузность значения слова *ягарма* (включающего признаки склочности, вредности, бойкости, резвости и т. д.), при которой скорость может присутствовать в концептуальном ядре значения или на коннотативном уровне, подтверждается контекстами, ср.: «Ягармы шустрые, вредные такие – “У, ягарма, забегала опять!” – сварливые женщины» [там же].

Образы мифологических персонажей могут, наконец, включаться в качестве составного элемента в смоделированные «эталонные ситуации». В таком случае персонаж не обязательно обладает непосредственно признаком скорости и выбирается на основании некоторой актуальной для «эталонной ситуации» особенности. Так, широко распространено в качестве образной характеристики работы с низкой скоростью, длительного бездействия и т. п. переносное значение глагола *тянуть* и синонимичных ему слов. При этом для повышения экспрессивности высказывания возможны вариации объекта (литер. *тянуть kota за хвост*, смол. *как старца за бараду тягнуть* и др.). Из числа мифологических персонажей в роли объекта выступает леший, одним из основных признаков которого является наличие длинной шерсти, волос (ср., например, номинацию волог., сев.-двин. *волосáтик* ‘леший’ [СРНГ 5: 58]): печор. *как шишкá (лешакá) за волосы волочить (тянуть)* ‘медленно, с усилием что-нибудь делать’ [ФСРГНП 1: 338] (← печор. *шишкó* ‘леший’ [СРГНП 2: 448]).

***

Круг мифологических образов, привлекаемых в номинации расторопных и (реже) медлительных людей, достаточно широк, в их числе: *черт*, *бес*, *сатана*, *кумоха*, *кострома*, *макура* и другие персонажи, связанные с народными верованиями. При этом в качестве источников скоростной лексики выступают, как правило, обозначения персонажей низшей демонологии, «нечистой силы», имеющей, по поверьям, непосредственный контакт с человеком. Именно низшим демонам

приписывается способность заниматься физическим трудом, каузировать активную деятельность или, напротив, состояние медлительности у человека. Таким образом, номинативно отмечены образы черта и беса (новг. *носиться, как чёрт на ходулях* ‘быстро бегать, идти’, литер. *как бес* ‘о проворном, ловком, быстром в движениях человеке и животном’), шуликунов (печор. *как шеликон (шулюкун)* ‘быстрый, резвый ребенок’), костромы (карел. *как костромá* ‘очень быстро’) и некоторых других персонажей (костр. *бежать как ягáрма* ‘быстро бежать’, новг. *как лыско* ‘как ошалелый, как угорелый, как черт’). Семантика медлительности развивается у рассматриваемых лексем значительно реже, однако фиксируются случаи биполярной скоростной интерпретации образов: олон., тобол. *кикимора* ‘о непоседе, юрком, проворном человеке’ и волог., ленинг. *шиши́мора* ‘медлительный в работе человек’; волог. *кумоха́* ‘о торопливом и неаккуратном человеке’ и волог. *кумо́ха* ‘о сонливом, малоподвижном, нерасторопном человеке’. «Нерасторопным» персонажем считается макура.

Отметим также, что номинативная активность образов мифологических персонажей определяется представлениями о них как о нематериальных сущностях, обладающих недоступными человеку и не объяснимыми с точки зрения законов природы способностями, что позволяет использовать наименования нечистой силы для реализации мотива «так быстро, как не может обычный человек».

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

² Ср. карел. *кропанá, кропанíда* ‘та, которая медленно выполняет какую-нибудь работу’ ← *кропáть* ‘шить, вышивать’, ‘чинить, штопать’ [СРГК 3: 24] или литер. *тянуть канитель* ‘о медленном, нудном, затяжном деле или разговоре, о досадной потере времени’ [Мокиенко 2005: 285], демонстрирующее восприятие процесса изготовления тонкой проволоки – *канители*: при ее производстве металл раскаляли и вытягивали клещами.

³ О. А. Черепанова предполагает родство первой части слова *шиши-мара* со словами этого ряда [Черепанова 1983: 133], если это так, то совпадает мотивационный признак «справа» и «слева», что свидетельствует о его устойчивости в качестве коннотативного для кикиморы.

⁴ В семантике слова *слепой* есть коннотация затрудненности действий (потенциально медли-

тельности), о чем говорит, к примеру, перм. фразеологизм *как слепой на огороде* ‘с трудом, неуверенно’ – *Не умею делать-то, дак и копаюсь как слепой на огороде* [ФСПГ: слепой].

Список источников

БСРНС – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.

БСРП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 785 с.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).

КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

НОС – Новгородский областной словарь / изд. подг. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СОГ – Словарь орловских говоров: учеб. пособие по русской диалектологии / под ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. Вып. 5–. Орел, 1992–.

СППП – Словарь псковских пословиц и поговорок / С.-Петербург. гос. ун-т, межкафедр. словарь. каб. им. проф. Б. А. Ларина; сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; науч. ред. Л. А. Ивашко; отв. ред. Л. А. Карпова. СПб.: Норинт, 2001. 176 с.

СРГБаш – Словарь русских говоров Башкирии: А–Я / под ред. З. П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008. 406 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003–2005.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.

СРДГ – Словарь русских донских говоров: в 3 т. / авт.-сост. З. В. Валюсинская и др. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1975–1976.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороко-

летов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. А. А. Шахматова. М.; Л.: Наука, 1948–1965.

ФСПГ – Фразеологический словарь пермских говоров / сост. К. Н. Прокошева. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 432 с.

ФСРГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 543 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

Список литературы

Агапкина Т. А. Кострома // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1999. Т. 2. С. 633–635.

Березович Е. Л., Виноградова Л. Н. Черт // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 2012. Т. 5. С. 519–527.

Березович Е. Л., Виноградова Л. Н. Шуликуны // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 2012. Т. 5. С. 583–585.

Березович Е. Л., Родионова И. В. «Текст чёрта» в русском языке и традиционной культуре: к проблеме сквозных мотивов // Между двумя мирами: Представления о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Пробел-2000, 2002. С. 7–44.

Варбот Ж. Ж. Славянские представления о скорости в свете этимологии (к реконструкции славянской картины мира) // Славянское языкознание: XII Междунар. съезд славистов (Краков, 1998 г.): докл. рос. делегации / отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1998. С. 115–129.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Еремينا М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 253 с.

Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.

Меркулова В. А. Народные названия болезней // Этимология. 1970 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1972. С. 143–206.

Мокиенко В. М. Почему так говорят? Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб.: Норинт, 2004. 512 с.

Петрухин В. Я. Яга // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 2012. Т. 5. С. 614.

Синица Н. А. Лексика народной демонологии Павинского района // Живая старина. 2010. № 3(67). С. 43–46.

Усачева В. В. Лихорадка // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 2004. Т. 3. С. 117–123.

Чайкина Ю. И. Семантика экспрессивов со значением личностной характеристики в лексико-семантической системе говора // Севернорусские говоры / ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. Вып. 6. С. 43–49.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 169 с.

References

Agapkina T. A. Kostroma [Kostroma]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 2. Moscow, "International relations" Publishing House, 1999, pp. 633–635. (In Russ.)

Berezovich E. L., Vinogradova L. N. *Chert* [Devil]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, "International relations" Publishing House, 2012, pp. 519–527. (In Russ.)

Berezovich E. L., Vinogradova L. N. Shulikuny [Shulikuns]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, "International relations" Publishing House, 2012, pp. 583–585. (In Russ.)

Berezovich E. L., Rodionova I. V. «Tekst cherta» v russkom yazyke i traditsionnoy kul'ture: k probleme skvoznykh motivov ["Text of devil" in the Russian language and traditional culture: to the question of cross-cutting motive]. *Mezhdru dvumya mirami: Predstavleniya o demonicheskom i potustoronnem v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii* [Between the two worlds: Demonology in Slavic and Jewish Cultural Tradition]. Ed. by O. V. Belova. Moscow, Probel-2000 Publ., 2002, pp. 7–44. (In Russ.)

Varbot Zh. Zh. Slavyanskije predstavleniya o skorosti v svete etimologii (k rekonstruktsii slavyanskoy kartiny mira) [Slavic beliefs of velocity in etimological aspect]. *Slavyanskoe yazykoznanie. 12 Mezhdunarodnyy s"ezd slavistov (Krakov, 1998). Doklady rossijskoy delegatsii* [Slavic linguistics.

12th International Congress of Slavists (Krakow, 1998). Reports of the Russian delegation]. Ed. by O. N. Trubachev. Moscow, Nauka Publ., 1998, pp. 115–129. (In Russ.)

Vinogradova L. N. *Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan* [Folk demonology and myth-ritual tradition of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 432 p. (In Russ.)

Eremina M. A. *Leksiko-semanticheskoe pole «Otnoshenie cheloveka k trudu» v russkikh narodnykh govorakh: etnolingvisticheskiy aspekt*. Diss. kand. fil. nauk [Lexical-semantic field "man's attitude to work" in Russian folk dialects: the ethnolinguistic aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2003. 253 p. (In Russ.)

Zelenin D. K. *Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoy smert'yu i rusalki* [Essays on Russian mythology: those who died an unnatural death and mermaids]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 432 p. (In Russ.)

Merkulova V. A. Narodnye nazvaniya bolezney [Folk names of diseases]. *Etimologiya. 1970* [Etymology. 1970]. Ed. by O. N. Trubachev. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 143–206. (In Russ.)

Mokienko V. M. *Pochemu tak govoryat? Istoriko-etimologicheskij spravochnik po russkoy frazeologii* [Why do they say so? Historical and etymological reference book on Russian phraseology]. St. Petersburg, Norint Publ., 2004. 512 p. (In Russ.)

Petrukhin V. Ya. Yaga [Yaga]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 5. Moscow, "International relations" Publishing House, 2012, p. 614. (In Russ.)

Sinitsa N. A. Leksika narodnoy demonologii Pavinskogo rayona [Vocabulary of folk demonology of the Pavinsky district]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 2010, issue 3(67), pp. 43–46. (In Russ.)

Usacheva V. V. Likhoradka [Fever]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 3. Moscow, "International relations" Publishing House, 2004, pp. 117–123. (In Russ.)

Chaykina Yu. I. Семантика экспрессивов со значением личностной характеристики в лексико-семантической системе говора [Semantics of expressive lexemes with the meaning of personal characteristics in lexical-semantic system of dialect]. *Severno-russkie govory* [North Russian dialects]. Ed. by A. S. Gerd. Issue 6. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1995, pp. 43–49. (In Russ.)

Черепанова О. А. *Mifologicheskaya leksika Russkogo severa* [Mythological vocabulary of Russian North]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1983. 169 p. (In Russ.)

**IMAGES OF MYTHOLOGICAL CHARACTERS
IN NOMINATION OF SLUGGISH AND PROMPT PEOPLE
(a Case Study of Russian Dialects)**

Elizaveta O. Borisova

**Lab Assistant in the Toponymic Laboratory of the Department
of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin**
51, prospekt Lenina, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. liska5@yandex.ru

SPIN-code: 8131-6080

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3749-3307>

ResearcherID: J-3727-2017

The article deals with designations of sluggish and prompt people motivated by nominations of mythological characters, with reference to Russian dialects. It is noted that the meanings of speed can only be found among the names of lower demons, who are believed to be able to contact with the humans and to make people be active or sluggish. The names of the devil and the demon are the most productive in this regard, as the sign of velocity is characteristic of their image. Images of these characters are worked out in detail in “speed” vocabulary and phraseology. A quick person is compared to the devil and the demon. Prototypical situations in which the devil and the demon demonstrate the ability to move quickly are considered as a standard of movement with high speed. The choice of an unnaturally high speed by a man is explained by the influence of the devil or the demon on his consciousness. The names of such characters as shulikuns, kostroma and yagarma can also be used as the basis for speed nominations. In the first case, the semantic development of the name of the mythological character is based on the ideas of his behavior and appearance (shulikuns are short, nimble and fussy). In the other two cases, the semantic development is determined by the belonging of kostroma and yagarma to the number of characters of intimidation and their rapprochement with demonic forces: images of mythological characters possessing “supernatural” properties are very productive as a source of speed nominations and are used to describe “outstanding” human features. Semantics of slowness is represented in rare examples (makura). The nominations of kikimora (shishimora) and kumokha have contradictory speed interpretation attributed to both high and low speed.

Key words: ethnolinguistics; Russian dialect vocabulary; metaphor; semantic derivation; folk demonology.

УДК 821.411.21-1
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-24-36

ПОНЯТИЕ ‘РОДИНА’ В АРАБСКОМ УСТНОМ НАРОДНОМ И ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Елена Владимировна Кухарева

к. филол. н., доцент кафедры языков стран Среднего и Ближнего Востока

Московский государственный институт международных отношений (университет)

119454, г. Москва, просп. Вернадского, 76. elena_koukhareva@mail.ru

SPIN-код: 3901-4571

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3361-0089>

ResearcherID: H-9934-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кухарева Е. В. Понятие ‘родина’ в арабском устном народном и поэтическом творчестве // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 24–36. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-24-36

Please cite this article in English as:

Kukhareva E. V. Ponyatie ‘rodina’ v arabskom ustnom narodnom i poeticheskom tvorchestve [The Concept of Homeland in Arabic Oral and Folk Poetry]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 24–36. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-24-36 (In Russ.)

Статья посвящена отражению патриотической темы и концепта ‘родина’ в устном народном и поэтическом творчестве арабов, начиная с доисламского периода, Джахилии, до нашего времени. Понятия ‘отчий дом, родная земля’ известны всем народам, а чувство патриотизма рождается вместе с человеком и органично присутствует в нем постоянно. Однако их восприятие, формы выражения, глубина и распространенность могут различаться от этноса к этносу, от нации к нации, от человека к человеку. Даже эпохи могут добавлять в эти понятия новые краски.

В арабском языке понятие ‘родина’ имеет несколько признаков. Это *территориальный, или пространственный*, признак, связанный с обозначением места рождения или проживания. Кроме того, это *социально окрашенные признаки*, отражающие высокое сознание единства, племенной дух, верность роду (племени). С ними тесно связаны *нравственные ценности*, не только проявляющиеся в традициях, историческом прошлом, но и присутствующие в современной реальной жизни арабскому менталитету. Существуют также *эмотивно-метафорические* обозначения понятия ‘родина’. Оно, наконец, может окрашиваться в *идейно-политические* тона, обусловленные формированием арабской национальной идеи, борьбой за независимость и строительством самостоятельных государств.

В исследовании показано, как изменялось данное понятие на протяжении всей истории развития арабского общества, всегда оставаясь при этом для него важным и значимым. Для древних арабов понятия ‘дом, родная земля’ – это скорее их родное племя, места его кочевья. Оказавшись вследствие различных обстоятельств в западных пределах Халифата, многие арабы с тоской вспоминали покинутые ими родные края на Востоке. Прослеживается, как в менталитете большинства арабских народов в дальнейшем понятие ‘родина’ связывалось не только с родными краями, но в большей степени с кровавыми войнами с иноземцами за свободу и независимость. В арабском поэтическом и устном народном творчестве невозможность свободно жить и действовать на своей земле в соответствии с традициями предков часто воспринимается современными представителями арабской интеллигенции как национальное унижение, вызывающее к отмщению и раскрепощению. Вместе с тем Родина – это также предмет гордости за славные свершения прошлого, за героев, павших в борьбе за свои идеалы, за красоту их земли и ее неповторимость. Поэтому идея защиты родной земли, готовность пожертвовать ради этого жизнью проходит красной нитью в арабской как древней, так и современной поэзии.

Ключевые слова: арабы; арабский фольклор; арабская поэзия; патриотизм; доисламская поэзия; национально-освободительная борьба; концепция языка; гармония; симметрия; метапоэтика; современный русский литературный язык.

«С чего начинается Родина?» Эти слова перестали быть строкой из песни. Они приобрели скорее характер философского вопроса. «Кто мы?» «Где наши корни?» «Каковы наши ценности, которые нужно защищать, за которые нужно бороться и ради которых можно сложить голову?» Понятия 'отчий дом, родная земля' известны всем народам. Однако каждый народ, каждая нация, даже каждый человек воспринимают их по-своему. Формы выражения, глубина и распространенность этих понятий могут различаться от этноса к этносу. Даже эпохи могут находить в них свое отражение.

Арабы не являются исключением. В арабском языке концепт 'родина' имеет достаточно широкое ассоциативно-семантическое поле. Здесь можно выделить *территориальный, или пространственный*, признак данного концепта. Это – 'ватан', что означает 'родина, место рождения; отечество, отчизна'; 'маутын' – 'родина; место рождения; ареал, место распространения'; 'ард' – 'земля, суша; территория; страна'; 'балад' или 'билаад' – 'страна'. Кроме того, это могут быть *социально окрашенные признаки* концепта 'родина', тесно связанные с понятием 'асабийя' (высокое сознание единства, племенной дух, сильная приверженность и верность роду (племени) [Кухарева 2005: 114]. Сюда можно отнести такие слова, как 'асл' – 'корень; основа, начало; происхождение'; 'кауи' – 'народ, нация; племя'; 'шааб' – 'народ'; 'ашира' – 'род; племя'. С ними тесно связаны *нравственные ценности*, присущие арабскому менталитету не только в традициях, в историческом прошлом, но и в современной жизни. Это – 'фахр' – 'гордость, слава, честь'; 'карам' – 'щедрость, великодушие, благородство'; 'сабр' – 'терпение'; 'шажаа' – 'храбрость, отвага, смелость' и др. Существуют также *эмотивно-метафорические* обозначения понятия 'родина'. Назовем среди них 'маскат р-раас' – 'место рождения, родина' (дословно это означает 'место падения головы' (ребенка при рождении). А также 'дам' – 'кровь'; 'калб' – 'сердце' [Кечина 2012:16]; 'фуаад' – 'сердце, ум' и др. Концепт 'родина' наконец, может окрашиваться в *идейно-политические* тона, ассоциируясь с такими понятиями, как 'дауля' – 'государство'; 'султа, хукм' – 'власть'; 'низам' – 'порядок'; 'истикрар' – 'стабильность' [там же]; 'дин, ислам' – 'религия, ислам', а также с теми личностями, которые олицетворяют все это, а именно: 'малик' – 'король'; 'зашии' – 'вождь, лидер'; 'каид' – 'вождь, руководитель; предводитель'.

Прочитав одно высказывание, в котором нашли отражение многие из приведенных выше понятий: «Родина. Всего несколько букв в маленьком слове, но какой в нем великий смысл.

Родина. Это – мать и семья. Это – теплые объятия, которыми одаривает человека его земля. Родина – это место, в котором мы вырастаем, где вкушаем плоды ее земли, пользуемся ее благами. И как бы ни были мы далеки от нее, Родина всегда остается в наших сердцах. Любовь к Родине рождается вместе с человеком, поэтому патриотизм – это врожденное чувство, которое лежит в основе воспитания личности» [Альхадж]. Автор, сравнивая малый объем и колоссальное внутреннее содержание слова 'ватан' – 'родина', показывает, какой мощной энергетикой обладает это понятие. Первая же ассоциация – 'мать, семья' – при учете утверждения Э. Кечиной о том, что опрос арабских студентов выявил у многих из них представление о том, что 'родина' связана с образом отца [Кечина 2012: 15], хорошо коррелирует с традиционной ценностью арабов с древних времен – с понятием 'асабийя', с кровным родством. Следующая ассоциация – 'ард' – 'земля'. При этом для автора высказывания 'земля' – это продолжение семьи, это практически живое существо, которое может принять человека в свои объятия, которое одаривает его своими благами. Отсюда делается вывод, что Родина – это часть нас самих; Родина – это мы, и патриотизм у нас в крови. Эти мысли подтверждаются и другими высказываниями: «Родина дороже жизни», «У нас есть только Родина», «Родина – самое дорогое в мире» [Хикам]. Следует отметить, что все это не афоризмы или размышления великих. Это – комментарии и рассуждения о Родине современных интернет-пользователей из арабских стран. Как видим, тема патриотизма, любви к Родине является актуальной для современного арабского общества. Более того, смеем предположить, что на фоне драматических и даже трагических событий на Ближнем Востоке и во всем арабском регионе понятия 'отчий дом, родная земля, патриотизм' становятся осязаемее и насущнее. И как они схожи с высказываниями о Родине других народов: «Счастье Родины дороже жизни» (рус.), «Береги землю родимую, как мать любимую» (рус.), «Нашему народу Родина всего дороже» (рус.); «Родина дороже, чем любая страна» (башк.); «Тот герой, кто за Родину идет в бой» (белор.); «Родина всякому мила» (удм.); «У народа один дом – Родина» (азерб.) [Сборник].

Современный кувейтский писатель, поэт и историк Якуб Юсеф аль-Гунейи в сборнике «Песни о родине», включающем два цикла стихов – «Паруса Кувейта» и «На крыльях любви», – обращается к своей стране со словами:

*О Кувейт! В тебе нашел я надежду.
Ты – прекрасная жемчужина во все времена.
О обитель свободных людей. Каждый день*

*Ты творишь добрые дела.
Над тобой трепещущим знаменем
Развеивается незыблемая слава.
Израненный, ты поднимался ради того,
За что проливались реки крови.
И ни один узурпатор не получил от тебя желаемого.
Все его надежды и мечты оказались тщетными...
[Аль-Гунейм 2007: 17]*

Поэт пишет о своей стране в традиционном для арабской поэзии жанре 'мадх' – восхваление, панегирик. Он сравнивает свою страну с «редкой жемчужиной», с «обителью свободных людей», которые готовы проливать реки крови ради немеркнущей славы своей родины, ради ее ценностей, «враг-узурпатор» отступает, «не получив желаемого». На фоне возвеличивания «незыблемой славы» своей страны поэт дает негативную характеристику ее врага – «узурпатор, насильник». На наш взгляд, здесь четко прослеживается преемственность стиля, свойственного арабской поэтической традиции 'мадха', – величие восхваляемого лица и его дел, как правило, дается на фоне незначительности и даже низости тех, кто противостоит герою панегирика. Для сравнения обратимся к словам Набиги аз-Зубьяна, произнесенным им в честь правителя Хиры ан-Нуамана V:

*Воистину ты – солнце, а все другие цари – звезды.
Когда всходит солнце, из звезд не видно ни одной.*

Даже с точки зрения структуры стихотворения современный поэт сохраняет традиционный строй: первая часть – это восхваление в самых изысканных словах объекта возвеличивания, а вторая – это противопоставление ему ничтожества противника, данное иногда с помощью резких, иногда уничижительных сравнений.

Тема родины занимает умы представителей арабского общества не только в наше время. И ранее она была широко отражена в арабском фольклоре: пословицах, поговорках и афоризмах. «Вера для Бога, а Родина – для всех» или «Если разделят нас верования, то соединит Родина» (сир.) [Любани 1999: 362]. Смысл этих выражений таков: вера у людей может быть разной, но если они живут в одной стране, то родина у них одна на всех. «Аллах дает долголетие тем странам, где любят Родину» [Аль-хивар]. Таким образом, в пословицах, в которых зафиксированы выработанные не одним поколением нравственные идеалы и ценности, понятие патриотизма закреплено как объединяющий и цементирующий общество элемент. Более того, патриотизм возведен в ранг духовной ценности, освященной Аллахом.

Родина как земля-кормилица ('ард'), как понятное и близкое сердцу человека явление находит выражение в следующих пословицах: «Сор-

няки родной земли лучше пшеницы с чужбины / крестоносцев» [Арваа р-равайя 2004: 154]; «Пахать землю на Родине лучше, чем считать деньги на чужбине» [Хикам]; «Родная земля не продается» или «Кто продает свою землю (Родину), тот торгует своей честью» [Любани 1999: 52] (ср. с рус.: «Кто Родиной торгует, того кара не минует»); «Чужбина – причина тоски и печали» [Таха 2002: 529]. Здесь четко выражена мысль о том, что даже тяжкий труд на родине продуктивнее и полезнее, даже чище, чем праздное пребывание и богатство за ее пределами. Попытки спекулировать родиной, выставлять ее на продажу ради сомнительных дивидендов рассматриваются как предательство не только своей земли, но, что еще, наверное, хуже, своей чести. А если учесть, что 'карам' ('благородство, честь') является неотъемлемой частью 'муруввы' (арабского (бедуинского) кодекса чести), то становится ясно, что непатриотичное поведение противоречит арабским моральным правилам и традициям. Сравнение чужбины с источником печали и тоски подчеркивает глубоко укорененное в арабском менталитете клановое, племенное сознание, пришедшее из глубины веков. Быть изгоем, порвать родственные связи – значит обречь себя на муки одиночества и беды.

Мусульманам любить родные места, можно сказать, заповедовал пророк Мухаммед, который был вынужден покинуть Мекку, преследуемый своими врагами. Перед отъездом, как гласит предание, он сказал, обращаясь к родному городу: «Какой город может быть лучше тебя и любимее для меня! Если бы твои жители не заставили меня покинуть тебя, я бы жил только здесь» [Альхадж]. Известный палестинец, председатель (президент) Палестинской национальной администрации Ясир Арафат (1929–2004), говорил о Палестине: «Это – моя Родина. И никто не может изгнать меня отсюда». Ему принадлежат и такие слова: «Личный престиж не так важен. Важны честь и достоинство Родины и ее дела» [Хикам]. Слова Ясира Арафата перекликаются с приведенной выше пословицей: «Кто продает свою землю (Родину), тот торгует своей честью». Но если в пословице упор делается на личный престиж, на честь самого человека, то для Арафата главное – защитить честь своей земли, не дать унижить Родину, сохранить притягательность ее дела.

Родина не всегда предстает в образе нежной матери. Иногда она требовательна, а порою даже жестока, потому что для ее процветания не нужны слезы и посыпание головы пеплом, а необходима борьба и жертвы. Отсюда появляются грустные образы и высказывания. Арабская пословица гласит: «Родину убивают слезы, и вос-

крешает кровь» [Хикам]. Эта пословица выводит нас на идейно-политический аспект концепта 'родина'.

Когда мы говорим об *идейно-политическом* аспекте концепта 'родина', то, безусловно, следует обратиться к вопросу становления этого понятия в процессе формирования арабской национальной идеи. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще мыслителями арабского Просвещения XIX в., которые разрабатывали такие понятия, как «народ» ('аш-шааб'), «родина» ('аль-ватан'), «арабизм» ('аль-уруба'). Все эти понятия впоследствии обрели заметное место в рамках складывающейся арабской национальной идеи как понятия «арабский народ», «арабская родина», «арабизм» [Труевцев 2012: 104]. Арабское самосознание выкристаллизовывалось в процессе национально-освободительной борьбы арабских народов против Османской империи и политики западных стран в отношении этого региона, зарождения палестинской проблемы и взаимоотношений арабов и евреев. Представители арабской философской мысли 30-х гг. XX в. (Мишель Афляк, Салих Битар и другие) стремились не только сформулировать арабскую национальную идею, но и придать ей более четкую форму, привязать ее к территориально-географической среде, к идее «арабской родины» как реального места обитания «арабской уммы», обозначить ее границы. Как пишет К. Труевцев, «в их позициях прослеживались и социальные, социально-исторические и политико-исторические мотивы в трактовке национальной идеи» [Труевцев 2012: 111].

Это нашло выражение также и в Манифесте Первого конгресса арабских студентов, обучавшихся в Европе. Он состоялся в декабре 1938 г. в Брюсселе. Манифест начинался со слов: «Я араб, и я верю в то, что арабы составляют единую нацию», далее обозначались характерные признаки единства (язык, культура, «национальное чувство»), понятия арабской родины. Вызывает интерес отношение авторов Манифеста к еврейскому вопросу. «Интересы евреев, которые живут на арабских территориях, не противостоят интересам арабского национализма. Но сионизм непосредственно противостоит арабскому национализму, мы должны бороться с ним. Если евреи, живущие среди арабов, не будут открыто и честно сопротивляться ему, тогда они станут врагами арабов» [там же: 111–112].

Идейно-политический аспект концепта 'родина' в свете затронутой выше темы арабской национальной идеи находит отражение в творчестве известного современного палестинского поэта Махмуда Дервиша (1941–2008), который своими глазами видел, как сионисты уничтожают все то, что было ему дорого. Он говорит:

«Проходит год за годом, а на твоей земле зло все множится, о, Родина! ...Родина не всегда права, но свою правду я по-настоящему могу реализовать только на Родине» [Хикам]. И, наверное, его манифестом любви к Родине, родной земле может служить стихотворение «Паспортные данные». В нем он обращается к захватчикам, которые относятся к местному арабскому населению, как к людям второго сорта:

*Запомни!
Я – араб.
Вот паспорт. Номер пятизначный.
Женатый. Восемь душ детей.
Девятый к осени родится...
Пиши! И губы не криви!..
Запомни!
Я – араб.
Не безмянный, но не знатный.
Выносив я и долготерпелив,
но зреет гнев в моей крови.
**Я в эту почву врос корнями.
Я старше олеандров и олив
и кипариса древнего древней...
Я родственник камней
и трав, проросших меж камнями.**
Нет, я не голубых кровей,
не княжеского рода.
Отец феллах и дед феллах –
простая древняя порода.
Мой дом – не мраморный дворец,
а глинобитная лачуга.
Ты понял наконец?
Я человек простой, незнатный.
Запомни!
Я – араб.
Цвет глаз – кофейно-карий.
А цвет волос, как видишь, смоляной.
Особые приметы:
сверх куфши на голове укаль
ладонь моя тверда, как сталь,
дотронься – убедись в этом.
Мой адрес:
мирная глухая деревушка...
Мужчины – сроду не видали пушек,
оружье их – мотыга да кирка...
Пиши!
На первой запиши странице:
я людям не желаю зла,
но не могу со злом мириться!..
(Из сборника «Листья оливы», 1964.
Пер. Н. Горской. Выделено нами. – Е. К.)
[Дервиш 1987: 32]*

Для поэта 'родина' – это «камни с проросшей меж них травой, древние кипарисы, олеандры и оливы». Это – «мирная деревушка, глинобитная лачуга и простые феллахи с твердыми, как сталь, ладонями». Мы понимаем, что для Дервиша именно эти люди и их нехитрые заботы, а не знать и богачи, представляют Родину-Палестину, они – соль ее земли. И тем больше его гнев и

боль, так как именно на их долю выпали все беды и унижения.

Родина – страдальца, утраченный рай, цветущий и благоухающий. Воспоминания о былом благодатном времени заставляют еще сильнее переживать боль и еще сильнее любить милую сердцу землю. В стихотворении «Люблю тебя еще сильнее» поэт, обращаясь к Родине, характеризует свое отношение к ней как к прекрасной, зеленой, благоухающей ароматами земле, к которой тянется душа и сердце рожденного на ней:

*Ты – твердь и небеса мои,
Ты – острова моей любви,
Которых нету зеленей;
Тебя люблю я все сильнее!
Ты вся любви моей видна,
Ты – «амброю» окрещена,
Ты – «сладостью» наречена,
В душе и сердце – зелена.
А я – дитя любви твоей –
Взрослею на груди твоей!
Люблю тебя еще сильнее!*
(Из сборника «Последняя ночь», 1968.
Пер. Ю. Хазанова) [Дервиш 1987: 98–99].

В арабском оригинале поэт пишет, что воздух Палестины насыщен амброй, что сама ее земля сладка, как сахар, что она не только плоть и кровь самого поэта и палестинского народа, но и в сердце его она зелена, и ее сердце зелено, т. е. живо. Здесь следует сделать ремарку. Речь идет не о садах, полях, лесах, хотя, наверное, и о них тоже. На наш взгляд, в этом пассаже прослеживается связь с восприятием арабами-христианами святого великомученика Георгия, принявшего страшную смерть за свои убеждения от рук его врагов. Арабы называют св. Георгия аль-Хадыр, что означает 'зеленеющий, зеленый' в значении 'свежий, живой'. Поэтому для Дервиша, кто бы и как бы ни угнетал и мучил его родину, она для него всегда жива.

И поэтому в другом стихотворении под названием «Рубай» поэт признается в любви к будущей родине, о которой он мечтает и в которую верит, которую видит во снах и ради которой готов все отдать. Но родина реальная, несмотря на свое великое прошлое, измучена и страдает от несправедливости. Вместе с ней страдает и поэт:

*О родина! К тебе я пригвожден
Любовью, схожей с мукой небывалой.
О родина, прекрасная, как сон!
Что ни отдам тебе – все будет мало...*

Слова «к тебе я пригвожден любовью, схожей с мукой небывалой» может быть, по нашему мнению, реминисценцией Страстей Господних и Распятия на кресте ради великой любви к людям и их спасения.

*Я вижу бедуинов и Лейлу
и слышу колокольчик каравана,
но, воздавая старине хвалу,
о будущем мечтаю неустанно.*
(Из сборника «Листья оливы», 1964.
Пер. Н. Горской) [Дервиш 1987: 29]

Образ прошлого дается через вполне традиционные стереотипы восприятия арабов иностранцами и самими арабами: «бедуины, Лейла (наиболее распространенное в поэзии женское имя), колокольчики каравана». Будущее Палестины представляется неясным и туманным, скрытым в мареве снов, но посылающим сквозь пелену свет, к которому стремится поэт.

С этим стихотворением перекликается другое произведение Махмуда Дервиша. Это стихотворение «Влюбленный из Палестины». В нем также мы чувствуем страдание поэта при виде разтерзанной и униженной родной страны:

*Даже птицы – и те
Улетели от нами покинутых стен.
Зеркала раскололись, по свободе печальную тризну
Справляя. И, песен родных подбирая осколки,
Мы ценить научились отчизну.
Наших песен читаем слова
На разбитых, пробитых свинцом гитарах,
И мелодии наши творим
На рыдающих кровлях...
[...] Я клянусь,
Что навек Палестина
Останется нашей судьбою.
Палестинкой останешься ты
Под набатной луною.
Мы пронзим коченеющий воздух
Новыми песнями,
Бросим новые зерна в иссохшую почву,
Кровью своей оросив
Плоть и душу ограбленных нив,
Пусть пройдут еще долгие годы –
Будут щедрыми всходы...*
(Из сборника «Влюбленный из Палестины», 1966.
Пер. С. Золотцева) [Дервиш 1987: 35–37]

«Улетевшие птицы и расколотые зеркала, пробитые свинцом гитары» – это образы и символы ушедшей жизни, которая казалась такой естественной на земле родной Палестины. «Подбирая осколки» этой жизни, запечатленные в песнях и мелодиях родного края, поэт вдруг осознает, что все это – его униженная Палестина, его Отечество, с которым он связан кровными узами. Это открытие заставляет его еще больше ценить свою родину. Несмотря на трагизм нынешнего положения, поэт видит свою родину, пусть через годы, возрожденной и цветущей. Ради этого он готов «кровью своей оросить плоть и душу ограбленных нив». И снова мы видим эту жертвенность, которая неотделима от чувства патриотизма, настоящего поэзии Махмуда Дервиша.

Как ни странно, но переживания Дервиша по поводу страданий Родины-Палестины переключаются с высказыванием четвертого праведного халифа Али ибн Аби Талиба¹ (599–661), произнесенным им за 1300 лет до рождения Мухаммада Дервиша: «Самое дорогое на чужбине – это Родина, но бедная жизнь на родине подобна чужбине» [Хикам] (ср. с рус.: «На чуждой стороне Родина милей вдвойне»). С учетом биографии Дервиша слова халифа звучат вполне актуально. Страдания на родине сродни прозябанию на чужбине и чувству тоски по родной земле.

Тема Родины у арабов на протяжении сотен лет была и остается актуальной. Однако это не означает, что представления о ней всегда были схожи.

Из глубокой древности, еще доисламского периода, до нас дошли произведения лишь великих арабских поэтов Джахилии. В них мы найдем не слишком много привычных для нас строк о Родине, хотя встречаются и весьма проникновенные слова о родном крае. Кочевые племена Аравийского полуострова не были так уж сильно привязаны к месту. Родиной для них, скорее, было племя, его члены, его герои, его славные и запоминающиеся дела. Вне племени, вне рода арабу было трудно прожить, учитывая суровость природы тех мест и часто враждебное окружение. «Племя было единственной гарантией безопасности бедуина, изгнание из племени считалось тягчайшим наказанием и величайшим несчастьем, а преданность сородичам почиталась как первая и основная добродетель, порождая обостренное чувство племенной чести и племенного патриотизма», – пишет известный исследователь средневековой арабской литературы И. М. Фильштинский [Фильштинский 1975: 1193–1193]. Изгой, ищущий убежища в чужом племени или у владыки какого-нибудь города-государства, будучи поэтом, восхваляя приютившего его повелителя, часто наполнял свои стихи горечью жизни в изгнании. Стихи доисламских поэтов, наряду с восхвалением своего рода-племени, бывают полны ностальгических чувств по брошенному становищу. Любовную же арабскую лирику периода Джахилии пронизывает еще и тоска о радостных днях с любимой, которую поэт испытывает при виде потухших очагов и заброшенных мест стоянок, оставленных ушедшим караваном какой-нибудь Асмы.

Так, великий доисламский поэт VI в. Имрулькайс, который был, как гласит легенда, сыном последнего царя наджитского княжества из йеменского племени Кинда, после ссоры с отцом из-за своего разгульного образа жизни оказался в изгнании. Вдали от родных и друзей он писал о своем желании вернуться на Родину, вспоминал

о своих и своего племени достижениях и успехах, а также покинутые стоябища, где он бывал счастлив с любимой:

*Спешимся здесь, постоим над золою в печали,
В этих просторах недавно еще кочевали
Братья любимой, и след их бывшего жилища
Ветры вдоль дола песчаного не разбросали...*
(Пер. А. Ревича) [Жемчужное ожерелье 1966: 26].
*****

*Поплачем над прежней любовью,
над старым жилищем,
Хотя и обломков его мы уже не отыщем.
Далекie дни, погребенные в этих руинах, –
Как стертые буквы молитвы
на свитках старинных.
Мне вспомнилось племя, и в сердце опять зазвучали
Тяжелые стоны моей бесконечной печали*
(Пер. А. Стефановича) [там же: 32].
*****

*А разве за врагом я не стремился вслед
По верному пути успехов и побед?
Не я ль завоевал и славу, и величье?
Могла бы вся земля моею стать добычей.
**И вот стремлюсь теперь к добыче лишь одной
И жажду одного: вернуться в край родной...***
(Пер. Н. Стефановича. Выделено нами. – Е. К.)
[Из классической арабской поэзии 1983: 25].
*****

*О, если б вы родным пересказать могли б,
Как на чужбине я, покинутый, погиб,
**Как тяжело я страдал и мучился вдали
От дома своего и от родной земли!**
На родине легко я умирал бы, зная,
Что неизбежно жизнь кончается земная,
Что даже из царей не вечен ни один,
И только смерть одна – всевластный властелин.
Но страшно погибать от грозного недуга,
Когда ни близких нет, ни преданного друга.
О, если бы, друзья, мне раньше встретить вас!
Тогда покинутым я не был бы сейчас...*
(Пер. Н. Стефановича. Выделено нами. – Е. К.)
[Из классической арабской поэзии 1983: 35]

В первых двух отрывках поэт горюет не столько о каком-то конкретном месте, имеющем название или географические привязки, а о том времени, когда развалины старого становища были еще целыми жилищами, наполненными жизнью и чувствами. В этом контексте можно сказать, что родина для поэта там, где шумит жизнь, где бурлят чувства, где живет его племя. А «зола, разбросанная ветрами вдоль песчаного дола, руины, – как стертые буквы молитвы на свитках старинных» – это символы душевной муки и тоски по утраченной родине, по покинутому племени, воспоминания о котором вырываются «тяжелым стоном». В двух других отрывках мы обнаруживаем более близкие нашим представлениям о родине слова поэта: «*И жажд-*

ду одного: вернуться в край родной; Как тяжело я страдал и мучился вдали от дома своего и от родной земли!». Но дальнейшие слова поэта снова подчеркивают мысль о том, что поэт тоскует не о каком-либо месте, а о близких и друзьях, которые и есть олицетворение родины.

Другой выдающийся арабский поэт доисламской эпохи из племени бакр ибн ва'ил (Бахрейн), Тарафа (ок. 543–569), живший в середине VI в., как и Имрулькайс, не отличался пуританским поведением и также за это был изгнан из племени. Но воспоминания о былых временах его участия в делах племени выливаются в строки, наполненные пафосом и гордостью, что соответствует распространенному в доисламскую эпоху жанру «фахр» («богатырской похвальбе»). Он писал о своем племени и о себе:

*Я в степь ухожу на верблюде породистом,
На быстром, поджаром, широком в груди.
За мной мое племя отважное движется,
Идет мой верблюд, как возжак, впереди.
Народ мой деяньями добрыми славится,
Коварства и зла от него и не жди.
Он прям, но учтив и чуждается грубости,
И если ты честен, будь гостем, приди.
Стада бережем мы в годину голодную:
Все сыты, и вскоре – беда позади.
Последним поделится племя суровое,
Где юноши – воины, старцы – вожди.
[Арабская поэзия 1975: 38]*

Племя – вот его родина. Его наполняет чувство гордости за отважных, славных «деяньями добрыми» соплеменников. Они отличаются всеми теми качествами, которые всегда были в почете у арабов и отражали их отношение к жизни и людям. Это – *сплоченность, прямота и честность, отсутствие коварства и доброта, гостеприимство, смелость и мудрость*. В этих описаниях Тарафы своих соплеменников полное совпадение с главными принципами 'асабии' и 'мураввы', в соответствии с которыми жили арабы-кочевники в доисламский период.

Подобных примеров можно привести великое множество. Кроме «плачей» по покинутым жилищам, воспевания доблести своего племени и личных качеств поэта, тема любви к родным местам у древних арабских поэтов выражается в описании природы родного края. Имрулькайс так говорит о родных местах:

*И снова дождь! Опять, стекая с крыши,
Ты монотонно каплями стучишь.
И ящерица ловкая сквозь грязь
Легко скользит, куда-то торопясь.
Чехлом дождя деревья все накрыты,
Как головы отрубленные чьи-то.
Струится дождь, уныл и непрерывен,
И, наконец, свирепый хлынул ливень.*

*С востока налетел внезапный шквал,
И ветер южный вдруг забушевал.
Но, гнев излив и душу отведа,
Стал затихать – и нет уже дождя.
(Пер. Н. Стефановича)
[Из классической арабской поэзии 1983: 26]*

Описывая «монотонно стучащий каплями, унылый» дождь, поэт, тем не менее, видит живительную силу, олицетворением которой становится быстрая и ловкая ящерица. Дождь влажной пеленой накрывает иссушенные, полумертвые от жары деревья, которые ассоциируются с «отрубленными головами» – символом смерти, чтобы они снова ожили. Дождь, ливень, шквалистый ветер, которые то обрушиваются на землю, изливая гнев и ярость, то успокаиваются и затихают, – метафоры жизни, бурлящей, необузданной, которой живет родная земля, родное племя поэта.

С другой стороны, родина, тихая, благоухающая дикими травами, является нам в образе прекрасной девы с устами сладкими, как мед, с улыбкой, сияющей жемчугом зубов:

*Прохладу уст ее, жемчужин светлый ряд,
Овеял диких трав и меда аромат –
Так ночь весенняя порой благоухает,
Когда на небесах узоры звезд горят...
(Пер. Н. Стефановича)
[Из классической арабской поэзии 1983: 29]*

Не менее поэтично описывает природу родных мест еще один известный доисламский поэт Антара бен Шаддад (525–615), сравнивая красоту своей возлюбленной с чарующей прелестью весеннего пейзажа:

*О, как ароматны уста эти полуоткрытые,
Так пахнут они, словно мускуса полный кисет
И словно нехоженный луг, зеленеющий травами,
Где всходят гвоздики пуанцовые и первоцвет.
Тот луг оросило белесое веешнее облако,
В промоинах лужи сверкают, как россыпь монет.
Там ежевечерне дожди проливаются теплые,
Часами струятся и медленно сходят на нет,
И кружится шмель, и с пчелой оживленно беседует,
Как с пьяным соседом такой же подпивший сосед;
Так лапки усердно они потирают, что кажется:
Огонь высекают, чтоб на ночь затеплился свет.
[Арабская поэзия 1975: 51].*

Необычайная поэтичность и образность этих стихов показывают отношение поэта к родному краю, как к любимой женщине, в которой все прекрасно, все вызывает нежность и теплые чувства. Эти стихи наполнены звуками и запахами, в них бьется жизнь, и эта жизнь неразрывно связана с родными для поэта краями.

Из приведенных примеров ясно, что чаще всего описания окружающей природы были связаны с воспоминаниями либо о времени, проведенном с возлюбленной, либо о сражениях с

враждебными племенами или с рассказами о скитаниях изгнанника. Но в любом случае мы видим, как тонко чувствует природу родного края поэт, как он наблюдателен. При этом мы можем без труда определить настроение автора в момент сочинения той или иной строфы: радость, грусть, тоску, гнев и т. д.

Но что же Родина? В те далекие времена арабы, оказавшиеся оторванными от родных мест, например, попав в Испанию, в Андалусию, безусловно, тосковали по своим пустыням и кочевой жизни. Первоначально и вплоть до конца X в. андалусская поэзия не сильно отличалась от поэзии восточных частей халифата. Арабские поэты Андалусии прославляли подвиги арабов-завоевателей, предавались ностальгическим воспоминаниям о покинутой родине на Востоке. Таким поэтом был кордовский эмир Абд ар-Рахман I «Пришелец» (731–788). Выходец из дома дамасских Омейядов, он бежал после аббасидского переворота в 750 г. в Испанию и там основал династию кордовских Омейядов и эмират с центром в Кордове (араб. Куртуба), которым правил с 756 по 788 г. В его стихотворениях душа и сердце еще привязаны к прежней родине. Однако путь домой после бегства от преследования врагов ему навеки закрыт, поэтому поэзия Абд ар-Рахмана I наполнена тоской и страданием:

«Примчавшись на родину...»
Примчавшись на родину, всадник,
ты сердцу от брэнного тела
Привет передай непременно!
Я западу тело доверил,
востоку оставил я сердце
И все, что для сердца священо.
 От близких отторгнутый роком,
 в разлуке очей не смыкая,
 Терзаюсь я ночью и денно.
 Господь разделил наши души.
 Но если захочет Всевышний,
 Мы встречи дождемся смиренно.
 *****

«В Кордове, в царских садах...»
 В Кордове, в царских садах, увидал я зеленую
 Пальму-изгнанницу, с родиной пальм разлученную.
 «Жребии наши, – сказал я изгнаннице, – схожи.
С мильми сердцу расстаться судилось мне тоже.
Оба, утратив отчизну, уехали вдаль мы.
Ты чужестранкой росла: здесь чужбина
для пальмы.
 Утренним ливнем умыться дано тебе благо.
 Кажется звездной водой эта светлая влага.
 Жителей края чужого ты радуешь ныне.
Корень родной позабыла, живя на чужбине.
 *****

«Плачь!» – говорю...»
 «Плачь!» – говорю. Но не плачешь ты, пальма немая,
 Пышной главою склоняясь, равнодушно внимая.
Если б могла ты сочувствовать горю собрата,

Ты зарыдала б о пальмах и водах Евфрата.
Ты очерствела, лишенная почвы родимой.
Ближих забыл я, Аббасовым родом гонимый.
 (Пер. В. Потаповой. Выделено нами. – Е. К.)
 [Андалусская поэзия]

В своих стихах Абд ар-Рахман I четко и ясно показывает, что он мучается от раздвоения своей сущности. Его внешняя оболочка – тело – уже далеко от родных мест. Но его душа, его сердце невидимой пуповиной все еще связаны с матерью-Родиной, далекой страной на востоке, где он «оставил... все, что для сердца священо». Родина является Абд ар-Рахману I в образе «пальмы-изгнанницы, с родиной пальм разлученной». Это – кусочек родной земли, привезенный с берегов Евфрата в далекую Андалусию. Пальма – это и символ родины, и символ утраченных корней. Видимо, в те времена и появилась пословица: «Чужбина – губитель родных корней». В отличие от человека, пальма лишена души. Она быстро приспосабливается к новым условиям, лишь бы почва подходила, лишь бы влаги было достаточно. И вот она уже «радует жителей края чужого... пышной главою склоняясь, равнодушно внимая». Человека вдали от родины мучает ностальгия. Спасая свою жизнь, он оказывается перед выбором: либо вынужденная разлука с близкими и родными, либо постоянный страх и ожидание мести врагов. Поэзия Абд ар-Рахмана I по сути своей – это «плачи» по утраченной родине. Это – порывание с тем, что и раньше, и сейчас является самым важным олицетворением родины у арабов, – «сыляту р-рахим» – «кровным родством».

Другой андалузский поэт, Ибн Кузман (1080–1160), чей «диван» (сборник стихотворений) сохранился до наших дней, писал в стихотворении «Чужбина»:

Я долгий путь прошел, и я устал.
 Был труден путь среди суровых скал,
 В его конец поверить так непросто.
 Но я теперь среди живых людей,
 Проторивших дорогу меж камней,
 Среди вершин, над самой бездной грозной.
Мучительно страдая от потерь,
Своей земли не вижу я теперь,
далек мой берег и бездушны волны.
 Иссак источник – нет живой воды,
 И лишь одним предчувствием беды
 И разум, и душа, и сердце полны.
 Я между звезд – падучая звезда,
 Но путь мой не на землю – в никуда,
 Нектар моей не утоляет жажды.
Моя земля, я от тебя далек,
Но светит мне в ночи твои огонек,
Зажженный от моей любви однажды
 (Выделено нами. – Е. К.) [Бестужева-Лала]

Ибн Кузман тоже мучается, оторванный от родных корней. Жизнь на чужбине для него – «грозная бездна, отсутствие источника живой воды, путь в никуда». Пусть эта жизнь на чужбине – звездный небосвод, поэт не может удержаться на нем между этих светил и скатывается «падучей звездой». Пусть жизнь за пределами родины похожа на пир, где блага жизни льются нектаром. Это не может «утолить его жажды» свидания с родной землей. Родина далеко. Однако любовь к ней освещает жизнь поэта, делая ее не такой тоскливой и унылой.

Шли годы, проходили века, но тема Родины никогда не исчезала из творчества поэтов и писателей арабских стран. Более того, в период колониальной зависимости многие поэты выплескивали боль сердца из-за бедственного положения своей страны и ее жителей в стихах. В этот период, как мы уже говорили выше, выкристаллизовывается идейно-политическое содержание концепта 'родина', которое находит свое выражение в произведениях патриотической направленности.

Например, алжирский поэт тунисского происхождения Ахмед Тауфик аль-Мадани (1889–1984) писал в одном из стихотворений под названием «Скорбя о Родине»: «Сердце мое плавится, и душа разрывается, ибо вижу я и слышу страдания моей страны...». Поэт видит, как прозябает его родная страна в отчаянии и невежестве, как молодые люди утрачивают надежду, «испив яд бедности и разобщенности». Ахмед Тауфик аль-Мадани обращается к своим соотечественникам с вопросом: «Неужели среди моего народа есть только один, кто говорит правду?» Он стремится вызвать в их памяти воспоминания о славе их страны, о тех, кто творил ее великую историю, перечисляя известные имена. Поэт сравнивает славное прошлое родины с «сияющей звездой» – «кяукаб дуррий», которая светит, как маяк, указывая путь к обновлению. Родину нельзя предать, иначе связи между людьми будут порваны, и тогда «другие будут хозяйничать на наших землях и управлять жителями страны... Или мы примиримся с мраком невежества, тогда как свет знания сияет над землей, или будем живыми мертвецами, тогда как другие, даже сойдя в могилу, сохраняют живую память о себе» [Муаджам].

Это стихотворение, на наш взгляд, написано в традиционном еще для доисламской поэзии жанре «плача» по погибшим героям. Только в данном случае объектом «плача» становится униженная и поработанная родина. В стихотворении, как и в традиционных «плачах», четко соблюдена контрастность между тем, как было – Родина как «сияющая звезда», и тем, что есть – состояние страны и людей как «живых мертве-

цов». И, как в древних стихах, есть призыв к «отмщению» в виде вопроса, «а не настало ли время подняться и исправить все то, что превратило некогда цветущий край в бесплодную пустыню?»

Такая тональность арабской поэзии вполне отвечала периоду колониальной зависимости и борьбы за свободу. После завоевания независимости на авансцену выходит другой жанр традиционной арабской поэзии – панегирики, «мадх», которые создавались в честь правителей и сильных мира сего. Однако теперь они трансформируются в воспевание Родины и тех, кто боролся за ее свободу, что в первую очередь нашло отражение в гимнах арабских стран.

В национальном гимне Египта речь идет о том, что к этой древней и великой стране обращены взоры и сердца ее сынов:

*Моя страна, моя любовь
и мое сердце принадлежат тебе...
О Египет, мать всех земель,
моих надежд и моих амбиций,
Разве можно сосчитать дары Нила людям?..
Благодатная земля Египта...
самый драгоценный камень...
Мы отдаем наши жизни ради тебя...
[Гимн Египта]²*

Сирийский национальный гимн также воспевает страну, называя ее «родиной арабского духа, храмом, над которым Солнце разливает свое благодатное тепло. Земля Сирии – это величавые крепости, разговаривающие с небесами. Это – земля, цветущая под лучами Солнца. Это – знамя, объединившее всю страну, в трепете которого слышатся голос надежды и биение сердца. На него устремлены глаза ее (Сирии) сынов. Оно окрашено кровью ее героев, гордых людей прославленного прошлого, воинов, принесенных в жертву...» [Гимн Сирии]³.

Мы видим, что в гимнах арабских стран, славных своей тысячелетней историей, главный упор делается на историческое прошлое, которое является опорой для надежд в будущем. Эти гимны наполнены метафорами: Египет – «мать всех земель», «самый драгоценный камень»; Сирия – «родина арабского духа, храм; это величавые крепости, разговаривающие с небесами». В этих словах мы чувствуем и любовь, и гордость, и восхищение своей страной.

В гимнах Алжира⁴ и Туниса⁵, где помнят жестокою борьбу за свободу, жертвенность – главное содержание темы Родины: «Умрем, и да здравствует Родина!.. В наших жилах кипит кровь, которая проливалась чистыми, не оскверненными потоками... Мы восстали, и либо свободная жизнь, либо гибель... Мы поклялись, что Алжир будет жить... Слава тебе, Тунис, просла-

вит тебя величие твоего народа на века...» [Гимн Алжира; Гимн Туниса]. «Человек с ружьем», герой, проливший кровь за свободу страны, *шахид*, – вот символ Родины для алжирца и тунидца.

Несколько иное представление о славе Родины мы видим в гимне Саудовской Аравии⁶. В нем Родина – это прежде всего родина ислама, символом которого является зеленое знамя, и король как хранитель мусульманской веры и традиций. Поэтому в нем произносится здравица Родине как источнику гордости мусульман и здравица королю, долг которого блюсти знамя ислама и честь родины ислама [Гимн Саудовской Аравии].

В некоторых арабских странах Персидского залива, например, Бахрейне, история которого уходит в глубь веков и который издревле считался мистическим местом связи с вечностью, местом вечного блаженства, как считали еще древние шумеры, избирая его для захоронения своих умерших [Пиотровский 2012: 3], гимн отражает данное восприятие этой страны⁷. В нем Бахрейн воспевается как «символ гармонии», чья конституция является «путем законности, символом арабского духа, традиций и ценностей». В гимне Бахрейн провозглашается «страной благородных людей и колыбелью мира и спокойствия» [Гимн Бахрейна].

Таким образом, гимны арабских государств – это зеркало чувств и эмоций граждан этих стран, их отношения к своей родине.

В завершение скажем, что можно было бы приводить еще примеры гимнов других арабских стран, а также высказывания различных арабских поэтов, писателей, мыслителей, пословицы и поговорки. Однако перед автором стояла задача лишь обозначить направления, по которым данная тема могла бы стать предметом большого научного исследования. Поэтому подведем итоги:

1. Понятие ‘родина’ имело и имеет для арабов непреходящее значение, хотя его содержание изменялось с течением времени.

2. Понятие ‘родина’ в менталитете большинства арабских народов связано не только с родными краями, но в большей степени со славной и великой историей арабских народов, их кровавыми войнами с иноземцами за свободу и независимость.

3. Ввиду длительного периода колониальной зависимости и невозможности свободно жить и действовать в соответствии с традициями предков, Родина часто воспринимается даже современными представителями арабской интеллигенции униженной, ограбленной, подавленной, взывающей к отмщению и раскрепощению.

4. Вместе с тем Родина – это также предмет гордости за славные свершения прошлого, за ге-

роев, павших в борьбе за свои идеалы, за красоту и неповторимость родного края. Поэтому лозунг «Умрем, и да здравствует Родина!» не является для арабов лишь красивыми патриотическими словами. Это реальный призыв к действию, и они его реализуют.

Примечания

¹ Абуль-Хасан Али ибн Абу Талиб аль-Кураши, более известный как Али ибн Абу Талиб (17 марта 599 – 24 января 661), – политический и общественный деятель; двоюродный брат, зять и сподвижник пророка Мухаммеда, четвертый праведный халиф (656–661), первый из двенадцати почитаемых шиитами имамов.

² «Родина, Родина, Родина» – национальный гимн Египта с 1979 г. Композитор и автор слов – Сайед Дарвиш (1892–1932). Состоит из трех куплетов, хотя обычно исполняется только первый [Гимн Египта].

³ «Хумат ад-Дияри» («Защитники Родины») – национальный гимн Сирии. Автор слов – Халиль Мардам-бей (1895–1959), композитор – Мухаммад Флейфиль (1899–1985). Гимн был утвержден в 1936 г., однако в период существования союзного государства между Сирией и Египтом (ОАР) он временно не использовался. После распада федерации в 1961 г. национальный гимн Сирии был полностью восстановлен [Гимн Сирии].

⁴ «Кассаман» – гимн Алжира. Текст гимна написан в 1956 г. «поэтом алжирской революции» Муфди Закарием, когда тот находился в тюрьме «Серкаджи-Бербарусс». Музыка – египетского композитора Мохаммеда Фавзи. Через семь лет после обретения Алжиром независимости (1962) в 1969 г. «Кассаман» стал национальным гимном страны [Гимн Алжира].

⁵ Часть текста тунисского гимна («Хумат аль-Химья» – «Защитники отечества») в 1930 г. написал египетский поэт Мустафа Садик ар-Рафии. Чуть позднее гимн был дополнен строками Абуль-Касима аш-Шабби. Для гимна Туниса музыке написал композитор, автор гимнов двух соседних стран, Мухаммад Абдуль-Ваххаб. Впервые он прозвучал в революционные годы борьбы за свержение монархии. В 1987 г. после окончания Жасминовой революции статус гимна закрепили официально [Гимн Туниса].

⁶ «Аш аль-Малик» («Да здравствует Король!») – государственный гимн Королевства Саудовская Аравия с 1950 г. Текст был написан в 1984 г. Ибрагимом Хафаджи [Гимн Саудовской Аравии].

⁷ Гимн Бахрейна официально принят в 1971 г. Автор текста – Мохаммед Судки Аяш (1925–2000) [Гимн Бахрейна].

Список литературы

- Андалусская* (испано-арабская) поэзия. Абд ар-Рахман / пер. с араб. В. Потаповой – подб. матер., оформ. 2001–2014 А. С. Злыгостева URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st044.shtml> (дата обращения: 05.01.2017).
- Арабская поэзия средних веков.* Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 20. Арабская поэзия средних веков / пер. с араб.; вступ. ст. Камиля Яшена; сост., послесл. и примеч. И. Фильштинского; подстрочн. пер. Б. Шидфар, И. Фильштинского, А. Куделина, М. Киктева. М.: Худож. лит., 1975. 767 с. URL: <http://litread.me/web/467911/490000-491000>; <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/index.shtml> (дата обращения: 12.11.2016).
- Бестужева-Лала С.* Андалусская поэзия. 2012. URL: <http://russianpoetry.ru/stihi/andaluzskaja-rouezija.html> (дата обращения: 06.01.2017).
- Гимн Алжира.* URL: <http://www.cultin.ru/singles-gimn-alzhira> (дата обращения: 17.01.2017).
- Гимн Бахрейна.* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Бахрейна (дата обращения: 17.01.2017).
- Гимн Египта.* URL: <https://www.smileplanet.ru/egypt/gimn/> (дата обращения: 17.01.2017).
- Гимн Саудовской Аравии.* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Саудовской_Аравии (дата обращения: 17.01.2017).
- Гимн Сирии.* URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Сирии (дата обращения: 17.01.2017).
- Гимн Туниса.* URL: <http://discoveric.ru/anthem/tunis> (дата обращения: 17.01.2017).
- Дервиш, Махмуд.* Птица изгнания. Избранные произведения: сб. / пер. с араб. Н. Горской, Ю. Хазанова, С. Золотцева. М.: Радуга, 1987. 328 с.
- Жемчужное ожерелье:* Антология арабской средневековой поэзии и прозы / пер. с араб.; сост., вступ. ст. и коммент. И. М. Фильштинского. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1966. 420 с. (Сер. Классическая литература Востока).
- Из классической арабской поэзии* / пер. с араб.; примеч. Б. Шидфар; предисл. К. Яшена. М.: Худож. лит., 1983. 303 с.
- Кечина Э. А.* Национально-культурная специфика ценностных ориентаций в языковом сознании носителя языка (на материале русского и арабского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 22 с.
- Кухарева Е. В.* Клише как отражение национального менталитета (на примере арабских паремий): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 165 с.
- Пиотровский М. Б.* Живая вода Бахрейна // Тилос. Путешествие в загробный мир. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. С. 3.
- Сборник народной мудрости. Пословицы и поговорки о родине* URL: <http://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-o-rodine/> (дата обращения: 10.11.2015).
- Труевцев К. М.* Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи // Полития. 2003. № 3. С. 104–117. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/50335145/> (дата обращения: 15.05.2017).
- Фильштинский И. М.* Арабская поэзия средних веков. Послесловие // Арабская поэзия средних веков. М.: Худож. лит., 1975. Т. 20. С. 1193–1193. URL: litread.me/web/467911/490000-491000 (дата обращения: 16.01.2017).
- Фильштинский И. М.* История арабской литературы: V – начало X века / отв. ред. Б. Я. Шидфар. Изд. 2-е. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 538 с.
- Фильштинский И. М.* История арабской литературы: X–XVIII века. / отв. ред. Б. Я. Шидфар. Изд. 2-е. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. Ч. 1. 400 с.
- Фильштинский И. М.* История арабской литературы: X–XVIII века. / отв. ред. Б. Я. Шидфар. Изд. 2-е. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. Ч. 2. 328 с.
- Шидфар Б. Я.* Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). 2-е изд. М.: Изд. дом Марджани, 2011. 320 с. (Сер. «Bibliotheca Islamica»).
- Аль-Гунейм, Якуб Юсеф.* Анашид ватанийя. Аш-шира ль-кувейти. Аля джанах аль-вадд (араб.) (Песни о Родине. Паруса Кувейта. На крыльях любви). Эль-Кувейт: Ал-ляджна ль-мухтасса би-ль-ард, 2007. 75 с.
- Альхадж, Махмуд.* Мавдуу: таабир ани ль-ватан (араб.) (Тема: высказывания о Родине). 03.01.2016. URL: http://mawdoo3.com/موضوع_تعبير+عن+الوطن?q:خاص:بجث (дата обращения: 12.01.2017).
- Аль-хивар аль-мутамаддан, № 3684.* (араб.) (Диалоги о культуре) URL: <http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=301376> (дата обращения: 09.01.2017).
- Арваа р-равайя фи ль-амсаль* (араб.) (Самые лучшие пословицы и поговорки) / сост. Асы, Насер. Бейрут: Дар эль-муалляф, 2004. 160 с.
- Любани, Хусейн Али.* Мажмаа ль-амсаль аль-филастынийя (араб.) (Сборник палестинских пословиц). Бейрут: Мактаба любнан наширун, 1999. 938 с.
- Муаджам аль-бабитын ли-шуара аль-арабия фи-ль-карнейн ат-гасиа ашар ва-ль-ишрин* (Сборник Бабитын арабских поэтов XIX–XX вв.) (араб.). URL: http://www.almoajam.org/poet_details.php?id=1525 (дата обращения: 12.12.2016).
- Таха, Джамана.* Мавсуа р-равайя фи ль-хикам ва ль-амсаль (араб.) (Сборник лучших пословиц и поговорок). Бейрут: Дар аль-хайаль, 2002. 720 с.

Хикам ани ль-ватан (Афоризмы о Родине). URL: <http://حكم.net/الوطن-عن-حكم/> (дата обращения: 09.11.2015).

References

Andalususkaya (arabo-ispanskaya) poeziya. Abdar-Rahman [Andalusian (Spanish-Arabic) Poetry. Abdar-Rahman]. Transl. from Arabic by V. Potapova, ed. by A. Zlygostev 2001–2014. Available at: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st044.shtml> (accessed 05.01.2017). (In Russ.)

Arabskaya poesiya srednikh vekov. Biblioteka vseмирnoy literatury [Arab Poetry of the Middle Ages. The Library of World Literature]. Transl. from Arabic, Introd. article by Camille Yashen. Comp., preface, postface by I. Filishtinsky. Interlinear translation by B. Shidfar, I. Filishtinsky, A. Kudelin, M. Kiktev. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1975, vol. 20. 767 p. Available at: <http://litread.me/web/467911/490000-491000> (accessed 12.11.2016). (In Russ.)

Bestuzhev-Lala S. *Andalususkaya poeziya* [Andalusian Poetry]. June 28, 2012. Available at: <http://russianpoetry.ru/stihi/andaluzskaja-poyezija.html> (accessed 06.01.2017). (In Russ.)

The National Anthem of Algeria. Available at: <http://www.cultin.ru/singles-gimn-alzhira> (accessed 17.01.2017). (In Arab.)

The National Anthem of Bahrain. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Бахрейна (accessed 17.01.2017). (In Arab.)

The National Anthem of Egypt. Available at: <https://www.smileplanet.ru/egypt/gimn/> (accessed 17.01.2017). (In Arab.)

The National Anthem of Saudi Arabia. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Саудовской_Аравии (accessed 17.01.2017). (In Arab.)

The National Anthem of Syria. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Сирии (accessed 17.01.2017). (In Arab.)

The National Anthem of Tunisia. Available at: <http://discoveric.ru/anthem/tunis> (accessed 17.01.2017). (In Arab.)

Darwish Mahmoud *Ptitsa izgnaniya* [The Bird of Exile. Selected works: Collection]. Trans. from Arabic by N. Gorsky, Yu. Khazanov, S. Zolottseva. Moscow, Raduga Publ., 1987. 328 p. (In Russ.)

Zhemchuzhnoe ozherel'e. Antologiya arabskoy srednevekovoy poezii i prozy [Pearl Necklace. Anthology of Medieval Arabic Poetry and Prose]. Transl. from Arabic, comp., preface and commentary by I. M. Filishtinsky. Moscow, "Vostochnaya literature" Publisher, 1966. 420 p. (In Russ.)

Iz klassicheskoy arabskoy poezii [From Classical Arabic Poetry]. Transl. from Arabic, notes by B. Shidfar. Foreword by K. Yashen. Moscow,

Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1983. 303 p. (In Russ.)

Kechina E. A. *Natsionalno-kulturnaya spetsifika tsennostnikh orientatsiy v yazykovom soznanii nositelya yazyka na materiale russkogo i arabskogo yazykov*. Avtoreferat diss. kand. fil. nauk [National and Cultural Specifics of Values in the Linguistic Consciousness of a Native Speaker on the material of the Russian and Arabic Languages. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2012. 22 p. (In Russ.)

Kukhareva E. V. *Klishe kak otrazhenie natsionalnogo mentaliteta (na primere arabskikh paremiy)* Diss. kand. filol. nauk [Cliché as a Reflection of the National Mentality (a case study of Arabic proverbs) Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 165 p. (In Russ.)

Sbornik narodnoy mudrosti. Poslovitsy i pogovorki o rodine [A Collection of Folk Wisdom. Proverbs and Sayings about Home]. Available at: <http://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-odine/> (accessed 10.11.2015). (In Russ.)

Truevtsev K. M. *Arabskiy mir v 20 veke: razvitie nationalnoy idei* [The Arab World in the 20th Century: the Development of the National Idea]. *Politeia* [Politeia], 2003, issue 3, pp. 104–117. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/50335145/> (accessed 15.05.2017). (In Russ.)

Piotrovsky M. B., Zhivaya voda Bakhreyna [The Living Water of Bahrain]. *Tilos. Puteshestvie v zagrobnyy mir* [Tilos. The Journey to the Afterlife]. St. Petersburg, The State Hermitage Publishing House, 2012, p. 3. (In Russ.)

Filishtinsky I. M. *Arabskaya poesiya srednikh vekov*. Posleslovie [Arab Poetry of the Middle Ages. Postface] *Arabskaya poesiya srednikh vekov* [Arab Poetry of the Middle Ages]. Moscow, 1975, vol. 20, pp. 1193–1193 Available at: litread.me/web/467911/490000-491000 (accessed 16.01.2017). (In Russ.)

Filishtinsky I. M. *Istoriya arabskoy literatury: 5 – nachalo 10 veka* [History of Arabic Literature: the 5th– the beginning of the 10th century]. Ed. by B. Ya. Shidfar. 2nd edition. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 538 p. (In Russ.)

Filishtinsky I. M. *Istoriya arabskoy literatury 10–18 veka* [History of Arabic Literature, 10–18th centuries]. Pt. 1. Ed. by B. Ya. Shidfar. 2nd edition. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 400 p. (In Russ.)

Filishtinsky I. M. *Istoriya arabskoy literatury 10–18 veka* [History of Arabic Literature, 10–18th centuries]. Pt. 2. Ed. by B. Ya. Shidfar. 2nd edition. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 328 p. (In Russ.)

Shidfar B. Ya. *Obraznaya sistema arabskoy klassicheskoy literatury (6–12 vv.)* [Imagery of Classical Arabic Literature (6–12th centuries)]. Ed. by B. Ya. Shidfar. 2nd edition. Moscow, Mardzhani Publ., 2011. 320 p. (In Russ.)

Al-Ghunaim Yakub Yusef. *Song of the Motherland. Sails of Kuwait. On the Wings of Love*. Kuwait, al-Lazhna l-mukhtasa bi-ard, 2007. 75 p. (In Arab.)

Alhaj Mahmoud. *Subject: Statements about Home*. 03.01.2016 Available at: http://mawdoo3.com/تعبير+عن+الوطن?بحث_موضوع:خاص (accessed 12.01.2017). (In Arab.)

Dialogues on Culture. Available at: <http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=301376> (accessed 09.01.2017). (In Arab.)

The Best Proverbs. Comp. by Aces Nasser. Beirut, Dar El-muallaf, 2004. 160 p. (In Arab.)

Lubani Husseyn Ali. *Collection of Palestinian Proverbs*. Beirut, Maktabalubnannashirun, 1999. 938 p. (In Arab.)

A Collection of Babiitiin Arab Poets of the 19–20th centuries. Available at: http://www.almoajam.org/poet_details.php?id=1525 (accessed 12.12.2016). (In Arab.)

Taha Djamana. *A Collection of the Best Proverbs and Sayings*. Beirut, Dar al-Khayal, 2002. 720 p. (In Arab.)

Aphorisms about the Motherland Available at: <http://حكم.net/حكم-عن-الوطن/> (accessed 09.11.2015). (In Arab.)

THE CONCEPT OF HOMELAND IN ARABIC ORAL AND FOLK POETRY

Elena V. Kukhareva

Associate Professor in the Department of Languages of the Countries of the Middle East

MGIMO University

76, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation. elena_koukhareva@mail.ru

SPIN-code: 3901-4571

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3361-0089>

ResearcherID: H-9934-2017

The article investigates the Patriotic theme and the concept of 'homeland' in oral and folk poetry of the Arabs from pre-Islamic period of Ignorance to our time. The concept of a 'native home, native land', a sense of patriotism is known to, moreover, inherent in all peoples. However, their perception, forms of expression, depth, and prevalence may vary from ethnic group to ethnic group, from nation to nation, from person to person. Even a historical epoch can influence these concepts.

In Arabic, the concept of 'homeland' has several characteristics. It is a territorial, or spatial, sign associated with the designation of the place of birth or residence. Moreover, there are socially marked signs representing deep awareness of unity, tribal spirit, loyalty to family (tribe). They are closely connected with moral values inherent in Arab mentality not only in traditions and the historical past but also in modern real life. There is also an emotive metaphorical designation of the concept 'homeland'. Finally, it is characterized by ideological and political ideas evoked by the formation of the Arab national idea, the struggle for independence and the construction of independent states.

The author shows how this concept, being always important, has been changing throughout the history of the development of Arab society. For the ancient Arabs, the concept 'home, native land' meant more their own tribe, place of pastures. Being in the Western areas of the Arab Caliphate, people from the East yearned for the Euphrates valley and palm groves on its banks. Later on, the concept 'homeland' in the mentality of the majority of the Arab peoples was associated not only with the homeland, but mostly with bloody wars with foreigners for freedom and independence. In Arabic poetry and folklore, the inability to live freely and act in accordance with the traditions of their ancestors on their land is often perceived by contemporary members of the Arabic intelligentsia as a national humiliation and oppression, crying out for vengeance and liberation. On the other hand, homeland is also a matter of pride for glorious achievements of the past, for the heroes who died in the struggle for their ideals, for their beauty and uniqueness. Therefore, the idea of protection of the native land, readiness to sacrifice for the sake of life permeates Arabic poetry, both ancient and modern.

Key words: Arabs; Arabic folklore; Arabic poetry; patriotism; pre-Islamic poetry; national liberation struggle.

УДК 82.0:81'42
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-37-47

«ПРЕКРАСНОЕ» И «БЕЗОБРАЗНОЕ» В ЗЕРКАЛЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА К ПЕРЕВОДУ

Мария Алексеевна Хрусталева

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева 15. cristalik1982@list.ru

SPIN-код: 8455-9771

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0551-4516>

ResearcherID: S-3487-2016

Марина Алексеевна Никитина

бакалавр

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева 15. ishida123@mail.ru

SPIN-код: 3635-4367

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5623-6117>

ResearcherID: S-3509-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Хрусталева М. А., Никитина М. А. «Прекрасное» и «безобразное» в зеркале когнитивно-дискурсивного подхода к переводу // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 37–47. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-37-47

Please cite this article in English as:

*Khrustaleva M. A., Nikitina M. A. «Prekrasnoe» i «bezobraznoe» v zerkale kognitivno-diskursivnogo podkhoda k perevodu [“The Beautiful” and “The Ugly” in the Mirror of Cognitive-Discursive Approach to Translation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 37–47. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-37-47 (In Russ.)*

Данная статья является результатом применения когнитивно-дискурсивного подхода к переводу художественных произведений на примере выполненного авторами перевода с испанского языка на русский рассказа Марио Бенедетти «Ночь уродов» (Mario Benedetti «La noche de los feos»). В качестве адекватного способа структурной организации концепта рассматривается фрейм, при этом анализ семантических корреляций между языковыми репрезентантами концепта позволяет построить ментальную схему содержательно-образной материи исходного текста.

Определены ключевые для данного произведения концепты, а именно BELLEZA (красота) и FEALDAD (уродство), через которые, согласно результатам исследования, автором художественного произведения транслируются эстетические категории прекрасного и безобразного. Обращение к дефиниционному и компонентному анализу языковых репрезентантов, наполняющих слоты данных концептов, дало возможность проследить типы семантических связей между ними и способствовало сохранению логики авторского повествования при переводе.

По итогам проведенного исследования делается вывод о том, что когнитивно-дискурсивный анализ, моделирование концептосферы рассказа и фреймовый анализ основополагающих концептов, заложенных автором, могут быть использованы как эффективный метод решения проблемы понимания и интерпретации текста. Данная методика предпереводческого анализа художественного произведения позволяет обосновать принятые переводческие решения и осуществить перевод художественного произведения с позиции, наиболее приближенной к авторской.

Ключевые слова: когнитивное моделирование; репрезентация концептов BELLEZA / FEALDAD; эстетические категории; трансляция концептуального фона; художественный дискурс; Марио Бенедетти.

Когнитивное направление в лингвистике, зародившись в США в 70-е гг. XX в., сегодня является одной из самых стремительно распространяющихся школ теоретической лингвистики с процветающими международными когнитивными лингвистическими сообществами и национальными когнитивными ассоциациями во многих странах по всему миру. Благодаря своей междисциплинарной природе это одна из самых волнующих областей исследования в рамках когнитивной науки [Попова 2013].

Теоретическую базу исследования составили работы Л. М. Алексеевой, Ф. А. Алефиренко, Н. В. Александрович, А. Н. Веселовского, Н. В. Волосухиной, Н. Н. Дзида, В. Г. Зусмана, Н. В. Кулибиной, Е. С. Кубряковой, Ю. М. Лотмана, В. А. Масловой, В. А. Миловидова, Е. А. Огневой, Л. В. Поповой, И. Н. Ремхе, В. П. Руднева, Ю. С. Степанова, Н. В. Шутёмовой. Результаты исследований перечисленных выше ученых свидетельствуют о достойном месте когнитивной лингвистики среди современных наук, наглядно демонстрируют многогранность и разнообразие подходов к изучению языка в свете когнитивного направления и тем самым подтверждают целесообразность применения когнитивного анализа для понимания художественного произведения и его последующего перевода на другой язык. По справедливому замечанию Л. М. Алексеевой, благодаря развитию новых взглядов на перевод, «позволивших создать пространственный образ перевода, у исследователей формируются идеи о возможности применения новых категорий, соотносимых со сложностью решаемых переводческих проблем» [Алексеева 2013: 69]. С этих позиций использование методов когнитивной лингвистики для анализа прозаического произведения видится нам плодотворным, поскольку позволяет выявить новые аспекты интерпретации художественного текста при его переводе.

Объектом проведенного нами исследования послужила концептосфера рассказа Марио Бенедетти «Ночь уродов» (Mario Benedetti «La noche de los feos»), а предметом – вербальная репрезентация концептов BELLEZA (красота) и FEALDAD (уродство). В качестве основного метода исследования был использован когнитивно-дискурсивный анализ, заключающийся в моделировании пространства художественного произведения и выявлении основополагающих концептов, а при рассмотрении вербальных репрезентантов изучаемых концептов целесообразным представлялось обращение к дефиниционному анализу, контекстуальному анализу, методу компонентного анализа. Кроме того, оказались вос-

требованными интерпретативный подход к изучению текста оригинала и моделирование его содержательно-образной материи.

Выбор концептов BELLEZA (красота) и FEALDAD (уродство) в качестве ключевых в данном художественном произведении обусловлен тем, что они являются базовыми и существуют во всех культурах. Причем не только вбирают в себя обобщенное представление о «прекрасном» и «безобразном» целого народа, но и индивидуализируют это представление в сознании каждого отдельного человека; при этом красота выступает как ценность, а уродство как ее антипод. Вместе с тем, учитывая тот факт, что *прекрасное* и *безобразное* являются базовыми категориями в эстетике [Борев 2002], можно сделать вывод об универсальности данных эстетических категорий и об их бесспорной значимости для создания образного фона художественного произведения.

Нельзя обойти вниманием и то, что одной из значимых особенностей концептов является их индивидуальность. Заметим, что в наибольшей степени это свойство проявляется в концептах, построенных на материале художественного произведения: они могут не подчиняться законам логики, реальности, а существовать, основываясь на уникальных авторских ассоциациях, появление которых порой невозможно объяснить. А поскольку художественное произведение является собой особый тип дискурса, представляется, что рассмотрение концептов, функционирующих в тексте художественного произведения, несомненно, будет специфичным.

Так, В. П. Руднев при определении художественного дискурса указывает на следующую его особенность – «составляющие его предложения не являются ни истинными, ни ложными, но создают представление о вымышленной действительности» [Руднев 1996]. Заслуживающим внимания видится также мнение Н. В. Кулибиной, которая понимает художественный дискурс как последовательный предсказуемо-непредсказуемый процесс взаимодействия текста и реального (а не мыслимого автором) читателя, учитывающего либо нарушающего «указания» автора, привносящего в текст информацию, которая была известна и / или не известна писателю, и т. д. [Кулибина 2002].

Особо подчеркнем, что основной функцией художественного дискурса является создание чувственного восприятия действительности с помощью средств образно-эстетической трансформации языка; это речемыслительное взаимодействие автора и читателя, имеющее опреде-

ленную интенцию. «В художественном произведении автор вербализирует свое мировоззрение, а любой языковой элемент художественного дискурса (прямо или косвенно, эксплицитно или имплицитно) представляет картину мира автора и репрезентирует его интенцию. Автор выступает формально-содержательным центром произведения» [Сердюк 2012]. Исходя из этого полагаем, что выявление концептов на материале произведений одного автора имеет свои особенности, поскольку для воссоздания персональной картины мира писателя следует учитывать, что язык автора, на котором он пишет, не является естественным, спонтанным. Смысл не лежит на поверхности, поэтому, на наш взгляд, нельзя не согласиться с О. В. Зыряновым, который отмечает, что «текст автора нуждается в своего рода реконструкции, в механизме перевода с конкретного языка на язык концептуальных понятий (метаязыковых представлений)» [Зырянов 2002: 111]. Особую роль в таком переводе играют инвариантные темы и мотивы, общие категориальные понятия и универсальные схемы и оппозиции. Следовательно, в основу определения особенностей творчества конкретного автора можно положить разветвленный комплекс гетерогенных идей [там же: 112] или систему ведущих концептов.

Таким образом, при исследовании художественного дискурса необходимо осознавать важность постоянного взаимодействия автора и реципиента, а при осуществлении перевода художественного произведения необходимо иметь в виду фигуру переводчика, который будет выступать транслятором заложенных автором произведения идей.

Так, испанский исследователь Марко Антонио Кампос считает, что по своей природе перевод множественен, это бесконечный процесс познания и воссоздания смысла, поскольку язык – живая, открытая система, которая постоянно движется и меняется [Campos 2003].

Н. В. Шутёмова, опираясь на работы Ю. М. Лотмана, утверждает, что рефлексия переводчика должна быть направлена, с одной стороны, на освоение сложной системы соотношений оригинала с целью освоения принципа формирования его поэтической идеи, с другой – на моделирование этой системы отношений в переводе с целью объективации смыслового пространства оригинала [Шутёмова 2011: 34].

По замечанию В. А. Миловидова, теория художественного перевода должна исходить из того, что художественный текст не просто отражает действительность, а, являясь моделирующей системой [Лотман 1994: 46], «действительность»

порождает. Далее В. А. Миловидов подчеркивает, что «эта порожденная действительность не равна ни конкретным пропозициям, открытым традиционному лингвистическому анализу, ни их сумме» [Миловидов 2015: 180].

Н. В. Александрович, в свою очередь, пишет о том, что основной сложностью художественного перевода является его двойственность, которая связана, с одной стороны, с вторичной, воспроизводящей природой перевода, а с другой – с необходимостью создания текста, обладающего способностью эстетического и эмоционального воздействия. Перевод текста на другой язык невозможен без его понимания и последующей интерпретации, однако любое художественное произведение в силу его комплексной организации не поддается однозначному толкованию [Александрович 2009: 31]. В связи с вышесказанным становится понятным, что переводчик, как и читатель исходного текста, первоначально создаёт художественный дискурс, который затем отражает в тексте перевода, при прочтении которого новым читателем вновь создается художественный дискурс. Отсюда возникает вопрос, насколько объективен переводчик при восприятии и интерпретации художественного текста, ведь именно на основе созданного переводчиком текста реципиент из другой культуры будет воссоздавать новый художественный дискурс. Поэтому «одним из самых важных и вместе с тем труднодостижимых критериев адекватности перевода является точность передачи “мыслительных образов, стоящих за языковыми знаками, означаемых языковых знаков”, то есть концептов, отраженных в оригинальном художественном произведении» [Романова 2010: 994].

Учитывая, что «переводчик устанавливает информационное соответствие между языковыми единицами исходного и переводящего языков, позволяющее создать иноязычный аналог исходного художественного текста в виде вторичной знаковой системы» [Казакова 2002: 25], мы предполагаем, что стратегия перевода художественных произведений, основанная на концептуальном анализе и построении концептов как части предпереводческого анализа, позволит наиболее полно в содержательно-образном плане транслировать авторский замысел. Думается, такой подход дает возможность глубже проникнуть в структуру созданного автором произведения, приблизиться к пониманию его видения мира, осознать и интерпретировать художественное произведение сквозь авторское категориально-мыслительное членение созданной им реальности.

Поскольку искусство – это высшая деятельная форма эстетических отношений, а эстетическое вполне осуществляет себя только в искусстве [Бахтин 1975], заметим, что эстетическая деятельность является переоформляющей, придающей чему-либо новую форму. Однако «в области искусства переоформляющая эстетическая деятельность направлена не на материал, из которого “изготавливаются” тексты, а на жизненное содержание первичных переживаний» [Тюпа 2009: 28–29]. Таким образом, можно сделать вывод, что неважно, в какой языковой форме подано содержание литературного произведения, на каком языке оно изложено, главное, чтобы оно облагодало той же ценностью.

При изучении способов трансляции эстетического содержания образцов художественного дискурса обращение к концепту, который содержит в своей основе значимое для жизни общества и отдельного человека явление, видится довольно перспективным. А учитывая тот факт, что познание искусства является одной из главных задач эстетики, полагаем, что при трансляции эстетических категорий, заключенных в художественном тексте на иностранном языке, на другой язык именно использование метода моделирования концептов при переводе может явиться своеобразным ключом к раскрытию глубинных слоев авторского замысла.

Говоря об эстетических категориях, заметим, что под категорией как таковой мы понимаем «предельно общее понятие, которое образуется как последний результат отвлечения (абстрагирования) от предметов их особенных признаков» [Новейший философский словарь 1998: 310]. При этом эстетические категории предстают как наиболее общие признаки, с помощью которых описываются процессы художественного творчества, строение и своеобразие произведений искусства, природа и механизмы художественного восприятия [Кривцун 2000]. Существует шесть базовых категорий эстетики: прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное, трагическое и комическое. В нашей работе внимание уделено первой паре категорий, они являются основой концептов, выбранных для построения, поэтому считаем необходимым охарактеризовать каждую из них.

Так, *прекрасное* – «самая ранняя эстетическая категория, отражающая реально существующее прекрасное в природе, обществе, искусстве и культуре. Она характеризует явления, обладающие высшей эстетической ценностью» [Бычков 2004: 182]. В свою очередь, категория *безобразного* возникла в эстетике как противоположность

категории *прекрасного*, она служит для обозначения той области «неутилитарных субъект-объектных отношений, которая связана с антиценностью, с негативными эмоциями, чувством неудовольствия, отвращения и т. п.» [там же: 207]. Исходя из представленных описаний категорий *прекрасного* и *безобразного*, можно сделать вывод о том, что данные понятия имеют большое значение в любой культуре, в любом обществе, а значит, представления об этих категориях будут непременно закреплены в различных произведениях искусства, таких, например, как художественные произведения.

Возвращаясь к мысли о непосредственном использовании когнитивно-дискурсивного анализа при переводе произведений художественного дискурса, особо подчеркнем значимость обращения к категории концепта. Поскольку концепт находит свою непосредственную реализацию в языке, то можно говорить о наличии его структуры, некоего каркаса, который, в свою очередь, является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу. Нам представляется, что в качестве адекватного способа структурирования концепта можно рассматривать фрейм.

Возможность задействовать фреймовый метод при анализе семантики слов, по мнению С. В. Буторина, «позволяет проследить и обозначить соотношение языковых и неязыковых знаний, концептуальной и лексико-семантической информации. Применение фреймового метода для анализа прозаического произведения плодотворно, поскольку он позволит выявить новые аспекты интерпретации художественного текста» [Буторин 2010: 765]. Помимо фреймовой организации концепта необходимо иметь в виду и полевую структуру концепта, которая состоит из лексических единиц, образующих ядро и периферию. Согласно Е. А. Огневой, «концептуальное поле формируется совокупностью выражаемых концептом значений. Не все элементы концептуального поля находят выражение в системе языковых знаков, так как ментальный концепт не может быть полностью “схвачен” (термин Е. С. Кубряковой) языковым знаком и даже совокупностью языковых знаков, поскольку он постоянно развивается и какая-то его часть всегда остается вербально не означенной. Исследование концептуального поля требует привлечения когнитивного контекста, так как ментальное пространство концепта имеет сложную многомерную структуру (Н. Н. Болдырев, В. И. Карасик, И. А. Стернин и др.), где наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составля-

ют ядро концепта, менее значимые – периферию» [Огнева 2013: 48].

В данной статье предпринята попытка обоснования важности и эффективности обращения к когнитивно-дискурсивному анализу в процессе перевода рассказа М. Бенедетти «Ночь уродов» (M. Benedetti «La noche de los feos»). Думается, что концептосферу данного художественного произведения образуют концепты, имеющие в своей основе категории *прекрасного* (*belleza*) и *безобразного* (*fealdad*), поэтому необходимо использовать методы, позволяющие как можно лучше понять замысел автора, а затем осуществить перевод, уделив особое внимание трансляции выбранных категорий.

Концептуальный анализ художественного текста и понимание его природы как совокупности концептов базируется на одном из основных положений когнитивной стилистики – осмыслении текста как «двуединого процесса порождения / восприятия» [Александрович 2009: 5], поэтому важнейшим этапом является этап понимания текста, его предпереводческий анализ, основой которого в данном исследовании является когнитивно-дискурсивный анализ.

Очевидно, что художественный текст занимает особое место в системе речевых реализаций концепта, так как, несмотря на то, что концепт сам по себе не статичное явление, индивидуально-авторский концепт является фиксированным вариантом, закрепленным в тексте. «Концептуализация мира в художественном тексте, с одной стороны, отражает универсальные законы мироустройства, а с другой – индивидуальные, даже уникальные, воображаемые идеи» [Дзида 2009: 148–149]. Поэтому необходимо помнить о том, что в художественном тексте лингвистическая реализация концептов может осуществляться через единицы, которые не обязательно совпадают с ожидаемыми единицами.

Например, в выбранном нами для исследования рассказе речь идет о дефектах на лице главных героев, которые страдают из-за этого. Представляется, что любой концепт «объективируется с помощью ключевого слова-репрезентанта» [Волкова 2009: 88], которое является ключевым словом текста. В нашей работе одним из исследуемых концептов является концепт BELLEZA и соответствующим словом-репрезентантом выступает лексема *belleza* (красота). Данная лексема – это ядро концепта, несмотря на то, что она использована в тексте всего три раза. По нашему мнению, именно это понятие стало ключевым, именно вокруг него формируется приядерная зона и периферия.

Анализ дефиниций лексикографических источников на испанском языке позволил выбрать следующие определяющие семы ключевого слова *belleza*:

1. *Propiedad de las cosas que hace amarlas, infundiendo en nosotros deleite espiritual* (Diccionario de la lengua española) – качество, которое связывают с тем, что вызывает восхищение; то, что привлекает.

2. *Prototipo, modelo o ejemplar de belleza, que sirve de norma* (RAE. Diccionario de la lengua española) – идеальная красота, модель, образец для подражания, то, что служит нормой.

3. *Armonía o perfección de una persona o cosa* (Francés 1976) – гармония или совершенство чего или кого-либо.

4. *Hermosura, atractivo, bueno, excelente* (Blecuá 1999) – прекрасно, привлекательно, восхитительно.

Как можно заметить, семы данной лексемы дают положительную оценку как внешним качествам какого-либо объекта или явления (что-то, что радует глаз), так и внутренним (то, что нам приятно слушать), кроме того, они могут выражать оценку образа действия.

В словаре основных терминов по искусствоведению, эстетике, педагогике и психологии искусств дается следующее определение соотносимой эстетической категории: «Прекрасное (“очень красивое”, наделенное красотой высшего порядка), понятие, означающее высшую эстетическую оценку ч.-л.» [В мире искусства 2001: 235]. Данное определение не противоречит выделенным значениям в лексикографических источниках на испанском языке, следовательно, можно сделать вывод о том, что концепт BELLEZA в испаноязычной лингвокультуре и категория *прекрасного* в русскоязычной лингвокультуре не только не противоречат друг другу, но и довольно близки.

На основе проведенного дефиниционного анализа испаноязычных лексикографических источников и контекстуального анализа текста рассказа был построен фрейм концепта BELLEZA, состоящий из четырех слотов: **Apariencia, Tipos de belleza, Denominación, Reacción de «los normales» a los «feos»**. К приядерной зоне были отнесены лексемы, входящие в слоты **Denominación** и **Apariencia**, соответственно, лексемы, составляющие слоты **Tipos de belleza, Reacción de «los normales» a los «feos»**, находятся на периферии полевой структуры концепта BELLEZA, так как были включены в концепт на основе контекста всего произведения.

Словом-репрезентантом и ядром второго концепта FEALDAD, выделенного в рассказе

М. Бенедетти, является лексема *fealdad* (уродство). Она встречается в тексте пять раз, но, несмотря на это, очень важна в контексте данного рассказа. Анализ дефиниций испаноязычных лексикографических источников позволил выявить следующие определяющие семы слова-репрезентанта *fealdad*:

1. *Torpeza o acción indigna que parece mal* (Francés 1976) – аморальность, недостойный поступок.

2. *Deformidad, desproporción* (Francés 1976) – уродливость, диспропорция.

3. *Antiéstético* (Blecua 1999) – неэстетичный.

4. *De aspecto malo o desfavorable* (RAE. Diccionario de la lengua española) – неприятный внешне, отталкивающий.

5. *Monstruoso* (Blecua 1999) – чудовищный.

Общей для всех этих сем является сема негативной оценки какого-либо предмета, явления или ситуации. Так же, как и в случае с характеристикой сем слова-репрезентанта *belleza*, эта оценка может относиться как к внешним, так и к внутренним качествам, а также к образу действия.

В словаре основных терминов по искусствоведению, эстетике, педагогике и психологии искусств дано следующее определение эстетической категории *безобразное*: «Безобразное – понятие, характеризующее явное, резко выраженное несовершенство, уродство, иногда – аморальность тех или иных явлений действительности» [В мире искусства 2001: 33]. Как становится ясно, так же как и в случае с категорией *прекрасного*, данное понимание категории *безобразного* не только не противоречит, но и напрямую соотносится со значениями, выделенными на основе анализа дефиниций в испаноязычных словарях. Следовательно, при сравнении концепта FEALDAD в испаноязычной лингвокультуре с категорией *безобразного* в лингвокультуре русскоязычной мы приходим к выводу о том, что концептуальное содержание данных понятий тоже очень близко.

На основе анализа языковой реализации художественного дискурса в исследуемом рассказе, а также на базе испаноязычных лексикографических источников было выделено четыре слота фрейма FEALDAD: **Apariencia, Causa, Denominación; Sentimientos de los feos**. Ядром является лексема *fealdad*, вокруг этого ядра формируется приядерная зона, в которую входят лексемы, заполняющие слоты **Apariencia, Causa, Denominación**, периферию же составляют лексемы слота **Sentimientos de los feos**, так как они приобретают необходимое для понимания рассказа значение только в контексте самого рассказа.

На основе концептуального анализа языковых репрезентантов рассказа М. Бенедетти и построения фреймов рассматриваемых концептов был создан переводный текст, в процессе работы над которым возник ряд трудностей, требующих принятия переводческих решений. Приведем некоторые примеры, призванные проиллюстрировать эффективность использования когнитивно-дискурсивного анализа при переводе художественных текстов.

Для начала необходимо пояснить, что в центре повествования – два человека со шрамами на лице, являющимися причиной основного конфликта рассказа. В связи с этим требовалось, во-первых, передать отношение лирического героя к этим уродствам, во-вторых, сохранить разнообразие средств передачи данных явлений.

Заметим, что наибольшую трудность при переводе представили лексические единицы, относящиеся к описанию шрама на лице главной героини. Ее уродство представляет собой выемку на скуле и стянутую кожу, причиной чему послужила неудачная операция. В русском языке нет названия данному явлению, поэтому возникла необходимость обращения в основном к описательному переводу: *pómulo hundido* – ямка от разреза на скуле; *hendidura de mejilla* – ямка на щеке; *hendidura de pómulo* – выемка на скуле; *pozo de la mejilla* – ямка на щеке; *surco de horror* – ужасный шрам.

Уродство же главного героя представляет собой шрам от ожога, однако автор также использует несколько способов для его обозначения, что, несомненно, важно было отразить во всем многообразии и в переводе данных описаний на русский язык: *asquerosa marca* – отвратительная метка; *marca siniestra* – ужасная метка; *mejilla encogida* – след от ожога на лице; *vieja quemadura* – давний ожог; *la zona lisa brillante* – блестящая, гладкая часть щеки; *costurón* – шрам; *isla sin barba* – маленький безволосый островок; *pellejo liso* – гладкая кожица.

Подытоживая вышесказанное, подчеркнем, что обращение к построению общей концептосферы художественного произведения помогло осознать важность многоликого обозначения данных шрамов, сохранения разнообразия их наименований, а в конечном итоге оказалось своего рода списком контекстуальных синонимов при означивании уродства обоих героев. В добавление к этому отметим также, что построенный фрейм концепта FEALDAD наглядно демонстрирует следующее: уродствами в данном рассказе считаются только шрамы, которые были получены в результате физического дей-

ствия. Например, слот **Causa** фрейма концепта FEALDAD заполняется следующими вербальными репрезентантами: *operación* – операция, *quemadura* – ожог и *ácido* – кислота. Подслот «*otras fealdades*» слота **Apariencia** представлен следующими лексемами: *falta media nariz* – лишь половина носа, *costura en la frente* – шрам на лбу, *rostro horrible* – изуродованное лицо.

В то же время во фрейме концепта BELLEZA, в слоте **Denominación** контекстуальными синонимами красоты оказываются такие лексеммы, как *normal* – нормальный, обычный и *hermoso* – прекрасный. Следовательно, можно сделать вывод о том, что лирический герой восхищается не красивыми людьми, а людьми с обычной, ничем не выделяющейся внешностью, при этом критерием красоты оказывается просто отсутствие шрамов на лице. В связи с этим, чтобы отразить данный нюанс в переводе, было принято решение подчеркнуть красоту обычного лица: *su oreja fresca bien formada. Era la oreja de su lado normal – ...ее чудесное ухо. Это ухо было с неуродливой стороны ее лица.* К тому же для придания положительной оценки со стороны лирического героя было принято решение перевести лексему *oreja* не как ухо, а как *ушко*, т. е. прибегнуть к приему диминутивации.

Обратимся к другому примеру перевода: *...de los que tienen un rostro corriente, milagrosamente simétrico. – ... тех, кто имеет нормальное, восхитительно симметричное лицо.* Их лица прекрасны, потому что они симметричны, – ничего не говорится о том, какие у них черты – правильные ли, изящные ли, тонкие, женственные /мужественные, они просто обычные и уже поэтому красивы для лирического героя.

Также благодаря применению методики построения фреймов концептов и тщательной проработке семантических корреляций между языковыми реализациями лексем стала очевидной мысль о том, что в контексте данного рассказа *красивое* не всегда является положительным. Если посмотреть на лексеммы, репрезентирующие фрейм концепта BELLEZA, входящие в состав слота **Reacción de «los normales» a los «feos»**, можно заметить, что это лексеммы, имеющие в основном негативную коннотацию: *curiosidad enfermiza* – болезненное любопытство; *inconsciente sadismo* – бессознательный садизм; *interés* – интерес; *gesto de asombro* – удивленно поднимали брови; *quedar a las espaldas las señas* – обменивались взглядами за нашими спинами; *murmullo* – шепотки; *falsas carraspeas* и *tocesitas* – фальшивое покашливание.

При этом очевидно, что главный герой раздражен проявлением такого интереса, что, несомненно, было важно отразить в переводе. Проиллюстрируем реализацию вышеприведенных лексем и лексических сочетаний в контексте художественного произведения и его переводе на русский язык:

Mis antenas están particularmente adiestradas para captar esa curiosidad enfermiza, ese inconsciente sadismo de los que tienen un rostro corriente, milagrosamente simétrico. Pero esta vez ni siquiera era necesaria mi adiestrada intuición, ya que mis oídos alcanzaban para registrar murmullos, tosecitas, falsas carrasperas.

Мои антенны были настроены на улавливание этого болезненного любопытства, бессознательного садизма тех, кто имеет нормальное, восхитительно симметричное лицо. Но в этот раз в моей натренированной интуиции не было необходимости, потому что моих ушей так достигали шепотки и фальшивое покашливание.

Отметим, что в контексте данного рассказа реакция «уродов» на подобное отношение со стороны «красивых», на их восприятие собственных дефектов может быть двух типов. Данное утверждение подкрепляется непосредственным языковым оформлением данного концептуального содержания рассказа. Так, подслоты слота **Sentimientos de los feos** (чувства «уродов» по поводу своего уродства) именуются нами как: «*reacción del “feo” típico*» – ожидаемая реакция среднестатистического «урода»; «*reacción de los protagonistas*» – реакция со стороны главных героев. В данном слоте наиболее ярко демонстрируются оба основных конфликта произведения: внешний конфликт – взаимодействие «красивых» и «уродов» и конфликт внутренний – отношение человека с уродством к собственному дефекту. При построении фреймов концептов стало очевидно, что главный герой противопоставлен всем: и «красивым», и другим «уродам» – неполноценным, смирившимся, зависимым от общества. Главный герой презирает таких «уродов», как и свое лицо. Лексеммы, представляющие слот с его отношением к данной ситуации, наполнены языковыми репрезентантами, содержащими семы отрицания, сопротивления, борьбы. Его отношение разделяет и главная героиня, именно поэтому она привлекла к себе внимание лирического героя. Заклучим, что данные нюансы смысла, вплетенные в канву всего художественного произведения, стало возможным обнаружить через обращение к когнитивно-дискурсивному анализу, т. е. в процессе построения фреймов концептов BELLEZA и FEALDAD и

тщательной проработки семантических корреляций между лексемами-репрезентантами данных концептов.

Подводя итог проведенной работе над текстом перевода рассказа М. Бенедетти «Ночь уродов» (M. Benedetti «La noche de los feos»), необходимо отметить, что концептуальный анализ и построение концептосферы произведения оказались очень эффективными как при предпереводческом анализе текста, так и при его переводе. Концептуальный анализ художественного произведения позволяет выделить всю совокупность языковых репрезентантов в тексте оригинала через моделирование концептосферы художественного текста и анализ семантических корреляций языковых средств ее объективации, в которых выражено авторское отношение к соответствующим предметам или явлениям.

Благодаря проведенному анализу переводчику удалось глубже проникнуть в образное содержание произведения, а создание концептуального фона рассказа позволило увидеть грани и нюансы, которые важно было отразить в переводе для того, чтобы переводной текст отображал эстетическое содержание, отвечающее тексту оригинала. Кроме того, подобный подход к анализу художественного произведения на языке оригинала облегчил поиск переводческих решений для преодоления трудностей перевода, а при выборе способов выражения авторского замысла транслировать эстетические категории *прекрасного* и *безобразного* с опорой на внушительный корпус контекстуальных синонимов, обнаруженных на этапе предпереводческого анализа. По нашему мнению, подобная стратегия перевода способствует адекватной трансляции эстетических категорий *прекрасного* (*belleza*) и *безобразного* (*fealdad*), поскольку именно они позволяют приблизиться к пониманию авторского мировидения, глубже проникнуть в проблематику, затронутую автором, что в совокупности создает весомую базу для создания текста перевода, максимально отражающего авторский замысел.

Таким образом, применение когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языковой структуры рассказа М. Бенедетти «Ночь уродов» (M. Benedetti «La noche de los feos»), построенные фреймы концептов BELLEZA и FEALDAD позволили определить специфику семантических корреляций между лексемами-репрезентантами концепта и проследить реализацию авторских смыслов в тексте художественного произведения. Думается, что это, в свою очередь, дает переводчику возможность воспринять и понять оригинальный текст во всей полноте его идейно-

образных характеристик, а затем транслировать заложенное в нем содержание теми языковыми средствами, которые наиболее полно и точно отражают авторский замысел.

Список источников

Benedetti M. La muerte y otras sorpresas. Buenas Aires: Editorial Sudamericana, 2000. 135 p.

Список литературы

Александрович Н. В. Концептосфера художественного произведения и средства ее объективации в переводе. На материале романа Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и его переводов на русский язык. М.: Флинта, Наука, 2009. 184 с.

Алексеева Л. М. Идентичность в переводе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2(22). С. 69–74.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.

Борев Ю. Б. Эстетика: учебник. М.: Высшая школа, 2002. 511 с.

Буторин С. В. Фреймовый подход к анализу языкового пространства немецкого романа воспитания // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Вып. 3(3). С. 161–165.

Бычков В. В. Эстетика: учебник. М.: Гардарики, 2004. 556 с.

В мире искусства. Словарь основных терминов по искусствоведению, эстетике, педагогике и психологии искусств единиц / сост. Т. К. Каракаш, А. А. Мелик-Пашаев. М.: Искусство в школе, 2001. 384 с.

Волкова С. Б. Концепт «military service» и его составляющие в художественном дискурсе // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 39. С. 87–94.

Дзида Н. Н. Концептуальный анализ художественного пространства при переводе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 8. С. 147–153.

Зырянов О. В. Лермонтовский миф: некоторые аспекты проблемы // Архетипические структуры художественного сознания: сб. ст. Екатеринбург: Урал, 2002. С. 110–121.

Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика: учеб. пособие. СПб.: ИнЪязиздат, 2002. 544 с.

Кривцун О. А. Эстетика: учебник. М.: Аспект Пресс, 2000. 434 с. URL: <http://www.bibliotekar.ru/estetika-2/index.htm> (дата обращения: 19.10.2016).

Кулибина Н. В. Художественный дискурс как актуализация художественного текста в сознании читателя. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_211 (дата обращения: 19.10.2016).

Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 11–264.

Миловидов В. А. Спорные вопросы теории художественного перевода // Русская литература за рубежом: теория и практика художественного перевода: Электронный образовательный ресурс на 1 CD-R. Тверь, 2015. С. 179–204. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25529836_86022317.pdf (дата обращения: 11.06.2017).

Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998. 896 с.

Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. М.: Эдитус, 2013. 282 с.

Попова Л. В. Становление и развитие когнитивной лингвистики за рубежом // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 35(326). С. 92–95.

Романова Л. Г. Проблема передачи авторских концептов оригинала в переводе как аспект обучения переводу художественного текста // Интеграция науки и практики в профессиональном развитии педагога: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург, 2010. С. 993–997.

Руднев В. П. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 47 с. URL: <http://www.disserscat.com/content/teoretiko-lingvisticheskie-analiz-khudozhestvennogo-diskursa> (дата обращения: 19.10.2016).

Сердюк Е. Н. К проблеме определения признаков художественного дискурса // Культура народов Причерноморья. 2012. № 226. С. 85–88. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/56015> (дата обращения: 19.10.2016).

Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. ф-та высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр Академия, 2009. 336 с.

Шутёмова Н. В. Практикум по переводу (поэтический перевод): учеб. пособие / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2011. 116 с.

Влесиа Ж. М. (*dir.*) Diccionario General de sinónimos y antónimos. Lengua española Barcelona: Vox Universidad, 1999. 1205 p.

Campos M. A. Poesía y traducción. Centro virtual Cervantes, 2003. P. 51–60. URL: http://cvc.cervantes.es/lengua/hieronymus/pdf/03/03_051.pdf (дата обращения: 21.05.2017).

Francés F. A. Cervantes Diccionario de la Lengua Española. La Habana: Editorial Pueblo y Educación. T. 1. 1976. 434 p.

Moral Rafael del. Diccionario temático del español. Madrid: Editorial Verbum, 1998. 576 p.

References

Aleksandrovich N. V. *Kontseptosfera khudozhestvennogo proizvedeniya i sredstva ee ob"ektivatsii v perevode. Na materiale romana F. S. Fitsdzheral'da «Velikiy Getsbi» i ego perevodov na russkiy yazyk.* [Concept sphere of a literary work and ways of its objectification in translation. Based on the novel "The Great Gatsby" by F. Scott Fitzgerald and its translations into Russian]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009. 184 p. (In Russ.)

Alekseeva L. M. Identichnost' v perevode [Identity in translation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, issue 2(22), pp. 69–74. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Problems of Literature and Aesthetics. Studies of different years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)

Borev Yu. B. *Estetika: uchebnik* [Esthetics: textbook]. Moscow, Vysshaya shkola, Publ., 2002. 511 p. (In Russ.)

Butorin S. V. Freymovyy podkhod k analizu yazykovogo prostranstva nemetskogo romana vospitaniya [Frame approach to German novel of education language analysis]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, issue 3(3), pp. 161–165. (In Russ.)

Bychkov V. V. *Estetika: uchebnik* [Esthetics: textbook]. Moscow, Gardariki Publ., 2004. 556 p. (In Russ.)

V mire iskusstva. Slovar' osnovnykh terminov po iskusstvovedeniyu, estetike, pedagogike i psikhologii iskusstv edinits [In the world of art. Glossary of key terms in art history, esthetics, pedagogy, psychology and arts units]. Ed. by T. K. Karakash, A. A. Melik-Pashaev. Moscow, Iskustvo v shkole Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)

Volkova S. B. Kontsept «military service» i ego sostavlyayushchie v khudozhestvennom diskurse [Concept of «military service» and its components in literary discourse]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, Mind, Communication: Collection of Articles]. Moscow, MAKS Press Publ., 2009, pp. 87–94. (In Russ.)

Dzida N. N. Kontseptual'nyy analiz khudozhestvennogo prostranstva pri perevode [Conceptual analysis of the literary space in the process of trans-

lation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2009, issue 8, pp. 147–153. (In Russ.)

Zyryanov O. V. Lermontovskiy mif: nekotorye aspekty problemy [Lermontov myth: some aspects of the problem]. *Arkhetipicheskie struktury khudozhestvennogo soznaniya: sb.st.* [The Archetypal Structure of Artistic Consciousness. Collection of Articles]. Ekaterinburg, Ural Publ., 2002, pp. 110–121. (In Russ.)

Kazakova T. A. *Khudozhestvennyy perevod. Teoriya i praktika: ucheb.pos.* [Literary translation. Theory and Practice: Textbook]. St. Petersburg, In'yazizdat Publ., 2006. 544 p. (In Russ.)

Krivtsun O. A. *Estetika: uchebnik.* [Esthetics: Textbook]. Moscow, Aspekt Press, 2000. 434 p. Available at: <http://www.bibliotekar.ru/estetika-2/index.htm> (accessed 09.04.2016). (In Russ.)

Kulibina N. V. Khudozhestvennyy diskurs kak aktualizatsiya khudozhestvennogo teksta v soznanii chitatel'ya [Literary discourse as actualization of literary text in the reader's mind]. Available at: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_211 (accessed 19.10.2016). (In Russ.)

Lotman Yu. M. Lektsii po struktural'noy poetike [Lectures on structural poetics]. *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Lotman and Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 11–264. (In Russ.)

Milovidov V. A. Spornye voprosy teorii khudozhestvennogo perevoda [Disputable issues of literary translation theory]. *Russkaya literatura za rubezhom: teoriya i praktika khudozhestvennogo perevoda* [Russian Literature Abroad: Theory and Practice of Literary Translation]. E-learning resource on 1 CD-R, Tver', 2015, pp. 179–204. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_25529836_86022317.pdf (accessed 11.06.2017). (In Russ.)

Novyshiy filosofskiy slovar' [Newest philosophical dictionary]. Ed. by A. A. Gritsanov. Minsk, V. M. Skakun Publ., 1998. 896 p. (In Russ.)

Ogneva E. A. *Kognitivnoe modelirovanie kontseptsfery khudozhestvennogo teksta* [Cognitive modeling of the concept sphere of literary text]. Moscow, Editus Publ., 2013. 282 p. (In Russ.)

Popova L. V. Stanovlenie i razvitie kognitivnoy lingvistiki za rubezhom [Formation and development of cognitive linguistics abroad]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Herald of Chelyabinsk State University. Philology. Art History], 2013, issue 35 (326), pp. 92–95. (In Russ.)

Romanova L. G. Problema peredachi avtorskikh kontseptov originala v perevode kak aspekt obucheniya perevodu khudozhestvennogo teksta [The problem of author's original concepts transfer in translation as an aspect of teaching literary translation of text]. *Integratsiya nauki i praktiki v professional'nom razvitii pedagoga* [Science and Practice Integration in Teacher Professional Development: Proc. all-Russ. sci. conf.]. Orenburg, 2010, pp. 993–997. (In Russ.)

Rudnev V. P. *Teoretiko-lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo diskursa.* Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [Theoretical and linguistic analysis of literary discourse. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1996. 47 p. Available at: <http://www.dissercat.com/content/teoretiko-lingvisticheskii-analiz-khudozhestvennogo-diskursa> (accessed 19.10.2016). (In Russ.)

Serdyuk E. N. K probleme opredeleniya priznakov khudozhestvennogo diskursa [To the problem of determining the signs of the artistic discourse]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Black Sea Region's Nations]. Simferopol, 2012, issue 226, pp. 85–88. Available at: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/56015> (accessed 19.10.2016). (In Russ.)

Tyupa V. I. *Analiz khudozhestvennogo teksta: ucheb. posob. dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy* [The literary text analysis: a textbook for students of philological faculties of higher educational institutions]. Moscow, Academia Publ., 2009. 336 p. (In Russ.)

Shutemova N. V. *Praktikum po perevodu (poeticheskiy perevod)* [Practical guide in translation (poetical translation)]. Perm, Perm State University, 2011. 116 p. (In Russ.)

Campos M. A. *Poesía y traducción* [Poetry and translation]. Centro virtual Cervantes, 2003, pp. 51–60. Available at: http://cvc.cervantes.es/lengua/hieronymus/pdf/03/03_051.pdf (accessed 21.05.2017). (In Span.)

Diccionario General de sinónimos y antónimos. Lengua española [General dictionary of synonyms and antonyms. Spanish language]. Ed. by J. M. Blecua (dir.). Barcelona, Vox Universidad Publ., 1999. 1205 p. (In Span.)

Cervantes Diccionario de la Lengua Española [Cervantes Spanish dictionary]. Ed. by F. A. Francés. Habana, Pueblo y Educación Publ., 1976, vol. 1. 434 p. (In Span.)

Diccionario temático del español [Thematic Spanish Dictionary]. Ed. by Moral Rafael del. Madrid, Verbum Publ., 1998. 576 p. (In Span.)

“THE BEAUTIFUL” AND “THE UGLY” IN THE MIRROR OF COGNITIVE-DISCURSIVE APPROACH TO TRANSLATION

Mariya A. Khrustaleva

Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. cristalik1982@list.ru

SPIN-code: 8455-9771

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0551-4516>

ResearcherID: S-3487-2016

Marina A. Nikitina

Bachelor

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. ishida123@mail.ru

SPIN-code: 3635-4367

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5623-6117>

ResearcherID: S-3509-2016

The article describes the application of the cognitive-discursive approach to translation of literary works demonstrated by the example of the translation of the short story *La noche de los feos* written by Mario Benedetti from Spanish into Russian. As an adequate way of the concept structural organization, the authors of the article consider a frame. The analysis of semantic correlation between the language representants of the concept makes it possible to build a mental scheme of the content-figurative material of the source text.

The article provides definitions for the concepts of BELLEZA (beauty) and FEALDAD (ugliness), which are considered the key concepts of the story and are used by the writer to convey the aesthetic categories of the beautiful and the ugly. The researchers have applied the methods of definition and component analyses of language representants filling the slots of these concepts.

Based on the research results, the authors of the article make a conclusion that the cognitive-discursive analysis, modeling of the sphere of concepts of the text, and the frame analysis of fundamental concepts implied by the author, applied together, can be viewed as an efficient method of solving the problem of text understanding and interpretation. This combination of methods for pre-translation analysis helps a translator to justify the decisions made and to translate a literary text with minimal losses in sense and figurative language used by the author.

Key words: cognitive modeling; representation of the concepts BELLEZA / FEALDAD; aesthetic categories; translation of the concept background; literary discourse; Mario Benedetti.

УДК 81'27(470+571)+510
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-48-59

ВОСПРИЯТИЕ СЛОВА «РОДИНА» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Анастасия Степановна Черноусова

к. филол. н., доцент кафедры филологии

Пермский государственный институт культуры

614000, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 18. nastya-chernous@mail.ru

SPIN-код: 9257-7821

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7853-9493>

ResearcherID: L-4368-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Черноусова А. С. Восприятие слова «Родина» в русской и китайской лингвокультурах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 48–59. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-48-59

Please cite this article in English as:

Chernousova A. S. Vospriyatie slova «Rodina» v russkoy i kitayskoy lingvokul'turakh [The Perception of the Lexeme "Homeland" in the Chinese and Russian Linguistic Cultures]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 48–59. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-48-59 (In Russ.)

В рамках межкультурного сопоставления рассматривается фрагмент национально-культурной языковой картины мира через восприятие слова *Родина*. Данное понятие представляет собой общечеловеческую ценность, являясь важнейшей культурной, ментальной, языковой константой в любом языке.

В статье описаны результаты эксперимента, обращенного к языковому сознанию русских и китайских информантов. Предметом научного интереса служит наивное толкование понятия *Родина* в указанных лингвокультурах. С помощью компонентного анализа выявлены и проанализированы сходные и различающиеся семантические составляющие данного слова. Анализ собранного путем анкетирования 80 информантов (40 русских и 40 китайских) материала подтвердил исходную гипотезу о наличии универсальных семантических компонентов и национально обусловленных.

Наивное толкование дает сложные, а главное – объективные представления, позволяющие делать выводы о реальной действительности. С точки зрения национально-культурной специфики наивная картина мира представляет собой особую «окраску» мира, определяемую национальной значимостью предметов, явлений, процессов, особым отношением к ним, сформированным под влиянием национальной культуры и истории определенного народа.

Распределение толкований информантов в информационной системе «Семограф» по семантическим полям дает возможность анализировать полученные данные с помощью инструментов полевого анализа (создавать семантическую классификацию толкований с многозначными соответствиями полей). Графически эксплицированные поля и связи между ними позволили нам вычлнить в структуре слова *Родина* значимые семантические компоненты для русских информантов и для китайских.

Ключевые слова: национальная специфика; языковая картина мира; языковое сознание; слово *Родина*, наивное толкование; лингвокультура; информационная система «Семограф».

Взаимодействие национальных культур и языков – современная тенденция развития мировой цивилизации. Такие проблемы, как межкультурный и межнациональный диалог; специфика когнитивных моделей, используемых представителями различных наций; реконструкция мен-

тальных структур, определяющих восприятие и осознание одной нации другой; представление национального «себя» и «образа другого»; функционирование в данном контексте разнообразных (социальных, национальных, идеологических и иных) стереотипов, оказываются в центре внима-

ния ряда исследователей-лингвистов (Ю. Д. Апресяна, 1995; Р. А. Будагова, 2004; А. Вежбицкой, 2001; Ю. Н. Караулова, 1987; В. В. Колесова, 2006; В. В. Красных, 2002; И. А. Стернина, 2005 и др.). Определенный интерес представляют проблемы этнокультурного сознания и речевого поведения человека, с особой силой проявляющиеся при межэтническом и межкультурном общении.

Ученые пермской социолингвистической школы не раз обращались к вопросам национально-культурной специфики языковой картины мира; концепта как дискретной единицы коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде; явлений, важных для культуры, духовной жизни какого-либо народа, общества; ценностей как базовых аксиологических единиц (Т. И. Ерофеева, 2009; Е. В. Ерофеева, Е. А. Пепеляева, 2011; Е. В. Ерофеева, Е. С. Худякова, 2012).

Одной из общечеловеческих доминант, обозначающих высшие ценности и принадлежащих к разряду общественных идеалов, является понятие *Родина*. В статье «Слово "Родина": значимостная составляющая лингвоконцепта» С. Г. Воркачев определяет, что «семантическая реалья, имя которой – "Родина", по всем признакам соответствует лингвокультурному концепту: обладает высокой номинативной плотностью, переживается эмоционально при попадании в фокус сознания, и её имя включено в сеть ассоциативных связей, сложившихся в лексической системе языка. Может быть, прежде всего, лингвокультурный концепт "Родина" – сущность идеологическая в том смысле, что в нем отражаются представления общества (или его части) о самом этом обществе и о его идеальном устройстве. Можно сказать также, что этот концепт латентно этнонимичен: в нем в «свернутом» виде присутствуют взгляды этноса на самого себя как на носителя определенной культуры и оценка собственного «национального характера» [Воркачев 2005: 77].

Цель данного исследования – с помощью лингвистических методов «заглянуть» в сознание человека, выявить его представление о структуре слова, обозначающего фрагмент действительности, определить универсальные и национально-специфичные особенности восприятия и концептуализации действительности, обозначаемой словом *Родина*, у русских и китайцев.

Образ Родины, родной земли – один из значимых понятий для любого человека: без родины человек ощущает себя оторванным от народа, от нации. Священный образ Родины формируется в детском возрасте, воспевается в лите-

ратуре, устном народном творчестве, отражается в пословицах и поговорках, крылатых выражениях и мудрых изречениях. Образ Родины занимает в этническом самосознании любого народа особое место.

Предметом научного интереса настоящего исследования явилось наивное толкование слова *Родина* в русской и китайской лингвокультурах.

Материал исследования собирался путем анкетирования: испытуемым необходимо было объяснить значение слова *Родина* (можно написать несколько значений). В эксперименте приняли участие 80 респондентов – 40 русских и 40 китайских. Толкования собирались в городе Перми и городах Китая (Пекин, Тяньцзинь, Ганьсу и в автономном районе Внутренняя Монголия)¹. Информанты были сбалансированы по возрасту (до 25 лет и старше 50) и полу (мужчины и женщины).

Методом сбора материала выступил метод обыденного, или наивного, толкования слов; в лингвистике он является одним из методов исследования понятий и представлений, собственных как отдельным индивидам, так и различным социальным группам. Используется метод как экспериментальный активно и позволяет получать достаточно объективные сведения о составляющих понятиях, активизируя «визуальные, тактильные, слуховые, вкусовые, вербальные и другие возможные характеристики объекта» у испытуемого человека [Пищальникова 1999: 11]. При обработке материала применялся метод компонентного анализа.

Обращаясь к сознанию носителей китайского и русского языков при толковании значения слова *Родина*, мы предполагаем:

- определить смыслы, актуальные для обыденного сознания русских и китайцев;
- сопоставить значение слова, представленное в обыденных толкованиях информантов, со значением слова, зафиксированным в словарях;
- сравнить содержание обыденного толкования в русской и китайской лингвокультурах;
- получить репрезентацию фрагмента национальной картины мира.

Методы обработки материала: компонентный анализ; графосемантический метод, позволяющий обнаружить основные связи между полями и графически эксплицировать результаты анализа; описательный и сопоставительный методы.

Всего было получено 80 контекстов. Контекстом считалось высказывание информанта, состоящее как из одного предложения (*Место, где я родился*), так и из нескольких (*Свой дом, ощущение принадлежности, гордость. Мы можем критиковать Родину, но другие – нет, я – часть родины*).

Проанализировав ответы наших испытуемых и выделив основные семы в их контекстах, распределим высказывания информантов по 12 семантическим полям:

- 1) Государство.
- 2) Кровное родство, семья.
- 3) Культурно-историческое наследие.
- 4) Национальная идентичность, самосознание.
- 5) Общество, люди.
- 6) Патриотизм.
- 7) Политический строй и экономика.
- 8) Природа.
- 9) Свой / Чужой.
- 10) Территория, где родился, вырос и живу.
- 11) То, что вызывает разные чувства и эмоции.
- 12) Язык.

(1) В поле «**Государство**» мы поместили контексты, в которых встречалось название конкретного государства – *Китай / Россия*; характеристики – *Аграрная страна; Густонаселенная страна; У каждого медицинское страхование и пенсионное страхование.*

(2) В поле «**Кровное родство, семья**» – *Отчий дом; Кровный род; Родина как мама; Большая семья; Отечество.*

(3) В поле «**Культурно-историческое наследие**» – *Длинная история; Родина – это родная человеку по культуре страна; Наша страна была захвачена; Пятитысячелетние культура и история; Это место для человека, которое хранит воспоминания прошлого, будущего и настоящего.*

(4) Поле «**Национальная идентичность, самосознание**» составили такие контексты, как *Ощущение принадлежности; Я – часть родины; Мы китайцы всегда вместе; Без нее я не мыслю себя как человек.*

(5) Поле «**Общество, люди**» – *Желтая кожа, черные волосы, черные глаза; Народ; Общество, которое заложило первоначальный характер человека.*

(6) **Патриотизм** – *Нужно быть патриотом, и еще главное нужно ее беречь!; Мы подчеркнем, что мы китайцы, мы гордимся своей страной; Страна, которую готов защищать ценой своей жизни.*

(7) В поле «**Политический строй и экономика**» вошли: *Социалистическое строительство, страна процветает; Мечта китайская; Без Коммунистической партии не будет нового Китая.*

(8) «**Природа**» – *Великолепные горы и реки; Она тебя качала в колыбели в березовых и ивовых ветвях; Парк с березками, по которому гулял с любимой.*

(9) Тематическая группа «**Свой / Чужой**»: *Моя страна; Мы можем критиковать Родину, но другие – нет; Мы китайцы всегда вместе; У нашей родины большая земля, богатые ресурсы, пятитысячелетние культура и история.*

(10) В поле «**Территория, где родился, вырос и живу**» помещены контексты: *Место рождения; Место, где проживаешь, где родился и вырос; Страна, родной край. Место, где был рожден и воспитан человек; Территория (природа, население, быт, нравы), принадлежащая определенному народу.*

(11) Семантическое поле «**То, что вызывает разные чувства и эмоции**» составили контексты типа *Это Отчизна, которую нужно любить и охранять, это наше прошлое и настоящее; Я горячо люблю Китай; Родина – там, где тепло душе!; Мировой Китай, богатый и мощный.*

(12) В последнюю тематическую группу «**Язык**» мы поместили толкования: *У нас общий язык; Китайский язык.*

Один и тот же контекст мог входить в несколько семантических групп. Например, контекст «*Китай, китайский язык, наша культура богатая и великая, национальность, мы китайцы всегда вместе, мы единые и мы свою родину любим*» вошел в 5 полей: «**Государство**», «**Язык**», «**Культурно-историческое наследие**», «**Национальная идентичность**», «**Свой / Чужой**». Контекст «*Это Отчизна, которую нужно любить и охранять, это наше прошлое и настоящее. Нужно быть патриотом, и еще главное нужно ее беречь!*» принадлежит 4 полям: «**Кровное родство, семья**», «**То, что вызывает разные чувства и эмоции**», «**Патриотизм**», «**Свой / Чужой**».

Операция распределения проводилась в многопользовательской информационной системе (ИС) «Семограф» (<http://semograph.com>), созданной как web-приложение и предназначенной для работы с информационными массивами: корпусами и выборками текстов, смысловыми компонентами, частотным словарем, смысловыми полями и др. [Система... 2011]. Указанная система позволяет анализировать данные с помощью инструментов полевого анализа, в результате которого создается семантическая классификация реакций с многозначными соответствиями. Распределение контекстов информантов по семантическим полям позволит нам увидеть связь и степень связи между полями.

Представим результаты полевого анализа графически. На рис. 1 – граф распределения контекстов по семантическим полям у русских информантов; на рис. 2 – у китайских.

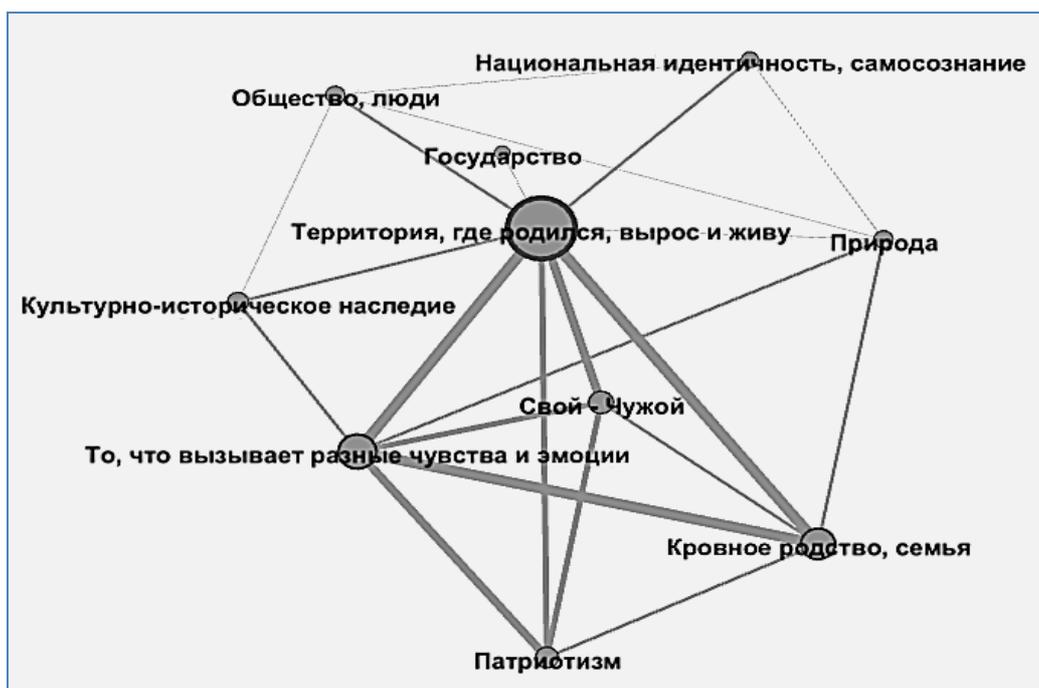

Рис. 1. Распределение семантических полей у русских информантов
 Fig. 1. The distribution of semantic fields (Russian informants)

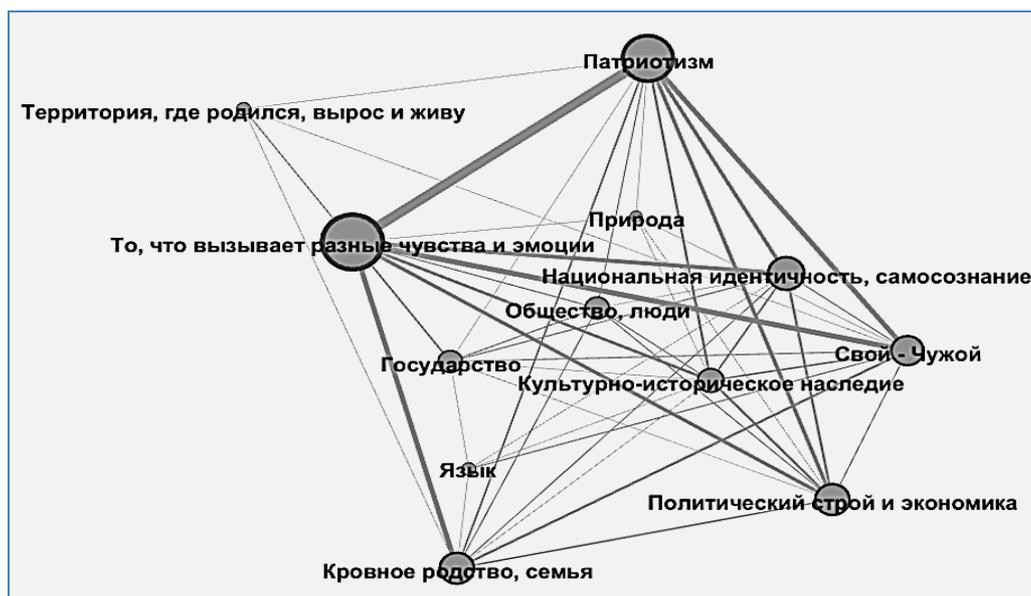

Рис. 2. Распределение семантических полей у китайских информантов
 Fig. 2. The distribution of semantic fields (Chinese informants)

Как видно, ядро слова *Родина* у русских информантов составляют следующие семантические поля: «Территория, где родился, вырос и живу» (1-е место); «То, что вызывает разные чувства и эмоции» (2-е место); «Кровное родство, семья» (3-е место); «Свой / Чужой» (4-е место); «Патриотизм» (5-е место). *Родина* не определяется русскими информантами через поля «Политический строй и экономика» и «Язык». Наиболее ярко выраженными являются связи между первыми семантическими полями, не все поля связаны друг с другом. Например,

поле «Патриотизм» связано с четырьмя полями. Наиболее сильной связью – с полем «То, что вызывает разные чувства и эмоции»; с полями «Свой / Чужой» и «Территория, где родился, вырос и живу» – менее выраженной связью; еще менее выраженной – с полем «Кровное родство, семья».

Ядро слова *Родина* у китайских информантов включает поля: «То, что вызывает разные чувства и эмоции» (1-е место); «Патриотизм» (2-е место); «Национальная идентичность, самосознание» (3-е место); «Политический строй

и экономика» (4-е место); «Кровное родство и семья» (5-е место). Одно толкование вошло в поле «Природа», по два – в «Территория, где родился, вырос и живу» и «Язык». Наиболее сильна связь между полями «Патриотизм» и «То, что вызывает разные чувства и эмоции». Каждое поле имеет множественные связи. Например, поле «Патриотизм», в отличие от поля русских, связано с десятью полями разной степени связи («Территория, где родился, вырос и живу», «То, что вызывает разные чувства и эмоции», «Государство», «Кровное родство и семья», «Общество, люди», «Природа», «Культурно-историческое наследие», «Политический строй, экономика», «Национальная идентичность, самосознание», «Свой / Чужой»).

Сравнение семантических полей, представленных на рисунках, показывает:

1) у китайских информантов все семантические поля наполнены контекстами, в отличие от таковых у русских информантов;

2) у русских информантов не все поля связаны друг с другом, у китайских – видны множественные связи между семантическими группами. Связи между полями в большей степени выражены у русских испытуемых по сравнению с китайскими. Это объясняется тем, что толкование русского информанта вошло в меньшее количество полей, чем китайского. Соответственно, контекст русского испытуемого более «беден» семантически, содержит 1–3 составляющих. У китайцев другая картина: в одном толковании выделяется ряд составляющих, позволяющих распределять контекст в несколько семантических групп.

Представим в сопоставлении распределение контекстов по семантическим полям (табл. 1): есть контексты, вошедшие только в одно поле, есть толкования, распределенные по шести полям.

В табл. 2 представим количество контекстов в зависимости от выделенных полей.

Таблица 1 / Table 1

Распределение контекстов по семантическим полям
The distribution of contexts by semantic fields

Кол-во семантических полей	Кол-во контекстов (%)	
	Россия	Китай
1	17 (42,5)	2 (5,0)
2	14 (35,0)	12 (30,0)
3	6 (15,0)	14 (35,0)
4	3 (7,5)	9 (22,5)
5	–	2 (5,0)
6	–	1 (2,5)

Таблица 2 / Table 2

Количественный состав семантических полей
The quantitative composition of semantic fields

Поле	Кол-во полей	
	Россия	Китай
1. Государство	1	7
2. Кровное родство, семья	11	12
3. Культурно-историческое наследие	4	8
4. Национальная идентичность, самосознание	2	14
5. Общество, люди	3	7
6. Патриотизм	5	20
7. Политический строй и экономика	0	13
8. Природа	3	1
9. Свой / Чужой	6	11
10. Территория, где родился, вырос и живу	29	2
11. То, что вызывает разные чувства и эмоции	13	25
12. Язык	0	2

Жирным шрифтом отмечены три наибольших показателя в столбце, курсивом – три наименьших. Значительная разница в количестве контекстов у русских и китайцев наблюдается по семантическим полям: 1) «**Территория, где родился, вырос и живу**» (29 у русских и 2 у китайцев); 2) «**Патриотизм**» (5 у русских и 20 у

китайцев); 3) «**Национальная идентичность, самосознание**» (2 у русских и 14 у китайцев). Проанализируем контексты информантов по этим семантическим полям.

Представим толкования информантов, вошедшие в поле «**Территория, где родился, вырос и живу**», в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Семантическое поле «Территория, где родился, вырос и живу»
The semantic field "The territory where I was born, grew up and live"

Информанты	Толкования
Россия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Территория, на которой человек родился (в смысле «малая родина»). В более широком смысле Родина – это родная человеку по культуре страна. 2. Место, где ты родился. Отчий дом. 3. Это то место, где я родилась. Мой дом. Моя страна. 4. Страна, в которой человек родился. 5. Место, где ты родился и вырос, более широкое понятие – страна. 6. Страна, где живешь. Точнее – город и район. 7. Место, где проживаешь, где родился и вырос. 8. Государство, в котором живу. 9. Страна, где родился и живешь. Место происхождения чего-либо. 10. Место, где ты родился. 11. Место, в котором человек чувствует себя дома, там, где он родился. 12. То место, где родился и вырос человек. 13. Это место для человека, которое хранит воспоминания прошлого, будущего и настоящего. Родина – это самое главное место в жизни человека. Это место, где он родился. 14. По сути, место, где ты родился, и есть твоя родина. 15. Моя земля, где я живу. Основа жизни. То, что я защищал, когда служил пограничником. 16. Россия, где родился и вырос. 17. Страна, в которой человек родился и вырос. 18. Моя страна начинается с малой родины, где я родился, вырос и получил гуманитарное высшее образование. 19. Страна, в которой ты родился. Местность, где ты родился и вырос (малая родина). 20. Где я родился, страна, в которой я живу. 21. Место, где ты родился, вырос, где тебе привили любовь к семье, учебе и окружающему миру. Место, где ты чувствуешь себя свободно, знаешь, что тут тебя поддержат и поймут. 22. Страна, в которой родился и вырос человек. 23. Страна, в которой я родилась. Без нее я не мыслю себя как человек. 24. Место рождения человека. 25. Страна, город, место, где ты родился и живешь. 26. Место рождения. Место появления. Синоним Отечество, родная страна, в которой человек родился и гражданином которой он является. 27. Территория (природа, население, быт, нравы), принадлежащая определенному народу. 28. Место рождения. Родина – это не только страна или город, но и люди, которые тебя окружают, родные и близкие. 29. Страна, родной край. Место, где был рожден и воспитан человек.
Китай	<ol style="list-style-type: none"> 1. Место, где ты родился. Родина обеспечивает нашу жизнь, образованием и безопасностью. И мы здесь работаем, живем, гордимся ей. 2. Мы здесь родились, Китай великий и светский, родина как своя мама.

Анализ контекстов данного поля позволяет нам сделать вывод о том, что обыденное толкование слова «Родина» у русских информантов близко к словарной дефиниции. В Большом толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова дается следующее определение:

РОДИНА, -ы; ж. 1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отече-

ство. Наша р. Россия. Р. Пушкина, Толстого. Любовь к родине. Защита родины. Измена родине. Тоска по родине. Жить вдали от родины. Трудиться на благо родины. Вернуться на родину. / О месте, где человек родился, где живут его родные и близкие. Малая р. Поехать к себе на родину в Красноярский край. 2. Место происхождения кого-, чего-л., возникновения чего-л.

Индия – родина шахмат. СССР – родина космонавтики [Большой толковый словарь].

Мы считаем, что такие толкования, как *Место рождения; Место, где ты родился*, не содержат яркой эмоциональной оценки, в отличие от *Моя земля, где я живу. Основа жизни. То, что я защищал, когда служил пограничником*. Соответственно, 13 контекстов русских информантов из 19 мы определяем как безэмоциональные.

В Китайском толковом словаре СиньХуа дается следующее определение: РОДИНА, 1. Это родная страна (zǐguó). Например: любовь к родине; 2. Место рождения и место происхождения, возникновения (gùxiāng, jiāxiāng, dànnshēngdì, yuánchāndì). Например: провести каникулы на

родине; родина картофеля – Америка) [Большой словарь Синьхуа].

Определения, представленные в обоих словарях, содержат по два значения. По первому значению мы видим разницу: в китайском словаре дается более эмоционально окрашенное определение, чем в русском (*родная страна*). У китайских информантов помимо семантической составляющей *Место рождения* присутствует всегда отношение (чаще восхищения, гордости за свою страну), поэтому и значительным в количественном отношении является семантическое поле «**То, что вызывает разные чувства и эмоции**».

В табл. 4 представим контексты информантов по полю «**Патриотизм**».

Таблица 4 / Table 4

**Семантическое поле «Патриотизм»
The semantic field “Patriotism”**

Информанты	Толкования
Россия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Это Отчизна, которую нужно любить и охранять, это наше прошлое и настоящее. Нужно быть патриотом, и еще главное нужно ее беречь! 2. Моя земля, где я живу. Основа жизни. То, что я защищал, когда служил пограничником. 3. Место, где ты родился, вырос, где тебе привили любовь к семье, учебе и окружающему миру. Место, где ты чувствуешь себя свободно, знаешь, что тут тебя поддержат и поймут. 4. Страна, которую готов защищать ценой своей жизни. 5. Место, где человек ощущает дом, комфорт, уют, защищенность.
Китай	<ol style="list-style-type: none"> 1. Социалистическое строительство, страна процветает. 2. Своя родина, обычно нет особенного ощущения, только концепт, только тогда, когда речь идет о всех странах, о национальной гордости, мы подчеркнем, что мы китайцы, мы гордимся своей страной. 3. Страна, великий и мощный Китай, наш корень. 4. Страна процветает и развивается. 5. У нашей родины большая земля, богатые ресурсы, пятитысячелетние культура и история, великолепные горы и реки (*территория родной страны, родина), теперь наша страна мощная. Мы будем продолжать упорно работать. 6. Как своя мама, вера в страну, родство и кровный род, своя страна. 7. Китай, великий Китай, мы Китай любим, своя страна. 8. Мощь, горячо любим её, единство, самоотверженность. 9. Ощущение принадлежности, гордость, толерантность. 10. Строительство государства, наша страна была захвачена, великий лидер, богатое культурное наследие. 11. Горячо любим (патриотизм), ответственность, чувство, семья и родина, великий Китай. 12. Народ. Защищать родину, правительство. 13. Патриотизм, стабильность, гармония, единство, Красная Армия. 14. Великий Китай. Патриотизм, вклад. 15. Единство, дружелюбно, мировой Китай, богатый и мощный. 16. Китай – наша родина, великая социалистическое государство, пятитысячелетние культура и история, спокойно жить и быть довольным своей работой. Без Коммунистической партии не будет нового Китая. 17. Место, где ты родился. Родина обеспечивает нашу жизнь, образованием и безопасностью. И мы здесь работаем, живем, гордимся ей. 18. Свой дом, ощущение принадлежности, гордость, мы можем критиковать Родину, но другие – нет, я – часть родины. 19. Патриотизм, достоинство, престиж, авторитет, нормы (принцип) сыновней почтительности. 20. Мы ее любим, ощущение принадлежности. Чувство безопасности, ответственность.

Патриотизм у русских информантов в отношении Родины проявляется в необходимости ее любить, охранять, беречь. Родина – это то, что нуждается в защите, причем в защите любой ценой. У китайцев, помимо любви, процветания, национальной гордости, богатых ресурсов, величия и мощи, достоинства, богатого культурного наследия, прослеживается отличное от русских толкование: Родина – это то, что защищает человека (*Родина обеспечивает нашу жизнь, образованием и безопасностью; Чувство безопасности*).

Предполагаем, что это объясняется историческими факторами: издревле русские защищали Родину, что, кстати сказать, отражается в языке в

виде устойчивых фраз, типа *Стоять на страже Родины, Есть такая профессия – Родину защищать, Родина вас не забудет, Они сражались за Родину, Я научу вас Родину любить!, Родина-мать зовёт!* и пр.

В китайской же культуре существует идея Великой Китайской стены, которая в военном применении не всегда оказывалась удачной, но превратилась в символ стойкости и созидательной мощи народа. И, возможно, отсюда у китайцев возникает и остается навсегда чувство защищенности, которое дарит Родина.

Контексты информантов по полю «**Национальная идентичность, самосознание**» представлены в табл. 5.

Таблица 5 / Table 5

Семантическое поле «Национальная идентичность, самосознание»
The semantic field "National identity, self-consciousness"

Информанты	Толкования
Россия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Страна, в которой я родилась. Без нее я не мыслю себя как человек. 2. Территория (природа, население, быт, нравы), принадлежащая определенному народу.
Китай	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ощущение принадлежности, культура, подданство, география, история. 2. Великий Китай, богатство и могущество, демократический, свободный, ощущение принадлежности. 3. Большая семья. Национальный образ, правительство. 4. Реформа и открытие, развитие экономики, нация. 5. Мощь, горячо любим её, единство, самоотверженность. 6. Ощущение принадлежности, гордость, толерантность. 7. Семья, нация, развитие, экономика. 8. Патриотизм, стабильность, гармония, единство, Красная Армия. 9. Государство и нация. 10. Мы ее любим, ощущение принадлежности. Чувство безопасности, ответственность. 11. Единство, дружественно, мировой Китай, богатый и мощный. 12. Свой дом, ощущение принадлежности, гордость, мы можем критиковать Родину, но другие – нет, я – часть родины. 13. Ощущение принадлежности, она связана с политикой, развитие экономики. 14. Китай, китайский язык, длинная история, наша культура богатая и великая, национальность, мы китайцы всегда вместе, мы единые и мы свою родину любим.

Русские идентифицируют себя через такие контексты: *Без нее я не мыслю себя как человек и Территория (природа, население, быт, нравы), принадлежащая определенному народу*.

Китайцы же отмечают, что они – большая семья, ощущают принадлежность, единство, стабильность, гармонию; подчеркивают, что китайцы всегда вместе, они едины и они свою родину любят; что они могут критиковать Родину, но другие – нет, они – часть родины.

Анализ контекстов трех семантических полей позволяет нам сделать вывод о том, что русские определяют Родину более типично (через семантическую составляющую *Место рождения*) и менее эмоционально (по количеству эмоционально окрашенных толкований), чем китайцы,

которые дают более разнообразные и эмоциональные толкования.

В связи с обозначенным выводом представляется интересным обратиться к контекстам, которые составили поле «**То, что вызывает разные чувства и эмоции**». Представим их в табл. 6.

Из 80 толкований нам встретился контекст, отрицательно определяющий слово Родина (*По поводу Родины: мне глубоко наплевать на свою страну. Мне более интересны свои интересы и мои проблемы. Как сказал Салтыков-Щедрин: «В России умеют делать две вещи: пить и воровать»*). Я вот так вижу свою Родину). Это толкование принадлежит информанту-мужчине до 25 лет из России. У китайских информантов подобных толкований не встречается.

**Семантическое поле «То, что вызывает разные чувства и эмоции»
The semantic field “What causes different feelings and emotions”**

Информанты	Толкования
Россия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Это Отчизна, которую нужно любить и охранять, это наше прошлое и настоящее. Нужно быть патриотом, и еще главное нужно ее беречь! 2. По поводу Родины: мне глубоко наплевать на свою страну. Мне более интересны свои интересы и мои проблемы. Как сказал Салтыков-Щедрин: «В России умеют делать две вещи: пить и воровать». Я вот так вижу свою Родину. 3. Место, в котором человек чувствует себя дома, там, где он родился. 4. Там, где тебе хорошо жить, где тебя любят и ждут. 5. Это место для человека, которое хранит воспоминания прошлого, будущего и настоящего. Родина – это самое главное место в жизни человека. Это место, где он родился. 6. Нет ничего более святого, чем слово «Родина». Оно созвучно со словом «Мать». Она тебя качала в колыбели в березовых и ивовых ветвях. Она тебя качала, и шептали ели о чуде и богатырях. Она качала, когда ты криком оглашал поля. И ласточки о Родине шептали, и соловей щебечет в тополях. 7. Родина – там, где тепло душе! Родительский дом и школа. Бабушкины пироги и бантики одноклассниц. Парк с березками, по которому гулял с любимой, и потом катал коляску с детьми, и даже с внуками! 8. Страна, в которой ты родился. Местность, где ты родился и вырос (малая родина). 9. Место, где ты родился, вырос, где тебе привили любовь к семье, учебе и окружающему миру. Место, где ты чувствуешь себя свободно, знаешь, что тут тебя поддержат и поймут. 10. Это место, куда хочется вернуться на чужой земле. Это родная земля, село, город. В большом, обширном смысле – это страна, в которой родился. 11. Место, где человек ощущает дом, комфорт, уют, защищенность. 12. Это то место, где живут твои родные, где ты родился и где находится твое сердце. 13. Страна, которую готов защищать ценой своей жизни.
Китай	<ol style="list-style-type: none"> 1. Великий Китай, богатство и могущество, демократический, свободный, ощущение принадлежности. 2. Своя родина, обычно нет особенного ощущения, только концепт, только тогда, когда речь идет обо всех странах, о национальной гордости, мы подчеркнем, что мы китайцы, мы гордимся своей страной. 3. Страна, великий и мощный Китай, наш корень. 4. Мы здесь родились, Китай великий и светский, родина как своя мама. 5. У нашей родины большая земля, богатые ресурсы, пятитысячелетние культура и история, великолепные горы и реки (*территория родной страны, родина), теперь наша страна мощная. Мы будем продолжать упорно работать. 6. Я горячо люблю Китай. 7. Как своя мама, вера в страну, родство и кровный род, своя страна. 8. Китай, великий Китай, мы Китай любим, своя страна. 9. Мощност, горячо любим её, единство, самоотверженность. 10. Ощущение принадлежности, гордость, толерантность. 11. Свой дом, семья, мечта китайская. 12. Горячо любим (патриотизм), ответственность, чувство, семья и родина, великий Китай. 13. Пеленать, великий Китай, мама. 14. Патриотизм, стабильность, гармония, единство, Красная Армия. 15. Китай, петух, Председатель Мао. 16. Великий Китай. Патриотизм, вклад. 17. Великий Китай, страна расцветает и развивается, богатый, самообеспеченность, культура, мама, счастье, изобретение, мудрость, возрождение, прогресс. 18. Единство, дружелюбно, мировой Китай, богатый и мощный. 19. Китай – наша родина, великая социалистическое государство, пятитысячелетние культура и история, спокойно жить и быть довольным своей работой. Без коммунистической партии не будет нового Китая. 20. Место, где ты родился. Родина обеспечивает нашу жизнь, образованием и безопасностью. И мы здесь работаем, живем, гордимся ей. 21. Свой дом, ощущение принадлежности, гордость, мы можем критиковать Родину, но другие – нет, я – часть родины. 22. Родина – как семья, наша большая народная семья. Родина как своя мама, родина – наша поддержка с тыла, наша опора. 23. Великий Китай, длинная история, китайский народ. 24. Патриотизм, достоинство, престиж, авторитет, нормы (принцип) сыновней почтительности. 25. Мы ее любим, ощущение принадлежности. Чувство безопасности, ответственность.

Несмотря на то что мы отмечаем меньшее количество эмоционально-оценочных толкований у русских, тем не менее, мы видим большее количество чувств, эмоций и ассоциаций, которые возникают при толковании слова: это и любовь, и ощущение дома, и бережное отношение к Родине, и забота, и отношение к прошлому, настоящему и будущему, и святость, и созвучие со словом *Мать*, и любовь к природе, родным и близким, и комфорт, и уют, и самопожертвование, и свобода.

У китайцев при слове *Родина* возникают чувства, одинаковые для большинства: ощущение богатства и могущества, единства, любви, гордости, защищенности, безопасности, семьи.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Слово *Родина* в любом социуме относится к числу «вечных ценностей». Родина представляет собой одну из важнейших культурных, ментальных, языковых констант, составляющих национальную картину мира у русских и китайцев.

2. *Родина* обладает высокой номинативной плотностью, причем и у русских, и у китайских информантов. Когнитивная система каждого человека содержит как личностную, так и полученную на базе социального существования индивидуальную информацию. И та и другая информация проявилась при толковании слова.

3. Слово *Родина* при попадании в фокус сознания информантов переживается эмоционально, при его толковании возникает сеть ассоциативных связей опять же как типичного характера, так и индивидуального. При этом отражается общая иерархия семантических компонентов, предпочтительных для русского человека и для китайца.

4. При сравнении восприятия слова *Родина* русскими и китайскими информантами было обнаружено:

а) в толкованиях китайцев встречаются символы (*Петух, Китайская стена, озеро и гора*, причем это не природные реалии, а именно символы, истоки которых необходимо искать в многовековой культуре китайской цивилизации); конкретные имена (*Мао*). В толкованиях русских (в отличие от первоначальной гипотезы) нет названий конкретных мест и имен (к примеру, Пушкин или Путин);

б) русские представили более типичные толкования, чем китайцы; большинство их толкований (42,5 %) составили одно семантическое поле. В два поля вошло 35 %, в три – 15 % контекстов. У китайских информантов в одно поле вошло лишь 5 % толкований, в два – 30 %, в три поля – 35 %;

в) для русских информантов актуальна семантическая составляющая, близкая к словарной дефиниции (*Место рождения*), в отличие от китайцев, которые при слове Родина испытывают различные чувства (чаще гордости за страну). Мы это объясняем идеей сплоченности, единства китайского народа, которая навязывается и СМИ, и телевидением. Китайского гражданина, не знающего истории своей страны, культуры, не уважают и не принимают в обществе. В русском же обществе патриотизм сегодня является недостаточно используемым ресурсом социально-экономической и политической стабилизации; воспитание патриотических чувств осуществляется не системно; ощущается оторванность народа от представителей власти и отсутствие единой и реализуемой концепции патриотического воспитания подрастающего поколения. Именно поэтому у русских преобладающим явилось толкование *Родина – это место рождения*, близкое к словарной дефиниции, а у китайцев – *Родина – это то, что связано с чувствами (гордости, сплоченности)*;

г) для русских информантов *Родина* – это то, что необходимо защищать, для китайцев, наоборот, – Родина защищает. Как нам кажется, это то слово, при восприятии которого у людей актуализируются определенные ценности и предпочтения; формируется иерархия слагаемых элементов, составляющих представление общества о самом себе. С учетом этого исследование, которое было задумано нами как собственно лингвистическое (изучение языкового сознания и фрагмента национальной картины мира), дает основания для более глубоких выводов, если иметь в виду общую ситуацию в обществе.

Межъязыковое и межкультурное сопоставление содержания значимых понятий способствует выявлению национальных и интернациональных компонентов в языковом сознании носителей различных языков. В нашем исследовании нашли отражение как общие компоненты понятия *Родина* у русских и китайцев (по-видимому, в силу универсальности способов познания окружающего мира), так и национально-специфические.

Перспективу исследования мы видим в дальнейшей социолингвистической интерпретации экспериментальных данных (сравнение толкований по гендерному и возрастному факторам), которые могут оказаться не менее интересными.

Примечание

¹ Автор благодарит Ли Вэньсюя, студента магистратуры ПГНИУ специальности «Филология» направления «Социолингвистика и межкультурная коммуникация», за помощь в сборе материала у китайских информантов.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки рус. культуры, 1995. 472 с.

Большой словарь Синьхуа / ред. кол. «Большой словарь Синьхуа». Испр. изд. Пекин: Коммерч. изд-во, 2011. 1200 с. (на китай. яз.) 新华大字典 / 《新华大字典》编委会编. – 修订本. – 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2011年8月, 1200页.

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://enc-dic.com/kuzhecov/Rodina-42690> (дата обращения: 10.04.2017).

Будагов Р. А. История слов в истории общества. М.: Изд-во Добросвет, 2000. 2004. 256 с.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелёва. М.: Языки слав. культуры, 2001. 288 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).

Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005. № 4. С. 76–83.

Ерофеева Е. В., Худякова Е. С. Психолингвистическое исследование ценностных установок билингвов (на материале тематической группы «Человек») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2(18). С. 7–16.

Ерофеева Е. В., Пепеляева Е. А. Структура семантического поля «Человек» в сознании носителей русского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 1(13). С. 7–19.

Ерофеева Т. И. Концепт «Пермь» по данным свободного ассоциативного эксперимента // Лингвистические чтения-2009: материалы науч.-практ. конф. Цикл 5. Пермь: ПСИ, 2009. С. 4–8.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.

Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.

Пищальникова В. А. Психопоэтика. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 1999. 175 с.

Русская языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки слав. культуры, 2006. 912 с.

Система графосемантического моделирования / Д. А. Баранов, К. И. Белоусов, И. В. Влацкая, Н. Л. Зелянская: св. о государственной регистрации в Федеральной службе по интеллекту-

альной собственности, патентам и товарным знакам. Зарегистр. в Реестре программ для ЭВМ № 20111617192 от 15.09.2011.

Стернин И. А. Из наблюдений над различиями русского и китайского коммуникативного поведения // Дальневосточный вестник высшего образования. 2005. Т. 6, № 3. С. 35–58.

References

Apresyan Yu. D. *Izbrannyye trudy. T. I. Leksicheskaya semantika* [Selected works. Vol. 1. Lexical semantics]. 2nd edition, revised and updated. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1995. 472 p. (In Russ.)

Bol'shoy slovar' Sin'khua [Xinhua Dictionary]. Beijing, Commercial Press, 2011. 1200 p. (In Chin.)

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [The large explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. Available at: <http://enc-dic.com/kuzhecov/Rodina-42690> (accessed 10.04.2017). (In Russ.)

Budagov R. A. *Istoriya slov v istorii obshchestva* [The history of words in the history of society]. Moscow, Dobrosvet-2000 Publ., 2004. 256 p. (In Russ.)

Vezhbitskaya A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through key words]. Transl. by A. D. Shmeleva. Moscow, LRC Publishing House, 2001. 288 p. (In Russ.)

Vorkachev S. G. *Lingvokontseptologiya i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: istoki i tseli* [Linguoconceptology and cross-cultural communication: sources and purposes]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2005, issue 4, pp. 76–83. (In Russ.)

Erofeeva E. V., Khudyakova E. S. *Psikholingvisticheskoe issledovanie tsennostnykh ustanovok bilingvov (na materiale tematicheskoy gruppy «Chelovek»)* [The Psycholinguistic research of the bilingual's system of values (on the data of the thematic group “Human”)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2012, issue 2(18), pp. 7–16. (In Russ.)

Erofeeva E. V., Pepelyaeva E. A. *Struktura semanticheskogo polya «Chelovek» v soznanii nositeley russkogo yazyka* [Structure of the semantic field “Human” in the mental lexicon of Russian native speakers]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2011, issue 1(13), pp. 7–19. (In Russ.)

Erofeeva T. I. *Kontsept «Perm'» po dannym svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta* [The concept “Perm” according to the free associative experiment]. *Lingvisticheskie chteniya 2009: Materialy nauch.-prakt. konf. Tsikl 5* [Linguistic reading 2009: Proc. of

Sci. and Pract. Conf. Cycle 5]. Perm, Prikamye Social Institute Press, 2009, pp. 4–8. (In Russ.)

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 263 p. (In Russ.)

Kolesov V. V. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste: monografiya* [The Russian mentality in the language and text: monography]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2006. 624 p. (In Russ.)

Krasnykh V. V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics]. Moscow, ITDGK «Gnozis» Publ., 2002. 284 p. (In Russ.)

Pishchal'nikova V. A. *Psikhopoetika: monografiya* [Psychopoetics: monograph]. Barnaul, Altai State University Press, 1999. 175 p. (In Russ.)

Russkaya yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya [Russian language picture of the

world and system lexicography] / V. Yu. Apresyan, Yu. D. Apresyan, E. Babaeva, O. Yu. Boguslavskaya, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, A. V. Sannikov, E. V. Uryson. Ed. by Yu. D. Apresyan. Moscow, LRC Publishing House, 2006. 912 p. (In Russ.)

Sistema grafosemanticheskogo modelirovaniya [System of graphosemantic modeling] / D. A. Baranov, K. I. Belousov, I. V. Vlackaya, N. L. Zelyanskaya: Registration Certificate of the Federal Service for Intellectual Property, Patents and Trademarks No. 20111617192 from 15.09.2011. (In Russ.)

Sternin I. A. Iz nablyudeniy nad razlichiyami russkogo i kitayskogo kommunikativnogo povedeniya [Based on observations on the differences of Russian and Chinese communicative behavior]. *Dal'nevostochnyy vestnik vysshego obrazovaniya* [Far East Herald of the Higher Education], 2005, vol. 6, issue 3, pp. 35–58. (In Russ.)

THE PERCEPTION OF THE LEXEME "HOMELAND" IN THE CHINESE AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES

Anastasiia S. Chernousova

Associate Professor in the Department of Philology

Perm State Institute of Culture

18, Gazety Zvezda st., Perm, 614000, Russian Federation. nastya-chernous@mail.ru

SPIN-code: 9257-7821

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7853-9493>

ResearcherID: L-4368-2017

The article considers a fragment of the national-cultural linguistic worldview through the perception of the word *Homeland* in the framework of the intercultural comparison. This concept of the universal value is an important cultural, mental and linguistic constant in all languages.

The article describes the results of the experiment concerning the linguistic consciousness of Russian and Chinese informants. The subject of our scientific interest is the naive interpretation of the concept of *Homeland* in these cultures. With the use of the component analysis, similar and different semantic components of the word are identified and analyzed. The data, collected by means of a questionnaire survey among 80 informants (40 Russian and 40 Chinese), confirmed the original hypothesis about the universal and nationally specific components of the word.

The naive interpretation gives the composite and, most importantly, objective information, which allows us to draw conclusions about the reality. In the aspect of the national cultural specificity, the naive worldview is a special "coloring" of the world, determined by the national significance of objects, phenomena, processes and special attitudes formed under the influence of the national culture and the history of the people.

The distribution of the informants' interpretations in the information system "Semograf" on the semantic fields gave the opportunity to analyze the data using the tools of field analysis (to create a semantic classification of interpretations with multivalued mappings between fields). Graphically explicit fields and relationships between them allowed us to identify significant semantic components for Russian and Chinese speakers in the structure of the word *Homeland*.

Key words: national identity; linguistic worldview; language consciousness; lexeme *Homeland*; naive interpretation; linguistic culture; information system "Semograf".

УДК 81'38: 34
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-60-68

КАТЕГОРИЯ ТОНАЛЬНОСТИ В ДИРЕКТИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Мария Андреевна Ширинкина

к. филол. н., доцент кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. m555a@yandex.ru

SPIN-код: 2096-0890

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6951-0653>

ResearcherID: G-9997-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ширинкина М. А. Категория тональности в директивных документах исполнительной власти // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 60–68. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-60-68

Please cite this article in English as:

Shirinkina M. A. Kategoriya tonal'nosti v direktivnykh dokumentakh ispolnitel'noy vlasti [The Category of Tonality in Directive Documents of the Executive Branch]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 60–68. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-60-68 (In Russ.)

Представлен лингвотекстовый анализ тональности директивных документов исполнительной власти. Тональность понимается как полевая текстовая категория, отражающая эмоционально-волевою установку автора текста, его позицию по отношению к предмету речи, адресату и ситуации общения и включающая субполя эмоциональности, интенсивности и волеизъявления. Установлены системные отношения последних: доминирование субполя волеизъявления и стертый характер субполя эмотивности. Эмотивная тональность директивного документа усматривается только в официальности текста, достигаемой канцеляризмами, официонимами и другими средствами книжности языковых единиц. Субполе интенсивности носит суперсегментный характер по отношению к субполю волеизъявления. Семантика интенсивности в директивных документах трансформируется в область категоричности волеизъявления и градуируется по степени категоричности.

Определены типовые разновидности тональности директивных документов исполнительной власти: микросубполя обязывания и констатации / установления. Описаны лексические, морфологические, синтаксические особенности их речевой реализации, выявлена взаимозависимость данных полей: при усилении степени категоричности предписания микросубполе констатации / установления становится менее выраженным, а при усилении семантики констатации снижается степень категоричности выраженных в тексте предписаний. На материале указов, приказов, постановлений, решений, распоряжений, директив отслежены жанровые композиционно-речевые модели реализации тональности.

Ключевые слова: официально-деловой стиль; дискурс исполнительной власти; директивные документы; тональность; волеизъявление; функционально-семантическое поле.

Язык в процессе общения не только выражает мысли, но и передает эмоции, чувства, волеизъявления людей. При этом в каждой области бытия, обусловленной особенностями соответствующего ей вида деятельности, складывается собственная типичная комбинация объективно-логических и субъективно-модальных компонентов содержания. Для правовых отношений характерно выдвигание на первый план категории

воли, правовые отношения можно в целом охарактеризовать как волевые [Кожина 1968: 165], основную функцию деловых текстов видеть в регулировании общественных отношений, правовое воздействие на адресата понимать в качестве волеизъявления.

В правоведении воля признается основным элементом права, которое понимается как «воля господствующего класса, санкционированная

государством и возведенная в закон» [Серцова, Пичугин 1960: 78]. Выражение воли в праве основано на статусно-ролевых отношениях между участниками общения и связанных с этим правомочиях каждого.

Сферу правовых отношений обслуживает официально-деловой функциональный стиль (ОДС), который, как и любой другой, представлен целостной системой жанров. Общий предписующе-долженствующий тон речи, присущий ОДС в целом, особым образом проявляется в каждом конкретном жанре. Учитывая сказанное, чрезвычайно важным представляется описать варианты репрезентации императивной тональности в жанровых типах ОДС.

Жанровый массив деловых текстов может быть классифицирован на разных основаниях: 1) по любому стилеобразующему признаку (например, по доминирующей функции текста внутри ОДС выделяются предписывающие, ходатайствующие и осведомляющие жанры [Дускаева, Протопопова 2012], по типу институционального субъекта – жанры законодательной власти, исполнительной власти и местного самоуправления [Киреева 2016]) или 2) по группе признаков (Матвеева 1994, Анисимова 2000, Lee 2001). Материалом нашего исследования являются жанры одной из дискурсивных разновидностей ОДС – дискурса исполнительной власти (обоснование понятия см.: [Ширинкина 2017]). Наш подход заключается в том, что за основу классификации берется комплекс вторичных – жанровых, ситуативных – внелингвистических факторов: статусно-ролевые характеристики адресанта и адресата, форма речи, характер общения, тип содержания, среди которых, безусловно, главным следует признать интенциональную направленность. Материал показывает, что для реализации функции государственного управления в органах исполнительной власти используется значительный по объему класс предписательных текстов, который включает два подкласса: директивные и регламентирующие документы.

Целью нашей статьи является описание специфики выражения категории тональности в директивных жанрах, в число которых входят указ, приказ, постановление, решение, распоряжение и директива.

В лингвистике тональность соотносят с категорией модальности, а именно с конкретным ее видом – субъективной модальностью. Ш. Балли называет модальность «душой предложения» и считает основным средством ее выражения модальный глагол, который «может содержать самые различные оттенки суждения, чувства или воли» [Балли 1955: 44], F. Palmer (2001) представляет типологическое описание модальности,

G. D'Acquisto выявляет особенности выражения разных видов модальности в дипломатическом дискурсе (2017). В зарубежной лингвистике понятие тональности встречается лишь в отдельных исследованиях: М. Halliday говорит о функциональных разновидностях языка – регистрах общения, каждый из которых употребляется в определенном поле, или сфере деятельности, и характеризуется тональностью, отражающей настроение, модальность, интенсивность, оценку говорящих в зависимости от их социальных ролей [Halliday 1978: 144].

В российской лингвистической науке тональность нередко становится предметом специальных исследований. Т. О. Багдасарян считает тональность компонентом модальности и выделяет 36 «чистых» видов тональности, указывая на то, что описать все оттеночные значения невозможно [Багдасарян 2000: 10–11]. В. И. Карасик выдвигает тональность в качестве одного из критериев классификации дискурса и истолковывает ее как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения», справедливо замечая, что система тональностей весьма вариативна и соотносится с типами дискурса [Карасик 2009: 304]. Встречено также ряд исследований, посвященных рассмотрению тональности в разных сферах коммуникации: в научном стиле – Л. М. Лапп (1989), в разных функциональных стилях – Т. В. Матвеева (1990), в деловых текстах – Н. В. Орлова (2014), Л. Р. Дускаева, О. В. Протопопова (2015).

В данном исследовании тональность понимается нами вслед за Т. В. Матвеевой как функционально-семантическая текстовая категория, отражающая эмоционально-волевою установку автора текста, его позицию по отношению к предмету речи, адресату и ситуации общения и включающая семантические субполя эмоциональности, интенсивности и волеизъявления. В структурном отношении тональность является полевой категорией [Матвеева 1990: 27]. Анализ документов исполнительной власти в аспекте текстовых категорий, к числу которых относится тональность, даст возможность построить целостную жанровую систему, посредством которой реализуется государственное управление и осуществляется коммуникация органов исполнительной власти с обществом.

Обратимся к группе директивных жанров. Общий характер тональности обусловлен экстралингвистическими особенностями данной группы документов: функцией государственного управления, особым – деонтическим – типом мышления, специфическими задачами выраже-

ния коллективной воли и ее законодательного закрепления в форме правовых актов, а также наличием отношений субординации между коммуникантами. За счет этого формируется генеральная тональность директивных документов, базирующаяся на доминировании предписательной тональности.

Жанровые заголовки директивных документов обладают максимальной проспективной силой. Они задают общую тональность всего озаглавленного текста. Учитывая значимость жанрообозначений в рамках ОДС, на основе метода ступенчатой идентификации лексического значения [Кузнецова 1969] опишем сходство и различие лексических значений лексем – жанровых наименований директивных документов.

Большинство жанровых номинаций директивного подкласса (указ, приказ, постановление, решение, распоряжение, директива) имеют в составе лексического значения сему процессуальности, т. е. отсылают к действию (*указать, приказать, постановить, решить, распорядиться*). Представим значение лексем – жанрообозначений – в виде комбинации сем: 1) указание, распоряжение (сема процессуальности; обозначает вид речевой деятельности); 2) исходящее от представителей власти (сема официальности); 3) обязательное для исполнения; 4) содержащее правила поведения, выполнения действий; 5) ориентированное на адресата.

Лексемы *распоряжение* и *директива* могут иметь более широкое значение, чем остальные. Так, в «Толковом словаре...» лексические значения этих слов интерпретируются путём перечисления объектов, которые именуются данными словами: *распоряжение* – приказ, постановление; *директива* – руководящее указание; распоряжение, приказ [ТС: 811, 199]. Словарный конкретизатор *руководящее* выражает дополнительный семантический признак: директива всегда исходит от вышестоящего субъекта, что и отражено в корне данного слова. Обобщенность семантики позволила документоведом использовать лексемы *распоряжение* и *директива* для номинирования целой группы деловых бумаг (распорядительные, или директивные документы).

Обобщая данные словарного обследования жанрообозначений, приходим к следующим выводам: 1) ведущей коммуникативной интенцией директивных документов исполнительной власти является волеизъявление; 2) автором этих текстов может быть отдельное должностное лицо или орган исполнительной власти в целом; автор находится по отношению к адресату в вышестоящей позиции и имеет полномочия предписывать ему определенный тип поведения; 3) адресат директивных жанров – массовый или индивидуаль-

ный, выступающий в правовой сфере субъектом правовых отношений, – на статусно-ролевой лестнице находится ниже автора и потому обязан следовать закрепленным в документе предписаниям; 4) содержанием директивных документов является требование, волеизъявление властного органа (автора текста) о правилах поведения адресата.

С учетом доминантной коммуникативной интенции деловых текстов представим характеристику субполей тональности директивных жанров дискурса исполнительной власти начиная с волеизъявления как наиболее значимого компонента данной категории.

В целом в деловых текстах субполе (СП) *волеизъявления* может быть представлено четырьмя микросубполями (микроСП): *запрещения, дозволения, обязывания, констатации / установления*. Такое членение отражает выделяемые в правоведении в качестве основных такие способы правового воздействия, как запрет, дозволение и позитивное обязывание, а в качестве дополнительных – утверждения, рекомендации, поощрения и др. [Шаргородский, Иоффе 1957; Бошно 2014]. Очевидно, что основанием выделения этих способов является характер предписания или отсутствие выраженного волеизъявления.

Общесмысловое содержание запрещения можно выразить формулой «*запрещается (нельзя) совершать такие действия*», т. е. запрет всегда содержит предписание о недопустимом поведении или действии. Общесмысловое содержание дозволения выражается формулой «*дозволяется (можно) совершать такие действия*», дозволение предполагает предоставление адресатам права действовать так, как написано в документе. Общесмысловое содержание обязывания – «*нужно (должно) совершать такие действия*», обязывание обозначает наложение на адресата необходимости выполнения определенных действий. Общесмысловое содержание констатации можно передать формулой «*этот факт соответствует действительности / закону*», констатация предполагает фиксирование какого-либо факта. Более категоричным вариантом констатации является установление, которое можно передать формулой «*с этого момента этот факт следует считать официальным, соответствующим закону*»; установление предполагает подчеркнутую констатацию какого-либо изменения в социальной практике и провозглашение нового состояния как обязательного, закрепленного законом.

В директивных документах исполнительной власти реализуются только два из перечисленных микросубполя: микроСП *обязывания* и микроСП *констатации / установления*.

Функционально-семантическое поле микроСП *обязывания* создают следующие группы языковых средств: лексические единицы, составляющие ядро микроСП, – жанровые обозначения документов; лексемы с семантикой долженствования (*руководство, управление, координация* и др.); глаголы *приказывать* и *постановлять*, выражающие проявление воли.

На морфологическом уровне ядерными показателями микроСП *обязывания* являются: форма 1 лица единственного числа настоящего времени глаголов *постановлять* и *приказывать* (перформативов); форма 3 лица единственного числа настоящего времени глагола *постановить*; форма множественного числа прошедшего времени глагола *решишь*.

Типичными средствами микроСП *обязывания* выступают также инфинитивные формы глаголов совершенного вида, называющие стандартные единичные конкретные действия, обязательные для выполнения адресатом: *утвердить прилагаемые изменения, внести поправки*. Например, пункт приказа, содержащий предписание *Утвердить положение №.., означает буквально 'окончательно установить, официально оформить указанный документ'*. Поскольку инфинитив как исходная форма «только называет действие и никак не обозначает его отнесенности к лицу и числу» [РГ I: 671], в пунктах приказов и постановлений он часто сопровождается существительным в дательном падеже, называющим субъекта, которому предписывается выполнить это действие: *Председателям советов ректоров высших учебных заведений разработать и утвердить на совете положения о совете ректоров*.

По нашим данным, глаголы совершенного вида в директивных документах составляют 58–64 % всех глаголов в тексте, хотя в целом в языке «глаголы несовершенного вида употребляются в более широких и более разнообразных условиях, чем глаголы совершенного вида» [РГ I: 610]. Употребляясь в директивных документах в конкретно-фактическом значении (в отличие от конкретно-процессуального у глаголов несовершенного вида), глаголы совершенного вида называют целостные, результативные действия, которые обязательно должен выполнить адресат.

Синтаксическими операторами микроСП *обязывания* становятся инфинитивные предложения со значением побуждения, обращенного к адресату, образующие отдельные абзацы-пункты, каждый из которых содержит обязательное для исполнения предписание с указанием субъекта, объекта и сроков выполнения действия: *Департаменту аттестации научных и научно-педагогических работников (Шшикановой И. А.) в срок до 30 ноября 2015 г. обеспечить формирование*

перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты.

МикроСП *констатации / установления* характеризуется другим составом и структурой поля тональности.

Лексическими средствами данного микроСП являются лексемы *постановление, постановить, решение, решить, утверждение, утвердить* с семантикой установления, т. е. официального удостоверения, фиксации. Подчеркнем, что в структуре лексического значения слов *постановление* и *постановить* содержатся семы долженствования и установления, поэтому считаем возможным отнести эти лексемы к обоим указанным микроСП волеизъявления.

Тональность установления формируют также отыменные предлоги *в целях, на основании, во исполнение*, указывающие на мотив, основание и цель волеизъявления властных органов, употребленные в преамбуле: *Во исполнение Федерального закона.., а также в целях обеспечения доступа граждан и организаций к информации о деятельности Министерства финансов...* Чаще всего мотивом документально оформленного волеизъявления в дискурсе исполнительной власти оказывается необходимость исполнения законодательного акта (в тексте этот мотив формулируется предложно-падежной конструкцией с отыменным предлогом *во исполнение*).

МикроСП *констатации / установления* на морфологическом уровне реализуется использованием глаголов несовершенного вида в значении «настоящего констатации»: *Контроль за исполнением настоящего приказа оставляю за собой*. От «настоящего констатации» несколько отличается «настоящее установления»: *Настоящее распоряжение вступает в силу со дня его подписания* (подробно о различиях между констатацией и установлением см.: [Кыркунова 2007]).

Синтаксическими конструкциями, характерными для микроСП *констатации / установления*, оказываются назывные предложения, с помощью которых оформляются обязательные для документов реквизиты: «дата и место составления документа», «подпись» и «регистрационный номер документа». Именно реквизиты позволяют подчеркнуть официальность составляемого документа. Эти компоненты *закрывают тональную рамку установления, утверждения*. К синтаксическим средствам микроСП *констатации / установления* следует отнести также обороты с деепричастиями, имеющими семантику основания, соответствия: *руководствуясь* (чем?), *основываясь* (на чём?).

Жанровые различия экспликации субполей волеизъявления касаются не только набора при-

меняемых языковых средств разных уровней. Важны также параметры расположения сигналов субполя в жанре-текстотипе (собственная композиция сигналов тональности) и степени категоричности предписания (базовой семы поля тональности директивных документов) в каждом из жанров. Остановимся на этих параметрах подробнее.

Языковые средства микроСП *обязывания* в текстах указов, приказов и постановлений («ядерная триада» директивных документов) образуют типичную последовательность: 1) жанровый заголовок документа, задающий тональность целого текста; 2) тематический заголовок, часто содержащий лексемы с семантикой *долженствования*; 3) глаголы-перформативы *ПРИКАЗЫВАЮ / ПОСТАНОВЛЯЮ*, вынесенные в отдельную строку и набранные прописными буквами; 4) пункты-абзацы, синтаксически представляющие собой инфинитивные предложения, обычно начинающиеся с инфинитива со значением категоричного предписания.

Средства микроСП *констатации / установления* на текстовом пространстве указов, приказов и постановлений располагаются в ином порядке: 1) в преамбуле указываются причины, мотив или цель издания документа (*в целях, в соответствии, во исполнение*); 2) в последнем пункте распорядительной части обычно указывается лицо, ответственное за выполнение предписаний документа (*контроль возложить на...*), или дата вступления документа в силу (*Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания*); 3) обязательные реквизиты: «дата и место составления документа», «регистрационный номер документа», «подпись», – удостоверяющие официальную форму документа.

Следует отметить признак взаимовлияния субполей *обязывания* и *констатации / установления* в триаде основных директивных жанров: начинаясь категоричным предписанием в жанровом заголовке, тональность *обязывания* далее «приглушается» в тематическом заголовке, представляющем собой синтаксически незаконченную конструкцию – предложно-падежное сочетание, включающее лексемы с семантикой *долженствования*. Затем в преамбуле задается тональность *констатации* (обозначается мотив или цель составления документа), которая прерывается проспективно значимым глаголом-перформативом *приказываю* (высокая степень категоричности) или *постановляю* (близкая к ней степень категоричности), распространяющим свое влияние на пункты-предписания распорядительной части. Эти пункты, как правило, начинаются инфинитивными формами глаголов, также являющимися носителями категоричности предписа-

ния. Последний пункт распорядительной части оказывается подчеркнуто-констатирующим: в этом пункте составитель указывает срок действия документа или устанавливает свою ответственность за исполнение предписаний. Завершается документ тональностью установления, отраженной в заключительных реквизитах. Таким образом, в тексте налицо совмещение признаков *обязывания* и *констатации / установления*.

Семантика интенсивности в нашей группе документов накладывается на семантику *волеизъявления* и реализуется как степень категоричности предписания, различная для отдельных жанров.

В жанрах указа и приказа проявляется высшая степень категоричности предписания, причем предписание касается резких изменений каких-либо социальных условий (снятие с должности, награждение государственными наградами и т. д.). В данных жанрах наблюдается высокая концентрация директивных средств: жанровое название (*указ / приказ*) + глагол-перформатив (*постановляю / приказываю*) + несколько инфинитивных конструкций на небольшом пространстве текста. Издавая указ или приказ и используя в нем перформативный глагол, адресант **совершает** речевое действие, а не описывает его. Особая сила предписания в указе и приказе подчеркивается, по нашему мнению, также употреблением в реквизитах указанных документов официальных – обозначений высшего органа в государстве и руководителя органа власти, учреждения (*Президент Российской Федерации* и др.).

В жанре постановления заглавная номинация *постановление* и глагол *постановляют* характеризуются, наряду с семантикой *долженствования*, семантикой *установления*. Отсутствие глагола-перформатива в тексте документа переводит речевое действие (поступок) *волеизъявления* в класс традиционных текстов, за счет этого в данных жанрах снижается категоричность предписания. В жанре решения глагол *решил*, не являющийся перформативом и употребляющийся в форме прошедшего времени, также реализует значение *установления*, смягчая тем самым категоричность предписания текста в целом. В отличие от указа и приказа, содержащиеся в постановлении и решении предписания предстают в статике: в этих жанрах прописываются нормы поведения, которые должны стать неизменными на длительный период.

Жанры распоряжения и директивы имеют, в отличие от остальных, упрощенную композицию, в них отсутствует преамбула и глагол-перформатив. Тональность *обязывания* поддерживается здесь следующими друг за другом пунктами-предписаниями, представляющими собой инфинитивные предложения, и сменяется установле-

нием, выраженным в неопределенно-личных конструкциях. По данным словарей, в названии жанра *распоряжение* актуализируется значение *'внести упорядоченность в течение дел'*. Именно этим определяется специфика распоряжения, заключающаяся в снижении масштабов распространения положений документа, снятии нажима при изъявлении воли автора и уменьшении интенсивности предписания.

На основании сказанного можно утверждать, что директивные документы исполнительной власти характеризуются широким диапазоном тональности: от категоричного, решительного предписания в одних директивных жанрах до сдержанного установления факта – в других. Кроме того, обязывание и констатация / установление могут сочетаться. Данный вывод уточняет представление об ОДС как сфере категоричного волеизъявления (см., например: «В частности, оф.-дел. стилю свойственна императивность как выражение воли... и поэтому предписующе-долженствующие значения самых различных языковых единиц придают речи окраску категоричности» [Кожина, Котюрова 2003: 407]).

Помимо жанрообозначений, СП *интенсивности* в директивных документах исполнительной власти создается использованием лексем, имеющих в структуре лексического значения сему усиления (*урегулирование, совершенствование, увеличение* и др.), но утративших свою генетическую экспрессивность. Усилительно-экспрессивные лексемы употребляются в преамбулах документов и выполняют функцию обоснования, мотивировки волеизъявления: *В целях... увеличения сбора налогов и платежей в доход федерального бюджета, снижения общей суммы взаимной задолженности организаций... Правительство Российской Федерации постановляет.* С их помощью создается образ результата предпринимаемых деловых действий, закладывается противопоставление деловой ситуации до и после появления документа. В контексте доминирующего в директивных документах СП *волеизъявления* такие единицы подключаются к ведущей семантике стиля. Следует отметить, что ритуализация употребления таких единиц переводит их в план выразительности текста.

СП *эмоциональности* как третья составляющая тональности текста в принципе противопоставлена ОДС. В работах по функциональной стилистике среди стилевых черт данного стиля отмечается присущий ему нейтральный тон, безэмоциональность. Это проявляется, с одной стороны, в употреблении стереотипных языковых единиц – канцеляризм, правовых терминов, с другой – в отсутствии экспрессивно и эмоционально окрашенной лексики, оценочных средств,

а также восклицательных предложений. Лишь изредка в распорядительной части обнаруживаем генетически эмотивные единицы, превратившиеся в штампы, утратившие исконную выразительность: *несвоевременные меры, неудовлетворительное состояние* и др.

В целом во всех директивных жанрах отмечается употребление лексики двух лексико-семантических парадигм: канцелярско-деловой и официально-документальной. Среди них наиболее многочисленны стереотипные единицы: *внести изменения, изложить в новой редакции, признать утратившими силу, контроль за исполнением настоящего приказа оставляю за собой.* Они описывают типичные процедуры делопроизводства, документооборота и организационной деятельности органов власти и государства. Деепричастные обороты *руководствуясь ст. 6 ФЗ №., основываясь на...* и т. п., имеющие, как известно, книжный характер, подчеркивают значимый для правовой сферы факт опоры на законодательную базу и основания предписаний составителя документа. Широко используются официонимы (названия должностей, учреждений и т. д.), абстрактные существительные административной сферы (*контроль, ответственность, соблюдение*), в том числе отглагольные (*прекращение, подписание, прохождение*), а также отыменные предлоги (*во избежание, на основании, в соответствии* и др.). Все эти средства, присущие книжным стилям в целом или являющиеся маркерами деловой сферы в частности, формируют официальную тональность речи.

Итак, поле тональности директивных документов исполнительной власти характеризуется следующей системой субполей и их компонентов. Ведущее место принадлежит СП *волеизъявления*, располагающему обширным количеством лексических единиц с семантикой воли, а также жанровыми традициями их грамматического оформления, комбинаторики и расположения в тексте. Яркую специфику ОДС в целом и рассматриваемого дискурсивного типа официально-деловых текстов составляют заголовки-жанрообозначения, содержащие в своей семантике компонент воли. Доминантный характер СП *волеизъявления* подчеркивается плотностью последнего и его распространением на весь текст.

Микросубполя волеизъявления, актуальные для директивных документов, связаны с реализацией идей обязывания и констатации / установления. Каждая из них обеспечивается собственным набором речевых сигналов, организованных в виде определенной последовательности, т. е. имеет собственную композиционно-речевую модель. Так, жанр приказа формируется сочетанием жанрового наименования документа в абсолют-

ном начале заголовочного комплекса с глаголом-перформативом в конце преамбулы, а в предпосылительной части дополняется рядом инфинитивов, называющих действия, обязательные для выполнения.

СП *интенсивности* выявляется на том же языковом лексическом материале, т. е. носит суперсегментный характер. Категория интенсивности директивных документов экстраполируется на категорию воли и, в результате, осмысливается как категоричность волеизъявления. Будучи мерной категорией, интенсивность имеет различные степени проявления. Директивные документы исполнительной власти носят более (в жанрах указа, приказа) или менее (в жанрах постановления, распоряжения) высокую степень категоричности. В рамках отдельно взятого текста может наблюдаться ослабление интенсивности по мере дифференциации его фактического содержания.

СП *эмотивности* характеризуется отодвинутым характером: здесь нет языковых средств, прямо и непосредственно выражающих эмоцию, а генетически эмотивные единицы полностью утратили первичные смыслы такого рода, превратившись в речевые штампы деловой речи. Эмотивная тональность директивного документа усматривается только в официальности текста, достигаемой канцеляризмами, официонимами и другими средствами книжности языковых единиц.

Жанровые различия внутри группы директивных документов проявляются в основном в реализации двух описанных выше микросубполей волеизъявления. Значимо также их соотношение: при усилении степени категоричности предписания микроСП *констатации / установления* становится менее выраженным, а при усилении семантики констатации снижается степень категоричности выраженных в тексте предписаний.

Таким образом, материал демонстрирует стилистико-речевую системность как дискурсивного типа (дискурса исполнительной власти) в целом, так и конкретных жанров в рамках данного дискурса. В области категории тональности закономерности речевого оформления жанровых разновидностей директивных документов непреложны.

Список литературы

Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 417 с.

Багдасарян Т. О. Тональный компонент модальности в коммуникации: на материале английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 175 с.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.

Бошно С. В. Способы и методы правового регулирования // Право и современные государства. 2014. № 3. С. 52–60.

Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Стилистика официально-деловой речи. М., 2012. 272 с.

Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Сводки Совинформбюро: своеобразие выражения тональности // Медиалингвистика. 2015. № 4(10). С. 119–128.

Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.

Киреева Е. З. Жанры подзаконного дискурса // Жанры речи. 2016. № 1. С. 78–86.

Кожина М. Н. К основам функциональной стилистики. Пермь, 1968. 252 с.

Кожина М. Н., Котюрова М. П. Стилиевые черты // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 403–408.

Кузнецова Э. В. Метод ступенчатой идентификации в описании лексико-семантических групп слов // Проблемы моделирования языка: Ученые записки Тартуского университета, 1969. Вып. 228. С. 85–92.

Кыркунова Л. Г. Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. 181 с.

Ланн Л. М. Общая (текстовая) «тональность» научного текста с точки зрения объективной модальности // Функционирование языка в различных типах текста. Пермь, 1989. С. 47–58.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.

Матвеева Т. В. К лингвистической теории жанра // Collegium. 1994. Вып. 4–5. С. 65–71.

Орлова Н. В. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией // Вестник Омского университета. 2014. № 4. С. 188–193.

Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. Т. I. 789 с.

Серцова А. П., Пичугин П. В. Политические и правовые взгляды и идеи // Формы общественного сознания. М.: Изд-во МГУ, 1960. С. 52–97.

ТС – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

Шаргородский М. Д., Иоффе О. С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 101–110.

Ширинкина М. А. Документы исполнительной власти в функционально-стилистической системе русского языка // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 2(163). С. 134–146.

D'Acquisto G. *A Linguistic Analysis of Diplomatic Discourse: UN Resolutions on the Question of Palestine*. Cambridge Scholars Publishing, 2017. 128 p.

Halliday M. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London: Arnold, 1978. 256 p.

Lee D. *Genres, Registers, Text Types, Domains, and Styles // Language Learning & Technology*. September 2001. Vol. 5, no. 3. P. 37–72.

Palmer F. *Mood and Modality*. Cambridge University Press, 2001. 236 p.

References

Anisimova T. V. *Tipologiya zhanrov delovoy rechi (ritoricheskiy aspekt)*. Diss. dokt. filol. nauk [Typology of genres of business language (rhetorical aspect). Dr. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2000. 417 p. (In Russ.)

Bagdasaryan T. O. *Tonal'nyy komponent modal'nosti v kommunikatsii: na materiale angliyskogo i russkogo yazykov*. Diss. kand. filol. nauk [Tonal component of modality in communication: on the material of the English and Russian languages. Cand. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2000. 175 p. (In Russ.)

Bally Ch. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. Moscow, Inostrannaya Literatura Publ., 1955. 416 p. (In Russ.)

Boshno S. V. *Sposoby i metody pravovogo regulirovaniya* [The methods and techniques of legal regulation]. *Pravo i sovremennye gosudarstva* [Law and modern states], 2014, issue 3, pp. 52–60. (In Russ.)

Duskaeva L. R., Protopopova O. V. *Stilistika ofitsial'no-delovoy rechi* [Stylistics of official business language. Moscow, 2012. 272 p. (In Russ.)

Duskaeva L. R., Protopopova O. V. *Svodki Sovinformbyuro: svoeobrazie vyrazheniya tonal'nosti* [Soviet Information Bureau reports: originality of tonality expression]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2015, issue 4(10), pp. 119–128. (In Russ.)

Karasik V. I. *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Moscow, Gnozis Publ., 2009. 406 p. (In Russ.)

Kireeva E. Z. *Zhanry podzakonnogo diskursa* [Genres of sublegislative discourse]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, issue 1, pp. 78–86. (In Russ.)

Kozhina M. N. *K osnovaniyam funktsional'noy stilistiki* [To the foundations of functional stylistics]. Perm, 1968. 252 p. (In Russ.)

Kozhina M. N., Kotyurova M. P. *Stilevye cherty* [Style features]. *Stilisticheskiy ehntsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2003, pp. 403–408. (In Russ.)

Kuznetsova E. V. *Metod stupenchatoy identifikatsii v opisaniy leksiko-semanticheskikh grupp slov* [The method of stepwise identification in the

description of lexico-semantic groups of words]. *Problemy modelirovaniya yazyka. Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta* [The Problems of Language Modeling. Scientific Notes of the Tartu State University], 1969, issue 228, pp. 85–92. (In Russ.)

Kyrkunova L. G. *Ofitsial'no-delovye teksty v aspekte funktsional'no-smyslovykh tipov rechi*. Diss. kand. filol. nauk. [Official business texts in the aspect of functional-semantic types of speech. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2007. 181 p. (In Russ.)

Lapp L. M. *Obshchaya (tekstovaya) «tonal'nost'» nauchnogo teksta s tochki zreniya ob'ektivnoy modal'nosti* [The general (textual) «tonality» of scientific text in terms of objective modality]. *Funktsionirovanie yazyka v razlichnykh tipakh teksta* [Language functioning in various types of text]. Perm, 1989, pp. 47–58. (In Russ.)

Matveeva T. V. *Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategoriy* [Functional styles in the aspect of text categories]. Sverdlovsk, Ural University Press, 1990. 172 p. (In Russ.)

Matveeva T. V. *K lingvisticheskoy teorii zhanra* [To the linguistic theory of genre]. *Collegium* [Collegium], issue 4–5, 1994, pp. 65–71. (In Russ.)

Orlova N. V. *Modal'nost' i tonal'nost' sovremennykh dokumentov s predpisyvayushchey funktsiyey* [Modality and tonality of contemporary documents with prescriptive function]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 2014, issue 4, pp. 188–193. (In Russ.)

Russkaya grammatika [Russian grammar]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Vol. I. Moscow, Nauka Publ., 1980. 789 p. (In Russ.)

Sertsova A. P., Pichugin P. V. *Politicheskie i pravovye vzglyady i idei* [Political and legal views and ideas]. *Formy obshchestvennogo soznaniya* [Forms of social consciousness]. Moscow, Moscow University Press, 1960, pp. 52–97. (In Russ.)

TS – *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkhlyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p.

Shargorodskiy M. D., Joffe O. S. *O sisteme sovet'skogo prava* [On the system of Soviet law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law]. 1957, issue 6, pp. 101–110. (In Russ.)

Shirinkina M. A. *Dokumenty ispolnitel'noy vlasti v funktsional'no-stilisticheskoy sisteme russkogo yazyka* [Executive documents in the functional styles system of the Russian language]. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia of the Ural Federal University. Series 2. Humanities and Arts], 2017, vol. 19, issue 2(163), pp. 134–146. (In Russ.)

D'Acquisto G. *A Linguistic Analysis of Diplomatic Discourse: UN Resolutions on the Question of*

Palestin. Cambridge Scholars Publishing, 2017. 128 p. (In Eng.)

Halliday M. *Language as social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London, Edward Arnold, 1978. 256 p. (In Eng.)

Lee D. Genres, Registers, Text Types, Domains, and Styles. *Language Learning & Technology*. September 2001, vol. 5, issue 3, pp. 37–72. (In Eng.)

Palmer F. *Mood and Modality*. Cambridge University Press, 2001. 236 p. (In Engl.)

THE CATEGORY OF TONALITY IN DIRECTIVE DOCUMENTS OF THE EXECUTIVE BRANCH

Mariya A. Shirinkina

Associate Professor in the Department of Russian Language and Stylistics
Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. m555a@yandex.ru

SPIN-code: 2096-0890

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6951-0653>

ResearcherID: G-9997-2017

The linguistic textual analysis of tonality of the executive branch directive documents is given. Tonality is understood as a field category of text reflecting the author's emotional and volition mindset, his or her stance on the subject matter, the addressee and the communicative situation and including subfields of emotionality, intensity and volition. System relations of the three subfields are discovered: the dominance of the subfield of volition and the indistinct character of the subfield of emotivity. The emotive tonality of a directive document is traced only in its officiality achieved through its bureaucratic style, official style units and other means of the bookish language. The subfield of intensity is of a supersegmental character in relation to the subfield of volition. The semantics of intensity in directive documents is transformed into the sphere of peremptoriness of volition and is graded according to the degree of its peremptoriness.

Typical kinds of tonality of the executive branch directive documents are singled out: micro-subfields of enforcement and these of assertion / establishment. Lexical, morphological and syntactical specific features of their manifestation in speech are described. The interdependence of the fields is revealed: the higher the degree of peremptoriness of enforcement is, the less the micro-subfield of assertion / establishment is overt, while the stronger the semantics of assertion is, the less the peremptoriness of the directions given in a text becomes prominent. The genre compositional verbal models of tonality manifestation are analyzed in enactments, orders, assises, conclusions, instructions and directions.

Key words: official style; executive branch discourse; directive documents; tonality; volition; functional semantic field.

УДК 821.161.1.09“18”
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-69-79

РОССИЙСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО КОНЦА XIX ВЕКА: ОЦЕНОЧНЫЕ ОПИСАНИЯ (на материале повестей «Студенты» Н. Г. Гарина-Михайловского и «Однокурсники» П. Д. Боборыкина)

Яо Сюэ

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9. хуеяо@mail.ru

SPIN-код: 9214-9808

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8302-1231>

ResearcherID: J-4032-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Яо Сюэ Российское студенчество конца XIX века: оценочные описания (на материале повестей «Студенты» Н. Г. Гарина-Михайловского и «Однокурсники» П. Д. Боборыкина) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 69–79. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-69-79

Please cite this article in English as:

Yao Xue Rossiyskoye studenchestvo kontsa XIX veka: otsenochnyye opisaniya (na materiale povestey “Studenty” N. G. Garina-Mikhaylovskogo i “Odnokursniki” P. D. Boborykina) [Russian Students at the End of the 19th Century: Evaluative Descriptions (a Case Study of the Novels “Students” by N. G. Garin-Mikhailovsky and “Classmates” by P. D. Boborykin)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 69–79. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-69-79 (In Russ.)

Данная статья посвящена оценочным описаниям студентов с различных точек зрения в русской прозе конца XIX – начала XX в. В прозе этого периода отмечается интерес к реформам 60-х гг. XIX в., в том числе и в сфере образования, и обсуждаются их результаты. Студенты в ней представлены как социальная группа, не только занятая получением образования, но и участвующая в социальных и политических движениях. Оценивание студенчества различными членами общества, а также самооценки молодежи дают возможность выявить наиболее характерные черты студента того периода. Анализ подобных оценочных описаний позволяет очертить круг представлений о студенчестве, сложившихся в то время, и определить место и роль студенчества в социальной жизни общества. Материалом исследования послужили повести «Студенты» Н. Г. Гарина-Михайловского (1895–1898) и «Однокурсники» П. Д. Боборыкина (1900). В работе применяется классификационный подход Н. Д. Арутюновой, учитывающий различные типы оценки: общие и частные (сенсорные оценки; психологические оценки: интеллектуальные и эмоциональные, эстетические, этические, утилитарные, нормативные, телеологические оценки) и разных субъектов оценки. То есть анализируются мнения с внутренней и внешней точек зрения, например, студентов нынешних, бывших и будущих, университетских профессоров, родственников студентов, их близких людей, представителей других социальных групп, включая людей старшего поколения и т. д. Данный подход позволяет установить, как студенты воспринимались в то время и как они влияли на современное им общество.

Ключевые слова: русский литературный язык XIX в.; русская проза конца XIX – начала XX в.; культурологические характеристики; личностные характеристики; языковая оценка; образ студента.

Отношение общества или его отдельных членов к тому или иному явлению действительно, событию или человеку обязательно проявляется в языке эпохи. Исследование оценок, возник-

кающих в языке, в т. ч. языке художественного произведения, позволяет установить место какого-либо явления или персонажа в системе ценностей, актуальной для конкретной эпохи. Выявление

ние оценок той или иной социальной группы расширяет наши представления о жизни общества в определенный исторический период.

Оценка определяется как совокупность «разнородных языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [Баженова 2006:139], которые актуализируются на фоне нейтрального отношения [Вольф 1985:16]. Особенности проявления языковой оценки изучались в различных аспектах. Так, А. А. Ивин исследует логику оценочного рассуждения и создает логическую теорию абсолютных оценок [Ивин 1970]; Е. М. Вольф устанавливает функциональные особенности оценочных высказываний и рассматривает оценочную семантику в собственно лингвистическом плане [Вольф 1985]; Н. Д. Арутюнова анализирует категории оценки как явления, связанного с логикой мышления и практикой жизни [Арутюнова 1988]; Н. Г. Мед рассматривает способы выражения категории оценки в испанской разговорной речи на материале лексических единиц, создающих оценочную картину мира в данном языке [Мед 2007]; Н. А. Лукьянова затрагивает вопрос оценки с точки зрения проявления эмоциональности [Лукьянова 2015: 183–200] и др.

Студенчество и его особенности часто становятся объектом гуманитарных исследований, поскольку возникновение и становление этой социальной группы, а также ее развитие происходит во взаимосвязи с развитием и изменениями общества, с появлением новых общественных идеалов и ориентиров. Студенчество как новое социальное явление появилось в России в XVIII в. и быстро развивалось во второй половине XIX в. как в связи с прогрессом науки и общества, так и благодаря ряду реформ образования [Беловинский 2007: 659–662].

XIX век в России отмечен множеством исторических событий, среди которых выделяются реформы 60-х гг., в частности реформы образования. Практически все монархи обращали внимание на образование, что находило отражение в утверждении Университетского устава [Яковленко 2015: 222], непосредственно влиявшего на жизнь студентов. Например, основной идеей устава 1863 г. является автономия профессорской корпорации [Арсеньев 1991: 388]. Реформы образования изменили социальный состав студенчества: в университетскую среду влились люди из различных слоев общества, для которых образование открывало путь к продвижению на более высокий общественный уровень [Общий устав... 1863: 1–43]. Вследствие этого студенчество привлекало внимание общества и воспринималось неоднозначно.

Интересное с точки зрения восприятия и оценки конкретной социальной группы явление представляет собой русская проза рубежа XIX–XX вв., описывающая студентов и студенчество как важный компонент общественной системы. И объекты описания, и эпоха привлекают внимание, поскольку именно в данный период студенчество складывается как важный элемент общества, изменяется, приобретает черты, которые в дальнейшем станут его важными характеристиками. Именно в это время были организованы различные кружки, члены которых (студенты) проявляли большой интерес к политическим темам и принимали активное участие в студенческих движениях (см. подробнее: [Федоров 2004: 391–392]).

Исследованный материал демонстрирует неодинаковое отношение к студентам в обществе второй половины XIX в. Предполагалось, что студенты должны по окончании учебы развивать науку, двигать прогресс, способствовать развитию страны. С ними связывались определенные ожидания: студент «будет ученым», «громдную карьеру сделает» (Гарин, 6, 138)¹. Однако внеаудиторная деятельность студентов вызывала тревогу: учащиеся высших учебных заведений интересовались новыми экономическими, социальными и политическими теориями, создавали кружки для изучения подобной литературы, что приводило к нежелательным для государственной системы последствиям и выливалось в протестные действия. Во второй половине XIX в. в университетах Москвы и Петербурга возникали студенческие кружки, члены которых участвовали в студенческих волнениях и занимались политической деятельностью, что оказывало сильное влияние на общество [Федоров 2004: 388–392]. Опасения, связанные со студенчеством, выражает мать героя повести Н. Г. Гарина-Михайловского «Студенты», которая предупреждает сына перед поступлением в университет: «Если увлечешься в Петербурге и попадешь в те кружки, откуда выход на эшафот, в каторгу... Все, Тёма, погибнет тогда... все! и ты и твоя семья, для которой ты радость жизни превратишь в тяжелое горе...» (Гарин, 7). Кроме политической деятельности, со студентами традиционно связываются и некоторые особенности поведения: в словаре В. И. Даля отмечено словосочетание *студенческие шалости* [Даль 1882: 356], что свидетельствует о восприятии студентов как людей, развлекающихся от души и при этом нарушающих общественный порядок.

Оценки студентов даются самими студентами и другими членами общества, т. е. с внутренней и внешней точек зрения. Первая позиция является мнениями студента или студентов (включая

бывшего студента, т. е. человека, который учился, но был вынужден прервать обучение, или того, кто уже закончил университет) о себе, о другом конкретном студенте или о студенчестве в целом; а вторая – мнениями о студенте или студентах, которые складываются у тех, кто мечтает поступить в университет, у людей другого рода занятий, у родственников. Сопоставление внешних и внутренних оценок студентов, выявление их совпадений и расхождений дает представление о том, какие характеристики студенчества признавались всеми субъектами оценки и каким виделся людям студент конца XIX в.

Для анализа материала в статье применяется теория оценки Н. Д. Арутюновой, согласно которой аксиологические оценочные значения разделяются на два основных типа: общеоценочные и частнооценочные. Первый тип дает целостную оценку, аксиологический итог; а второй – выражает оценку объекта только в одном аспекте. В соответствии с этим языковые единицы, передающие в обеих повестях оценки студентов различными членами общества, разделяются на две группы. Последняя группа распадается на семь подгрупп: 1) сенсорные оценки; 2) психологические оценки – интеллектуальные и эмоциональные; 3) эстетические оценки; 4) этические оценки; 5) утилитарные оценки; 6) нормативные оценки; 7) телеологические оценки [Арутюнова 1988: 75].

1. Анализ общих оценок с внутренней точки зрения

Общие оценки с внутренней точки зрения в повести «Студенты» отсутствуют.

Данную группу в произведении «Однокурсники» представляют примеры с лексемами *хороший, недурной*.

1) *Ему хочется – и не со вчерашнего дня – втянуть такого хорошего и развитого парня, как Заплатин, в круг самых ценных для него и задушевных идей и стремлений.* (Бобор., 573)

2) *Не затем он [...] собрался прочесть ее [...] Заплатину, чтобы «сворачивать» его в свою веру, а затем, чтобы посмотреть – насколько такие вопросы могут вызвать сочувствие в среднем, хорошем интеллигенте.* (Бобор., 575)

3) *«...Вот вы, как я знаю, были недурной парень. Ну, и заплатились, как следует...»* (Бобор., 584)

Во всех трех примерах бывшие студенты дают знакомому студенту общие положительные оценки (*недурной* – ‘неплохой, довольно хороший’ [ССРЛЯ Т. VII 1958: 861]). Здесь оцениваются как общие человеческие качества персонажей (*хороший парень, недурной парень*), так и более специфическая особенность – качества человека, принадлежащего к интеллигенции. Сло-

восочетание *хороший интеллигент* характеризует человека с точки зрения его подготовленности к умственной профессиональной деятельности (*интеллигент* – ‘лицо, принадлежащее к интеллигенции – работникам умственного труда, имеющим специальную подготовку и знания в различных областях наук, техники и культуры’ [ССРЛЯ Т. V 1956: 389–391]).

2. Анализ частных оценок с различными оттенками, возникающими в рамках внутренней точки зрения

2.1. Сенсорные оценки

«Студенты». Н. Г. Гарин-Михайловский (5)	«Однокурсники». П. Д. Боборыкин (7)
4) <i>Там Карташев, Шацкий уже готовы вот-вот броситься в этот водоворот – и не боятся... а он одинаково робкий и чтобы вместе с ними броситься в этот кипучий поток, и чтобы прикнуть ближе к кружку Иванова... А жить так хочется, и так болит сердце от этой пустоты, от сознания своего бессилия, ничтожества...</i> (32)	8) <i>Вот и новое Инженерное училище, где бы ему следовало быть, если б он слушался умных людей, а не был ни на что не пригодным интеллигентом.</i> (508–509) 9) <i>«... Я говорю только, что мы, с нашей мозговой дрессировкой, ни к черту не годны там, где нужно дело делать...»</i> (586)
5) <i>Да, может быть, она [горничная Анна], простая, в тысячу раз лучше меня, ломаного, искалеченного, меня, для которого мое дурацкое знание и мой жалкий самосознающий ум только источники вечного унижения?</i> (33)	10) <i>Тому студенту принадлежало будущее; а этот только носит с своей «постыдной» страстью, а все остальное – точно выпущено из него, как из гуттаперчевого шарика.</i> (566)
6) <i>Конечно, он [Карташев], студент петербургского университета. Не гимназист, а студент; не мальчишка, а молодой человек...</i> (24)	–
7) <i>Нет, все-таки это уже не толпа улицы, это его [Карташева] толпа. Эта аудитория тоже не улица – это источник света, знания.</i> (24)	–

Критическая (отрицательная) самооценка, эксплицированная в примере 4 лексемами *бессилие* и *ничтожество* (‘крайняя незначительность, бессодержательность, крайнее убожество кого-, чего-либо. О явлениях духовного мира

человека' [ССРЛЯ Т. VII 1958: 1337]), возникает у персонажа в связи с осмыслением степени его включенности в студенческую жизнь. Жизнь студента наполняют не только занятия, но и развлечения, порой чрезмерные, и интеллектуальная деятельность по изучению политэкономических книг в студенческом кружке. Развлечения могли надолго оторвать человека от учебы и даже привести к исключению из университета. Обращение к материалам, затрагивающим государственное устройство, не приветствовалось официальными кругами, вследствие чего от участников кружка требовались решительность и смелость, а он *робкий*. Все это предполагало готовность нести ответственность за выбранный образ жизни и за принятые решения.

В примере 8 Заплатин – бывший штрафной студент, который был исключен из университета, выслан на год домой и только что вернулся в Москву для продолжения учебы, – считает себя связанным со студенчеством, так что в этом контексте слово *интеллигент* можно считать контекстуальным синонимом к слову *студент*. Примечательно, что персонаж отделяет интеллигентов, и себя в их числе, от выпускников Инженерного училища по критерию способности к практической деятельности и оценивает обе группы достаточно категорично. Заплатин полагает, что студент – человек, ни на что не пригодный, его знания не применимы на практике. Отрицательное мнение студента о студентах основано на этом мнении. Такой же точки зрения придерживается бывший студент Шибаяев (пример 9), который считает себя, как и всех студентов, не способными к конкретной деятельности.

Приведенные выше примеры показывают дополняющие друг друга аспекты отрицательной самооценки, возникающей у студентов. Ощущение своего ничтожества связано с осознанием непригодности (или неподготовленности) к практической деятельности, т. е. производится профессиональная состоятельность, в данном случае не соответствующая ожиданиям общества.

Отрицательная самооценка студента Корнева в примере 5 – *ломаный* ('перен. Подвергшийся суровым жизненным испытаниям, измотанный жизнью' [ССРЛЯ Т. VII 1958: 341]) и *искалеченный* ('перен. Испорченный, извращенный' [ССРЛЯ Т. V 1956: 434]) – основана на мнении о незначительности собственных знаний, а также на уверенности в том, что процесс самосознания приносит только разочарования и заставляет студента ощущать униженность. К тому же в тексте возникает противопоставление интеллектуальной деятельности и простоты, олицетворением которой выступает горничная Анна. А в примере 10 студент Заплатин сопоставляет свои

качества в начале обучения и в момент повествования, заключая, что у него осталось только чувство стыда, вызванное *постыдной страстью*, все иные чувства и способности улетучились, как из *гуттаперчевого шарика*. В одном случае отрицательная самооценка создается взаимодействием прямого и переносного значений слов *ломаный, искалеченный*, сравнение с поврежденным шариком также описывает студента как сломанный объект, негодный для выполнения ожидаемых от него действий. Таким образом, готовность к деятельности оказывается важным признаком студента, а осознание своего несоответствия этому требованию (*ломанность*) дает основания для отрицательной самооценки.

В примерах 6 и 7 даются оценки на основе сопоставления. В примере 6 единицы *студент, молодой человек* оказываются противопоставленными словам *гимназист, мальчишка*, тем самым указывается, что студент является не просто физически и психически взрослым, но и входит в часть общества, имеющую свою специфику. В этом смысле самооценка персонажа положительна. Пример 7 показывает, что в контексте сочетание *его толпа* имеет значения *однокурсники, коллеги* или *товарищи* по роду занятий, все они противопоставлены *толпе улицы* – людям, не включенным в образовательный процесс. Первокурсник Карташев, только начинающий учиться в университете, считает «своими людьми» всех однокурсников, которые получают знания в аудитории, и воспринимает этот процесс восторженно, оценивая студентов положительно.

2.2. Психологические оценки – интеллектуальные и эмоциональные

2.2.1. Психологические интеллектуальные оценки

«Студенты». Н. Г. Гарин-Михайловский (5)	«Однокурсники». П. Д. Боборыкин (7)
11) <i>Карташев вдруг вскипел. «Ну, и не понимаю, я дурак, <...> а испытывать постоянное унижение от мысли, что я дурак, я не желаю больше...» (57)</i>	16) <i>У его собеседника было особенное настроение. Что-то опять приятно щекотало в груди от этой встречи с таким даровитым и сильным малым, как этот Сергей Кантаков. (511)</i>
12) <i>«...он [Шацкий] уже успел и доказать свои способности, поступив вторым в трудное по приему заведение ...» (37)</i>	17) <i>Как Авив Щелоков, как человек с образованием и с мыслящей головой – он не считает всего этого верхом общественного и нравственного уклада... (574)</i>

«Студенты». Н. Г. Гарин- Михайловский (5)	«Однокурсники». П. Д. Боборыкин (7)
13) – Я никогда не сомневался, что ты [Карташев] умный человек, – снисходительно ответил Шацкий. (60)	18) <i>Никогда еще Заплатин не слышал, чтобы Щелоков так горячо и красноречиво говорил. Даже его прибауточный, рядский жаргон слетел с него, и в его тоне, выборе слов, жестах чувствовался не человек заурядной “умственности”...</i> (577)
14) – Мой друг, я никогда не сомневался, что ты выдающийся человек, – протянул ему руку Шацкий после экзамена. (136)	19) <i>Ему хочется – и не со вчерашнего дня – тянуть такого хорошего и развитого парня, как Заплатин, в круг самых ценных для него и задуманных идей и стремлений.</i> (573)
15) «Мой друг! Нам, с нашим сердцем и умом , мучиться такими вещами?! Оставим это холуям. А мы гении нашего времени , мы проживем иначе. Вспомни Байрона... Манфреда... мрачные скалы, демоны, Фаусты... прочь все это! Мы «дзин-ла-ла»! Поверь, мой друг, мы проживем умнее Манфреда, всех Байронов e tutti quanti ... [и всех прочих... (итал.)]...» (74)	20) «Жаль мне тебя, друже. Ты человек и душевный и умственный – на редкость! Перед тобой долгий путь... работы, развития, хороших дел гражданина...» (579) 21) Заплатин – умный, способный думать малый; он не звезда, никаких особых талантов в нем нет ... (575)
–	22) <i>Вот он – новейший заправила – интеллигент города Москвы! Его степенство, мануфактурный туз и вместе меценат, будущий автор книги «Эстетические воззрения Адама Смита».</i> (603)

Столкнувшись с трудностями в учебе, Карташев признает себя глупым (пример 11) и испытывает унижение от этого, но он намерен найти выход из сложившейся ситуации. Отрицательная самооценка привносит в реплику эмоциональность и служит своего рода стимулом к поиску решения проблемы. Как уже было показано раньше, чувство униженности возникает у студентов в ситуациях, когда они не могут справиться с учебными задачами.

Положительное мнение одного студента о другом (пример 12) основано на хороших ре-

зультатах приемных экзаменов в учебное заведение с высокими требованиями. Тот же принцип лежит в основе положительных оценок в примерах 13 и 14, где речь идет о результатах курсовых экзаменов. Таким образом, в студенческой среде интеллектуальные способности оказываются обоснованием для положительной оценки студента его коллегами.

Интерес с точки зрения взгляда на студенчество конца XIX в. представляет рассуждение студента Шацкого о его коллегах и о себе (пример 15). Примечательно, что Шацкий считает своего друга и себя людьми с *сердцем и умом*, т. е. способными чувствовать и мыслить. Прецедентные имена Байрон, Манфред, Фауст показывают круг общекультурных и литературных знаний персонажей и служат для формирования шкалы сравнения ими своих возможностей и целей с литературными образцами. *Прожить умнее Манфреда* – высокая цель, которую ставит перед собой и другими студент Шацкий. Все вместе создает в примере положительную оценку студентов их товарищем.

Интеллектуальные оценки в повести «Однокурсники» в основном представлены мнением бывшего студента Заплатина. По его представлениям, Кантаков (пример 16) является умным и способным человеком. В Щелокове (примеры 17, 18) он видит образованность и способность мыслить, считает его наделенным красноречием и выдающимся умом.

Примеры 19, 20 и 21 представляют собой оценку студента Заплатина бывшим студентом Щелоковым. Положительная оценка – *развитой* («достигший высокого умственного развития» [ССРЛЯ Т. XII 1961: 190]) и *умственный* – основана на признании его интеллектуальных способностей. Пример 21 особенно интересен, т. к. Щелоков считает Заплатина *умным и способным* к интеллектуальной деятельности человеком, что является нормой для студента, но в нем нет ничего экстраординарного (*не звезда*).

В оценках, которые Заплатин дает бывшему товарищу по университету Элиодору (пример 22), сталкиваются неоднозначные понятия. Элиодор характеризуется как представитель капитала, управляющий большим делом, и как интеллигент. Он одновременно является купцом, меценатом, будущим автором книги и др., что указывает на интеллектуальную характеристику Элиодора. Однако с помощью просторечного слова *заправила* («о человеке, играющем руководящую роль в каком-либо деле; главарь» [ССРЛЯ Т. IV 1955: 802]) в оценке персонажа передается экспрессия, которая привлекает внимание к этой социальной группе.

2.2.2. Психологические эмоциональные оценки

«Студенты». Н. Г. Гарин-Михайловский (2)	«Однокурсники». П. Д. Боборыкин (0)
23) «... в нем [Корневе] не один, а два и даже три человека сидят: один – зависимый от всего остального общества, другой – зависимый от кружка, а третий – он сам, раздвоенный, расстроенный... » (114)	–
24) Лица толпы были неприветливы или равнодушны . <...> Здесь даже было что-то худшее: точно собрались конкуренты на одну и ту же должность, собрались и уже меряли своих противников , скрывая это под личиной равнодушия, пренебрежения, высокомерия и раздражения . (23)	–

Неодобрительное мнение студента Шацкого о другом студенте (Корневе) (пример 23) сводится к тому, что персонаж – болезненно противоречивый человек (*раздвоенный* – ‘перен. Лишать цельности, внутреннего единства; приводить в состояние внутреннего разлада’ [ССРЛЯ Т. XII 1961: 270]; *расстроенный* – ‘прич. в знач. прил. Расстроить. Доводить до ненормального, болезненного состояния’ [там же: 837]), состояние, поведение и поступки которого зависят от общества, от кружка, в деятельности которого он участвует, и от особенностей его личности. Здесь единицы *раздвоенный* и *расстроенный* означают, с одной стороны, психическое состояние, а с другой – разделенный на 2, 3 части. Вероятно, в данном случае происходит развитие внутренней формы слова на основе омофонии. Это мнение перекликается с самооценкой Корнева, представленной в примере 5.

Негативное мнение студента о других студентах в примере 24 (*равнодушие, пренебрежение, высокомерие, раздражение*) связано с конкретной ситуацией: конкуренция превращает товарищей по учебе в соперников (использованы номинации *противник, конкурент*), лицемерно скрывающих свои чувства *под личиной* (*личина* – ‘перен. Искусственно созданная, притворная внешность кого-, чего-либо’ [ССРЛЯ Т. VI 1957: 292]), и их отношение друг к другу резко меняется. Представление о студенчестве как о единой семье разрушается, внося в набор отрицательных оценок новый аспект.

2.3. Этические оценки

«Студенты». Н. Г. Гарин-Михайловский (1)	«Однокурсники». П. Д. Боборыкин (2)
25) Теперь это был, правда, шут, но остроумный <...> и главное – без претензии человек . (37)	26) – <i>Что ж... – начал Заплатин, тише звуком и медленнее, – я не скрою от вас... вы такой душевный человек и всегда были со мной по-товарищески, – хоть мы и не однокурсники, Сергей Павлович.</i> (516)
–	27) «Жаль мне тебя, друже. Ты человек и душевный и умственный – на редкость! Перед тобой долгий путь... работы, развития, хороших дел гражданина...» (579)

По мнению Карташева, Шацкий является простым, скромным человеком – *без претензии* (‘(без) стремления приписать себе несвойственные качества’ [ССРЛЯ Т. XI 1961: 303]). Эта положительная оценка студента другим студентом показывает, какие качества ценились в студенческой среде конца XIX в.

Студент Заплатин дает бывшему студенту Кантакову (пример 26) положительную оценку, основывая ее на дружеской манере общения собеседника – *по-товарищески*. В примерах 26 и 27 для характеристики студента студентом используется оценочное прилагательное *душевный*.

2.4. Нормативные оценки

«Студенты». Н. Г. Гарин-Михайловский (1)	«Однокурсники». П. Д. Боборыкин (1)
28) Он считал <...> себя человеком, уже поднявшимся на высшую ступень человеческого самосознания . (149)	29) «... Сейчас – вывод: никуда не годная генерация, нынешние студенты дрянь, – ни идеалов, ни идей, ни знаний, ни хороших чувств. Это вздор! » (515)

Карташев (пример 28) оценивает себя положительно – как интеллектуально развитого человека, чей уровень развития отличается от уровня его бывших одноклассников. Следует отметить, что основанием для оценки служит интеллектуальная деятельность, важная составляющая жизни персонажей повести.

В примере 29 представлена реакция персонажа на существующую в обществе оценку современных ему студентов (*дрянь* – ‘о ком-, чем-либо

плохом, скверном' [ССРЛЯ Т. III 1954: 1141]). Кантаков считает, что она неверна: современные студенты не являются плохими или скверными, у них есть идеалы, идеи, знания и добрые чувства. Это положительная оценка студенчества бывшим студентом предстает как противопоставление одной из оценок, имеющей место в общественном сознании.

2.5. Телеологические оценки

«Студенты». Н. Г. Гарин-Михайловский (1)	«Однокурсники». П. Д. Боборыкин (0)
30) Там Карташев, Шацкий уже готовы вот-вот броситься в этот водоворот – и не бояться... (32)	–

Студент Корнев (пример 30) положительно оценивает других студентов на основании их готовности включиться в новую для них студенческую жизнь.

Нельзя не отметить, что в обеих исследованных повестях первое место по числу употреблений занимают интеллектуальные оценки.

Взгляд на студентов как на людей, с которыми связано будущее страны, отражается в оценочной лексике, используемой представителями различных социальных групп при обсуждении студенчества. Оценка с внешней точки зрения представлена в исследуемых текстах следующим образом.

3. Анализ общих оценок с внешней точки зрения

Общая оценка с внешней точки зрения встречается в материале только один раз – в повести «Однокурсники».

31) Он [Заплатин] – **хороший, честный и умный**; но днями – **скучный**, а когда дуется, то даже очень **несносный**. (Бобор., 567)

Общая положительная оценка студенту Заплатину дается его невестой Надей.

4. Анализ частных оценок с внешней точки зрения

4.1. Психологические интеллектуальные оценки

«Студенты». Н. Г. Гарин-Михайловский (1)	«Однокурсники». П. Д. Боборыкин (2)
32) – Молодец, молодец... способный , с характером... громадную карьеру сделает. (138)	33) Он [Заплатин] – хороший, честный и умный ; но днями – скучный , а когда дуется, то даже очень несносный . (567)

«Студенты». Н. Г. Гарин-Михайловский (1)	«Однокурсники». П. Д. Боборыкин (2)
–	34) Она [Надя] хотела ему показать, что миллионы, в ее глазах, не все, что ее жених, хотя он и заурядный студент, и сын провинциального купца третьей гильдии, но у него есть принципы, и он всегда способен поступиться своей свободой за то дело, которое считает правым . (570)

По мнению дяди Карташева (пример 32), его племянник – человек **способный**, даровитый. Дядя верит, что студент Карташев после университета быстро продвинется по службе.

По мнению невесты Заплатина Нади (примеры 33 и 34), он умный человек, но ничем не выдающийся студент. Нужно заметить, оценка Нади многосторонняя: она упоминает ум как важную характеристику героя, но видит все его недостатки, считая его обычным студентом.

4.2. Эстетические оценки

«Студенты». Н. Г. Гарин-Михайловский (1)	«Однокурсники». П. Д. Боборыкин (0)
35) – Ах, какой милый! Какой красивый! – рассматривая его [Карташева] в лорнет, говорили пожилые дамы. – Очень, очень удачный вечер... С каким вкусом, тактом все устроено... Это молодежь наших дней! (152)	–
36) Наконец все было готово: и платье, и белье, и шуба, и башлык, и даже кожаные калоши. Непременно кожаные. Человек хорошего тона не наденет резиновых. (8)	–

Положительную оценку внешности и манерам Карташева дают пожилые дамы (пример 35). Они используют традиционное для женщин в возрасте прилагательное **милый**. Кроме того, **вкус** и **такт** – это оценка этическая, люди старшего поколения высоко оценивают не только вечер, устроенный студентами, но и современную молодежь и таким образом опосредованно хвалят

не просто организаторские способности студентов, но и их манеру поведения.

Устойчивый оборот *хороший тон* ('свойственный благовоспитанным людям' [ССРЛЯ Т. XVII 1965: 401]) выражает частнооценочное значение. В примере 36 будущий студент Карташев и его родные дают оценку студенту с точки зрения внешнего проявления хорошего тона.

4.3. Этические оценки

«Студенты». Н. Г. Гарин- Михайловский (3)	«Однокурсники». П. Д. Боборыкин (1)
37) – Молодец, молодец... способный, с характером... громадную карьеру сделает. (138)	40) .... но у него [Заплата] <i>есть принципы</i> , и он всегда способен поступиться своей свободой за то дело, которое считает правым... (570)
38) – <i>Черт меня побери – я передумал поступать на математический, потому что все равно срежусь.</i> – <i>Инженер путей сообщения, значит, тют-тют?! Куда ж? Неужели на юридический? – весело поразился Корнев.</i> – <i>Угадал!</i> – <i>О-о! Легкомыслие!</i> (15)	–
39) ... <i>Я понимаю, можно не знать, потому что не подготовились, можно и читать – и не схватить сути, но так прямо быть уверенным, что все, что бы вы ни сказали людям, всю свою жизнь посвятившим изучению данного вопроса, сойдет... на что тут можно надеяться?!</i> (120)	–

В примере 37 положительная оценка студента выражается родственником, даже несмотря на то, что оценка сопровождается упоминанием характера, что обычно подразумевает своеволие, неподчинение, но в данном контексте дядя Карташева оценивает его как волевого и целеустремленного студента (*характер – 'твердость, сила воли, упорство в достижении цели'* [ССРЛЯ Т. XVII 1965: 37]).

Еще не ставшие студентами молодые люди (пример 38) оценивают престижность будущих специальностей. В конце XIX в. инженер путей сообщения – престижная, серьезная профессия. Будущие студенты дают отрицательную оценку юристам, считая эту профессию делом для легкомысленных. В этом случае оценка основана не

на личном опыте или знаниях говорящих, а транслирует мнение, которое будущие студенты восприняли от других людей.

В примере 39 представлено отрицательное мнение профессора об ответе студента Карташева на экзамене. Карташев пытается убедить собеседника-экзаменатора общими словами, а не знаниями, полученными из научных источников, при этом ведет себя крайне самоуверенно. По мнению профессора, в этой ситуации возникает вопрос уже не о степени интеллектуальной развитости студента, но о нравственной оценке его поведения.

С точки зрения Нади, невесты Заплата (пример 40), он является принципиальным человеком. Это положительная оценка студента близким человеком.

Анализ оценки с внешней стороны, по данным исследованных текстов, показывает, что в повести «Студенты» люди, не являющиеся студентами, оценивают студентов с точки зрения их ума, внешности и этичности их поступков. В произведении же «Однокурсники» близкие студентам люди, не относящиеся к студенчеству, дают студентам только интеллектуальные и этические оценки.

Исследование характеристик образа студента в вышеуказанных повестях посредством классификации и анализа языковых единиц, обладающих оценочными значениями, привело к следующим выводам.

Героями повестей «Студенты» Н. Г. Гарина-Михайловского и «Однокурсники» П. Д. Боборыкина являются студенты, по-разному оцениваемые представителями различных социальных групп: бывшими, нынешними и будущими студентами; университетскими профессорами; родственниками; близкими людьми (друзьями и невестой).

Внутри самой студенческой среды также существуют различные точки зрения на студенчество и его общественное назначение: с одной стороны, признается, что студенты имеют «идеалы, идеи, знания и хорошие чувства» (Бобор., 515); а с другой – складывается мнение, что они с их «мозговой дрессировкой, ни к черту не годны там, где нужно дело делать...» (Бобор., 586).

Мнения студента / студентов о себе в основном являются отрицательными, а о другом / других – положительными. Это доказывает, что студенты, с одной стороны, подвержены самоанализу и самокритике, а с другой – способны обнаружить и оценить преимущество других. Им свойственно понимание того, что они еще не достигли высокого уровня знаний и образованности, у них присутствует стремление к интеллектуальному развитию.

Частные оценки встречаются чаще общих. Среди частных оценок интеллектуальные (психические) занимают первое место в обеих повестях. Это свидетельствует о том, что для студентов – учащихся высшего учебного заведения, которые активно занимаются умственной деятельностью, – интеллектуальная характеристика является самой главной. Сознание своего интеллектуального несоответствия поставленной задаче или уровню знаний других людей вызывает у студентов чувство униженности, вследствие чего у них возникает отрицательная самооценка. В обоих произведениях мало внимания уделяется внешним чертам студентов.

Кроме того, появляется описание студентов как людей многогранных, в которых положительные качества не исчерпываются умом и уровнем подготовки.

В обществе конца XIX в. к студентам разных специальностей относятся неодинаково, например, оценка студентов института путей сообщения, в который трудно поступить, оказывается выше, чем оценка учащихся юридического факультета. Тем не менее, по данным 1898 г., во всех вузах России юридические факультеты занимают первое или второе место по количеству студентов среди всех специальностей [Арсеньев 1991: 391].

Совпадения в характеристиках студента в обоих источниках – свидетельство того, что интеллектуальные черты занимают важное место в формировании образа студента, особенно это касается качеств, оцениваемых положительно: студент является умным, способным и образованным человеком. Различия в основном прослеживаются в частных чертах характера студента, как в положительных, так и в негативных оценках.

Положительных оценок студента / студентов оказывается больше, чем отрицательных. Это показывает, что студенты как социальная группа в общем имеют хорошую репутацию. Однако исследованная оценочная лексика представляет разные взгляды членов общества на студенчество, которые отражают неоднозначное восприятие этой социальной группы в России указанного периода. С одной стороны, студентов считают прогрессивной частью молодежи, с другой стороны, эта социальная группа получает крайне негативные оценки: со студентами в представлении людей XIX в. связаны асоциальное поведение, хулиганские действия или антиправительственная деятельность. Часто все эти характеристики относятся к участникам студенческих кружков: их поступки порой противоречат ожиданиям общества и нормам поведения. Это противоречие косвенно свидетельствует о том, что в

пореформенной России еще не сложилось однозначного мнения о студенчестве. Сама по себе эта социальная группа была неоднородна, она состояла из людей с различными социальными корнями, с разными целями в жизни, однако объединялась общей деятельностью и сходными ценностными ориентирами: высоко ценились интеллектуальные успехи, умение мыслить, стремление развиваться с целью применить полученные знания на практике.

В рассмотренном прозаическом материале конца XIX в. основные оценки студентов являются рациональными, это объясняется и социальным статусом студентов, и определенными условиями, в которых они получали образование и затем включались в общественную жизнь. Со временем многое изменилось, «современное российское студенчество становится все более неоднородно в социальном отношении» [Дзиов 2014: 166], следовательно, в нынешние дни студенты воспринимают и оценивают по-другому, меняется и их самооценка. Дальнейшие исследования оценок студентов, возникающих в русской прозе других эпох, будут способствовать пониманию того, как развитие образа студента в прозе соотносилось с изменениями в социокультурной ситуации в стране.

Примечание

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию, приведенным в списке источников, с указанием страницы.

Список источников

Гарин – Гарин-Михайловский Н. Г. Студенты. Инженеры. М.: Худож. лит., 1977. 389 с.
Бобор. – *Боборыкин П. Д.* Однокурсники // Сочинения: в 3 т. / сост., подгот. текста, примеч. С. Чуприна. М.: Худож. лит., 1993. Т. 3. С. 502–611.

Список литературы

Арсеньев К. К. Учебное дело // Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 382–398.
Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
Баженова Е. А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 139–146.
Беловинский Л. В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XX в. М.: Эксмо, Око, 2007. 784 с.
Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. 704 с.

Дзюв А. Р. Студенчество в фокусе истории и современности // Вестник Университета Российской академии образования. 2014. № 2. С. 159–167.

Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во МГУ, 1970. 232 с.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2015. Т. 14, № 9. С. 183–200.

Мед Н. Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 235 с.

Общий устав Императорских Российских университетов // Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 1–43.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Наука, 1950–1965.

Федоров В. А. История России XIX – начала XX века. 3-е изд., перераб. М.: Изд-во Моск. ун-та; Академия, 2004. 864 с.

Яковленко А. Е. Преобразование университетских уставов на протяжении XIX века // Уникальные исследования XXI века. Казань: Инд. предприниматель С. В. Кузьмин, 2015. С. 222–225.

References

Arsen'yev K. K. Istoricheskiy ocherk uchebnogo dela v Rossii. Uchebnoye delo [Historical sketch of teaching in Russia. Teaching]. *Rossiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Russia: encyclopedic dictionary]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991a, pp. 382–391. (In Russ.)

Arsen'yev K. K. Kharakteristika glavnykh tipov sushchestvuyushchikh uchebnykh zavedeniy. Uchebnoye delo [Characteristics of the main types of the existing educational institutions. Teaching]. *Rossiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Russia: encyclopedic dictionary]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991b, pp. 391–398. (In Russ.)

Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p. (In Russ.)

Bazhenova E. A. Kategoriya otsenki [Evaluation Category]. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. by M. N. Kozhina. 2nd ed., revised and updated. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006, pp. 139–146. (In Russ.)

Belovinskiy L. V. *Ilyustrirovannyi entsiklopedicheskiy istoriko-bytovoy slovar' russkogo naroda. 18 – nachalo 20 v.* [Illustrated encyclopedic historical and everyday dictionary of the Russian people. 18th – beginning of the 20th century]. Moscow, Eksmo, Oko Publ., 2007. 784 p. (In Russ.)

Wolf E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 228 p.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living great Russian language. In 4 vols.]. Vol. 4. St. Petersburg, Moscow, Tip. M. O. Vol'fa Publ., 1882. 704 p. (In Russ.)

Dzirov A. R. Studenchestvo v fokuse istorii i sovremennosti [Students in the focus of history and modernity]. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya* [Herald of the University of the Russian Academy of Education], 2014, issue 2, pp. 159–167. (In Russ.)

Ivin A. A. *Osnovaniya logiki otsenok* [Bases for the logic of evaluation]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1970. 232 p. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v semanticheskom aspekte [Expressive vocabulary of colloquial use in the semantic aspect]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Vestnik Novosibirsk State University. Series: history and philology], 2015, pp. 183–200. (In Russ.)

Med N. G. *Otsenochnaya kartina mira v ispanskoj leksike i frazeologii (na materiale ispanskoj razgovornoy rechi)* [The evaluative picture of the world in Spanish vocabulary and phraseology (a case study of Spanish colloquial speech)]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2007. 235 p. (In Russ.)

Obshchiy ustav imperatorskikh Rossiyskikh universitetov [General statute for the Imperial Russian universities]. *Universitetskiy ustav 1863 goda* [University statute of 1863]. St. Petersburg Publ., 1863, pp. 1–43. (In Russ.)

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. [Dictionary of modern Russian literary language. In 17 vols.]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1950–1965. (In Russ.)

Fedorov V. A. *Istoriya Rossii 19 – nachala 20 veka* [History of Russia of the 19th – beginning of the 20th century]. 3rd edition, revised. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, Academia Publ., 2004. 864 p. (In Russ.)

Yakovlenko A. E. Preobrazovaniye universitetskikh ustavov na protyazhenii 19 veka [Transformation of university statutes throughout the 19th century]. *Unikal'nyye issledovaniya 21 veka* [The unique studies of the 21st century]. 2015, pp. 222–225. (In Russ.)

**RUSSIAN STUDENTS AT THE END OF THE 19th CENTURY:
EVALUATIVE DESCRIPTIONS (a Case Study of the Novels *Students*
by N. G. Garin-Mikhailovsky and *Classmates* by P. D. Boborykin)**

Yao Xue

Postgraduate Student in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation. xueyao@mail.ru

SPIN-code: 9214-9808

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8302-1231>

ResearcherID: J-4032-2017

This article focuses on evaluative descriptions of students from different points of view in Russian prose at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. Prose of this period describes the results of the reforms of the 1860s, including the reform in the field of education. Students in the prose are presented as a social group which is not only engaged in getting education but is also involved in social and political activities. Evaluations of students by different members of the society and self-evaluations make it possible to get an idea of specific features of the student of this period. Analysis of such evaluative descriptions allows us to identify a range of views about the students in the period under study, and to understand students' place and role in the social life of that time. The research material were the novels *Students* (1895–98) by N. G. Garin-Mikhailovsky and *Classmates* (1900) by P. D. Boborykin. To analyze the material, the classification approach worked out by N. D. Arutyunova is applied, taking into account different types of evaluations: general and special (sensory evaluations; psychological evaluations: intellectual and emotional; aesthetic evaluations; ethical evaluations; utilitarian evaluations; normative evaluations; teleological evaluations) and different subjects of evaluations, i.e. opinions are analyzed from the internal and external points of view, e. g., of current students, former and future, professors of universities, students' relatives, their close people, representatives of other social groups, including people of the older generation, etc. This approach makes it possible to identify how students were perceived in that period and how they influenced the society of that time.

Key words: Russian literary language of the 19th century; Russian prose in the late 19th – early 20th centuries; culturological characteristics; personal characteristics; linguistic evaluation; image of a student.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111“1929”
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-80-87

«СВОЯ КОМНАТА» (1929) ВИРДЖИНИИ ВУЛФ: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МЕТАФОРА В ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОМ И ГЕНДЕРНОМ ПРОЧТЕНИИ

Марина Сергеевна Бережная

аспирант кафедры теории и истории литературы

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет

344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93. m.beregnyaya@me.com

SPIN-код: 8578-5974

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0050-7648>

ResearcherID: K-4707-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бережная М. С. «Своя комната» (1929) Вирджинии Вулф: пространственная метафора в историко-культурном и гендерном прочтении // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 80–87. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-80-87

Please cite this article in English as:

Berezhnaya M. S. «Svoya komnata» Virdzhinii Vulf: prostranstvennaya metafora v istoriko-kul'turnom i gendernom prochtenii [Historical, Cultural and Gender Readings of Space Metaphor in Virginia Woolf's *A Room Of One's Own*]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 80–87. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-80-87 (In Russ.)

Автор статьи обращается к теме метафоричности изображения частного женского пространства, описанного в каноническом эссе Вирджинии Вулф «Своя комната». Ставшее одним из первых феминистских текстов и оказавшее влияние на феминистскую теорию, эссе обнаруживает причины творческих неудач женщин на литературном поприще и приводит нас к заключению о том, что незначительное число писательниц в девятнадцатом веке может быть объяснено материальными причинами, такими как отсутствие частного пространства (собственной комнаты) и независимого дохода. Целью статьи является анализ пространственной метафоры «своей комнаты» как женского пространства частного уединения, противопоставленного мужскому пространству (кабинет, библиотека) относительно доступности знания и личного самовыражения. Кроме того, идентифицируются системы со- и противопоставления пространства «своей комнаты» с другими социально и гендерно маркированными пространствами. Акцентируется внимание на различии восприятия образа собственной комнаты в историческом и культурном контексте и развивается идея о том, что образ комнаты служит метафорой женской идентичности, а также является поворотным моментом в проблематизации женского вопроса. Автор обосновывает вывод о многозначности образа своей комнаты как женского пространства: с одной стороны, являющегося необходимым условием социальной, экономической, творческой состоятельности женщины, а с другой – становящегося метафорой ее видения мира, ее знания и опыта, манифестом ее инаковости. Таким образом, метафора «своя комната» становится инструментом феминистской критики, приобретая в том числе значение места, формирующего саму возможность женского дискурса.

Ключевые слова: феминизм; Вирджиния Вулф; своя комната; женское творчество; патриархальный уклад; метафора личного пространства.

Эссе «Своя комната», опубликованному Вирджинией Вулф в 1929 г., было суждено стать каноническим текстом феминистской теории. В его основе лежали два публичных выступления Вулф на тему «Женщины и литература» в Кембриджском университете. На протяжении всей своей жизни окруженная блестящими кембриджскими умами (см. подробнее: [Lee 1997]), Вулф получила домашнее образование отнюдь не консервативного толка [Джумайло 2016: 14]. Возможно, поэтому Вулф оказалась способной подвергнуть критике образовательные, социальные и финансовые институты своего времени, отрицающие саму возможность существования творческой женской самореализации.

Однако широкий резонанс эссе получило лишь много лет спустя, в 1970-х гг., обретя статус канонического феминистского текста. Для теории феминизма в нем впервые публично заявлено о праве женщины на выражение женского видения и опыта, о праве на равное внимание к ценности женского письма, о естественном праве женщины мыслить и писать иначе. В российском литературоведении внимание к феминистским аспектам творчества Вирджинии Вулф обозначилось в 1980-е гг. с появлением вступительных статей Е. Гениевой к ее произведениям [Гениева 1984; Гениева 1989]. В последние годы обращение к творчеству Вулф и других писательниц не обходится без упоминания легендарного эссе «Своя комната» [Анцыферова 2005; Анцыферова 2008]. В то же время отмечается интерес к поэтике пространства в творчестве Вульф [Соснин, Ситникова 2014], к малой прозе Вульф [Жуковская 2008, Коврижина 2016], что подтверждает значимость ее произведений в контексте современной литературы. Однако образ комнаты до сих пор не связывался с историей женского вопроса и возможностями творческого самовыражения женщин в тех или иных социальных и культурных условиях.

Следует подчеркнуть, что Вулф делает экскурс в историю вопроса, проливая свет на причины неуспеха женщин на литературном поприще. Она исследует препятствия и трудности на пути женщин-писательниц и приходит к выводу, что отсутствие значительного числа известных писательниц до XIX в. может быть объяснено, в числе прочего, и материальными причинами, а именно отсутствием собственного пространства (комнаты) и независимого дохода: «У каждой женщины, если она собирается писать, должны быть средства и своя комната» (Вулф, 80)¹.

При этом проблема комнаты как необходимой собственности, которой должна обладать женщина для того, чтобы ее голос и мнение были услышаны, стала объектом разногласий. Так,

весьма курьезно Д. Р. Соломон обвиняет Вулф в буржуазных потребностях обладать частной собственностью, являющейся неотъемлемой чертой традиционного уклада, что, по мнению исследователя, подрывает основы феминистской политики [Solomon 1989: 331–347].

Поворот феминистской теории 1980-х в сторону психоаналитической критики субъекта и теории деконструкции позволяет прочитать Вулф по-новому. Торил Мой отдает должное самой манере письма Вулф, называя ее дискурсивными отступлениями [Moi 1985: 39]. Кроме того, по мнению исследователя, Вулф обнаружила фундаментальную недостаточность языковых возможностей, которая ставит под сомнение воспроизведение женского «опыта» в его целостности как проживаемого цельным сознанием, присутствующим «здесь и сейчас». Для того чтобы убедительно построить женскую перспективу в «Своей комнате», Вулф не ограничивает себя и обращается в большей степени к вымыслу, чем к правде, использует форму повествования от третьего лица, будто избегая однозначности оценок. Таким образом, Вулф будто утверждает индивидуальную автономность, текстовую двусмысленность «чужого» сознания, опровергая один из критических аргументов Шоуолтер [Stevenson 2014: 114].

Примечательна в этом отношении реакция известной феминистки Элейн Шоуолтер: она обвинила Вулф в уклонении от общественных обязательств, бегстве от активной критической позиции в «свою комнату». По ее мнению, в своем эссе Вулф не дает примеров борьбы с существующим патриархальным порядком и пишет лишь о печальном опыте и нелегкой судьбе своих предшественниц: «Вирджиния Вулф особенно обращала внимание на тот женский опыт, который делал их слабыми, и была менее внимательна к тому, который делал их сильнее» [Showalter 1978 in Eagleton (ed.) 2013: 28]. Другим аргументом против Вулф стал проявляемый писательницей психологический эскапизм. В прочтении Шоуолтер, своя комната становилась не только убежищем от социальных требований, но и практически тюрьмой, отчуждающей женщину-писателя от реального мира.

Трудно согласиться с утверждением Шоуолтер в том, что Вульф «пропагандирует стратегическое отступление, а не победу; отрицание чувств, а не управление ими» [там же]. Говоря о женщинах и творчестве, Вирджиния Вульф утверждает, что «миллионы лет женщины просидели взаперти, так что сегодня сами стены насыщены их творческой силой, которая уже настолько превысила поглощающую способность кирпича и извести, что требует выхода к кистям и перьям, делу, политике» (136). Таким

образом, она подтверждает весьма распространенный троп в английской литературе: образ женщины неотделим от пространства комнаты – и показывает, что для женщины это домашнее пространство является подавляющим, где накопление неиспользованной энергии может стать порождением творческой и интеллектуальной свободы, выраженной понятием «своя комната».

Более того, Вулф говорит о комнате как об отправной точке, месте, с которого вообще может быть начат разговор о женщине и ее творчестве. В пространстве комнаты становится возможным письмо, которое имеет право быть написанным женщиной, свободной от какого-либо давления, располагающей временем, экономической независимостью и физическим пространством для размышлений. «Своя комната», по нашему мнению, это не только необходимое женщине место уединения, это пространство, позволяющее определить и выразить свою точку зрения, лишённое гендерных стереотипов, дарующее возможность правдиво написать о себе. С проблемы комнаты можно и должно говорить не только о праве на собственность, но и о праве на оглашение женского вопроса и перспективу его решения.

В нашем исследовании мы стремимся обозначить системы со- и противопоставлений комнаты и других социально и гендерно маркированных пространств, осмыслить спектр потенциальных значений метафоры «своя комната» у Вулф, не обходя историко-культурных контекстов прочтения, но и не ограничиваясь ими. Как представляется, эссе позволяет Вулф очертить весьма широкий перечень условий для социальной и экономической состоятельности женщины, позволяющих ей найти путь к творческому самовыражению и «своему» видению.

К гендерной и социальной маркировке домашнего пространства обращались М. Вигли и В. Роснер. Изучая работы Леона Баттисты Альберти по частной архитектуре, написанные в пятнадцатом веке, Вигли отмечает, что пространство кабинета определяло внутренние границы женской власти в доме (см. подробнее: [Vigley 1992]), поскольку женщинам эпохи Возрождения запрещалось переступить порог кабинета. В своих работах исследователи привлекают внимание к дискурсивности пространства, которое всегда является идеологизированным. В соответствии с их прочтением, пространство кабинета поддерживается патриархальной идеологией, направленной на утверждение власти и автономии мужчины. По словам Вигли, пространство кабинета обуславливает гендерная идентичность, он полагает, что роль архитектуры выражается не только в эксплицитном контроле различных

полов, в частности женщин, а в системах репрезентации, которые производят пространство (см. подробнее: [там же]). Другими словами, пространство предписывает понимание гендерных отличий и является способом понимания этих отличий. Кроме того, в соответствии с Роснер, кабинет – это «самая закрытая комната дома, место, где писатель может размышлять о жизни без непосредственного в нее вмешательства» [Rosner 2005: 122]). Таким образом, кабинет представляет собой привилегированное место, в котором писатель-вуайер в одиночестве и без помех раздумывает о жизни.

К внутреннему пространству дома и кабинета, представленного Вирджинией Вулф, обращается К. Стивенсон. При этом, согласно мнению исследователя, комната как часть пространства неотделима от образа женщины так же, как и кабинет неразрывно связан с творческим началом мужчины. Комната, бывшая некогда местом домашнего узничества (*domestic confinement*), стала представляться местом динамичного роста женского потенциала [Stevenson 2014: 112].

Метафора комнаты буквально почти помогает Вулф выразить идею социальных и культурных ограничений, накладываемых на женщину патриархальным обществом. Иначе говоря, отсутствие «своего» пространства, предназначенного не для рукоделия, а для творческого самовыражения на письме, у женщины, воспитанной в рамках викторианских культурных конвенций, будто лишало ее права на обретение самостоятельного «Я». «Женщина среднего класса даже в начале девятнадцатого века не могла и мечтать о своей комнате, не говоря о тихой или запертой от посторонних...у нее никогда не наступало облегчения...» (113).

Концептуализация «своей комнаты» как пространства с семантикой кабинета становится ключевой и в раскрытии индивидуальности женщины-творца. А материальное воплощение этой возможности реализуется не только с позиции материальной независимости женщины и пресловутого вопроса собственности, но и с позиций *своего пространства*, в котором женщина получает возможность свободно мыслить без страха, что ее потревожат и прервут поток ее вдохновения, лишат ее «полноценного творческого состояния» (115).

Пытаясь проследить историю английских женщин-писательниц, Вулф отмечает невозможность появления и проявления женского гения: в шестнадцатом веке пространство, в котором обитает женщина, предстает перед нами в виде дома «с темными, тесными клетушками» (116), в которых занятая работой по дому и детьми женщина не могла и думать о поэзии. Обремененные

тяжелой работой по хозяйству и воспитанием многочисленных детей женщины редко доживали до зрелого возраста. До нас не дошла практически никакая информация о женщинах-поэтессах елизаветинской эпохи. По мнению автора, «уродись в XVI веке гениальная женщина, она наверняка помешалась бы, или застрелилась, или доживала свой век в домишке на отшибе полуведьмой, полузнахаркой на страх и потеху всей деревне» (111).

Почти полностью отсутствует информация о жизни женщин елизаветинской эпохи, об их «воспитании, образе жизни: учили ли их писать, были ли у них угол в общей комнате... чем они занимались целый день?» (108). За редкими исключениями, история не знает письменных доказательств творчества и самовыражения женщин среднего класса: «Мемуаров она не пишет, дневник – едва ли; уцелела только горстка писем. Как нам судить о ней, если она не оставила после себя ни пьес, ни стихов?» Невыразимо тяжела была и сама женская судьба – «ее (женщину) выдавали замуж против воли прямо из детской» (108). Женщины начинали работать рано, «принуждаемые родителями и всей властью закона и уклада» (110). Этими фактами и объясняет Вулф отсутствие гениальных писательниц во времена Шекспира: «такой талант не вырастает среди батрачества, темноты, холопства» (110).

Вулф говорит о том, что, например, в девятнадцатом веке женщина не располагала личным временем и имела возможность писать, только находясь в общей комнате с остальными членами семьи или гостями, не отрываясь при этом от исполнения своих обязанностей жены, матери и хозяйки дома. Причем, по сравнению с этими обязанностями, письму уделялось лишь второстепенное значение. Женщины старались сделать это занятие как можно более незаметным для окружающих, что, несомненно, тормозило развитие традиции женского письма. В эссе приведен отрывок из мемуаров племянника Джейн Остен, в котором тот с удивлением признается: «Как она все сумела написать <...>, ведь у нее не было своего кабинета, и большей частью ей приходилось работать в общей комнате, где все время возникали какие-нибудь помехи. Она зорко следила, чтобы о ее занятии не догадалась прислуга или кто-нибудь из гостей – словом, люди чужие» (122).

Ограничения, применяемые обществом к женщине, выражались в первую очередь в ограничении ее образовательных возможностей по сравнению с мужчинами, что невероятно осложняло ее творческое развитие и рост. По этому поводу К. Биндер пишет: «...целью образования девочек была подготовка их к браку и супруже-

ской жизни, тогда как для мальчиков образование означало подготовку к их будущей профессиональной деятельности и карьере» [Binder 2014: 136] и «Во второй половине девятнадцатого века вплоть до Первой мировой войны широко распространенной практикой у среднего класса было отправлять сыновей в учебные заведения, в то время как дочерей оставляли дома, где их образованием занимались матери и гувернантки» [там же: 138]. В поиске своей идентичности и своего места в мире женщинам не на что было опираться и ориентироваться, в отличие от мужчин, за плечами которых стоит «традиция, а за другими (женщинами) – пустота...» (94). Любопытно, что, говоря о возможностях образования женщин, Вулф упоминает, что посещение университетской библиотеки дамам возможно лишь «в обществе Члена Университетского Совета или с рекомендательным письмом» (83). Вводя вымышленный персонаж Мэри, которая отправляется в библиотеку Британского музея, чтобы собрать информацию о женщинах, Вулф выстраивает аргументацию, подтверждающую ее тезис о том, что литература и история создана мужчинами, при этом роль и значение женщины традиционно принижается.

Отсюда, по-видимому, проистекает и аллегорическое противопоставление Фернхем и Оксбриджа в эссе. «Нужно ли говорить, что описанного ниже нет на самом деле, Оксбридж и Фернхем – выдумка, как и «я» – безымянное, вымышленное лицо» (81). На самом деле все герои и места были либо изменены до неузнаваемости, либо отсылали к эпизодам биографии самой Вулф. Фернхем – это колледж Ньюхем в Кембридже, где она прочитала курс лекций, давших начало эссе. Двоюродная сестра Вулф Кэтрин Стивен была причастна руководству колледжа. В книге она – Мэри Сетон, которая объясняет Мэри Бетон причины, почему женские учебные заведения так бедны.

На страницах эссе Вулф сравнивает финансовые возможности университетов для мужчин Оксбридж и первого женского колледжа Фернхем. Старейшие университеты, дававшие образование поколениям мужчин, располагают неограниченными финансовыми возможностями. В них имеются «библиотеки и лаборатории, обсерватории, великолепные кабинеты с тончайшими дорогими приборами в стеклянных шкафах» (84). Под их стенами заложены «целые сокровища», пожалованные королями, епископами, а позже предпринимателями, которые «сколотили себе состояние в промышленности, а потом в своих завещаниях воздали сторицей родному университету за науку» (84). Резкий и яркий контраст Оксбриджу создает описание женского колледжа

Фернхем, здание которого, на внешний вид простое и даже бедное, окружено садами, которые Вулф описывает как «дикие и просторные... непокорные» (89). Эти сады символизируют женское стремление и упорство к перемене своей участи и изменению своего положения. Деньги на постройку колледжа собирали женщины «медленно, преодолевая сопротивление, тратя силы, здоровье, время... И все-таки после долгой борьбы им удалось насобирать те тридцать тысяч» (91). Побывав на званом завтраке в Оксбридже и обеде в Фернхеме, Вулф отмечает роскошь и обилие завтрака в Оксбридже с поданными к столу куропатками, морским языком, пудингами и вином – разнообразной пищей, от которой, по мнению Вулф, «внутри, где у человека душа, затеплился свет – не напряженный, наэлектризованный блеск, а ровное, глубокое тепло духовного общения» (85). Этому противопоставляется скудость и аскетичность трапезы в Фернхеме, где к обеду был подан простой бульон, над которым, по признанию Вулф, не «пофантазируешь» (90), и чернослив с драченной и сухими, как камень, бисквитами. От этой, хотя и здоровой, еды «плохо думается, плохо любит, не спится. От говядины и чернослива в душе не затеплится свет» (90).

И все же «своя комната» у Вулф – это метафора возможности финансовой независимости и также независимости социальной, что предполагало выход женщины в публичные сферы. Учебные заведения для женщин не могли позволить себе роскошные условия, само их создание потребовало преодоления колоссального сопротивления со стороны патриархального общества. Женщина полностью принадлежала семье и детям и не имела возможности научиться «великому искусству делать деньги и завещать их потом своим дочерям на звания и стипендии, как это делали для своих сыновей отцы» (92). Да и распоряжаться своими финансами и стать «законной хозяйкой своих пенсов» (93) женщина получила возможность лишь в 1880 г.

Для женщины в шестнадцатом веке «вести открытую жизнь художника в Лондоне... было равносильно самоубийству» (111). Патриархальное общество высшей ценностью и достоинством женщины считало целомудрие и внушало женщинам, что известность на публике недопустима и аморальна; любое проявление творчества активно порицалось и каралось обществом. Отсюда и желание писательниц скрывать свои истинные имена и писать под мужским псевдонимом, как это делали сестры Бронте, Джордж Элиот, Жорж Санд.

По мнению Вулф, редкие женщины-поэтессы принадлежали к дворянскому сословию и имели

возможность писать, талант и образование. К этим единицам она причисляет Леди Уинчилси и Маргарет Ньюкасл, презревших каноны традиционного женского поведения, но оказавшихся не понятыми и не принятыми обществом, которое незамедлительно объявило их умалишенными. Даже эти исключения доказывают невозможность полноценного творческого развития: «Та, что родилась поэтом в шестнадцатом веке, была несчастной, ей приходилось воевать с самой собой. Все ее жизненные условия и все внутри нее противилось тому состоянию, когда свободно излагается любая тема» (112). По нашему мнению, в данном случае личное пространство собственной комнаты хотя и предполагает возможность для творчества, но имплицитно несет идею уединения, изолированности и разрыва с внешним миром. Запершись в своих замках, леди-аристократки изливали свою горечь и гнев на бумагу, их творчество не было предназначено для широкой публики, оно не получило одобрения и дальнейшего развития и, в конце концов, разрушило надежды своих создательниц на признание.

Если до девятнадцатого века исторически зафиксированы единичные примеры эмансипированных женщин, зарабатывающих на жизнь творчеством, то и позднее их профессиональное становление было нелегким. В девятнадцатом веке общество было настроено враждебно по отношению к пишущей женщине, «ее всячески осаживали, оскорбляли нотациями и проповедями», а самим писательницам приходилось скрывать свое имя под псевдонимом, творческое сознание автора «было в постоянном напряжении, и она тратила силы и время, отвечая на тычки, уколы, опровергая одно, отражая другое». Женщины-писательницы в большей степени, нежели мужчины-писатели, страдали от внешних обстоятельств или различного рода условностей. Например, женщине нельзя было ходить самостоятельно по городу, обедать в кафе или свободно перемещаться. Эти социальные факторы отнюдь не способствовали развитию женской литературы и раскрытию женской идентичности. Отсутствие возможности путешествовать мешало женщинам расширять свой кругозор и обогащать жизненный опыт, который «был ограничен четырьмя стенами родительского дома» (125). В данном случае пространство общей комнаты, населенной домашними, характеризуется как ограничивающее любое проявление творческого порыва. Его противоположностью становится пространство «своей» комнаты, несущее черты личного и уникального.

Переломным, по мнению Вулф, явился тот момент, когда женщинам их творчество стало

приносить доход и независимость: «постепенно женщины начали братья за перо уже не по “безумию” или в “беспамятстве”, а из чисто практических соображений. Положим, умер муж или на семью обрушилось какое-то несчастье. Сотни женщин с наступлением девятнадцатого века начали помогать родным, выручая деньги за переводы <...> Так что широкая активность среди женщин в конце восемнадцатого века – беседы, встречи, эссе о Шекспире, переводы классиков – имела уже под собой твердую почву: женщины стали зарабатывать своим творчеством. Деньги придали вес “пустому вздору”. И хотя их еще можно было уколоть, назвав синим чулком с “чернильным зудом”, их практическую жилку отрицать уже было нельзя» (121).

Возможность получать доход и распоряжаться наследством, утверждает Вулф, освободило женщину, «дало свободу думать о сути вещей... очеловечило... небо, научив свободно смотреть на мир» (104). В этом отношении примечателен фиктивный образ, избранный Вулф для эссе: рассказчица Мэри Бетон жила в Лондоне, в доме у реки, и зарабатывала на жизнь различными способами, доступными женщине среднего класса и не имеющей опыта работы (любительская журналистика, работа офисного клерка, преподавание в школе). Только после того, как она наследовала от своей тети 500 фунтов годового дохода, Мэри смогла подумать о свободе личностной реализации².

Проведенный анализ эссе позволил обозначить системы со- и противопоставлений комнаты (как женского пространства) и библиотеки / кабинета (как пространства мужского) в плане доступности знания и личностного самовыражения; своя комната оказывается пространством приватного уединения, образом, связанным со специфически выраженным женским опытом, и одновременно местом, с которого только и возможен публичный разговор о женских правах.

Эссе «Своя комната» Вулф дает повод говорить о том, что своя комната, с одной стороны, является метафорой *условий* социальной, экономической, творческой состоятельности женщины, а с другой – становится метафорой *ее видения* мира, ее знания и опыта, манифестом ее инаковости, всего того, о чем она может *рассказать*. Вклад Вулф в феминистское движение заключается, главным образом, в побуждении к письму как способу сбросить невидимые путы мужского доминирования, к бунту против мужского ига путем обретения *своего места и своего голоса*: «Нам надо войти в свою комнату...» (136).

Примечания

¹ Здесь и далее эссе Вулф «Своя комната» цитируется по изданию: Эти загадочные англичанки / пер. с англ. Н. Бушмановой. М.: Прогресс, 1992. С. 78–152. Далее в статье цитируемые страницы указываются в круглых скобках.

² Сама Вирджиния Вулф наследовала 2500 фунтов от своей тети Каролины Эмили Стивен, жизнь которой была менее романтична. Другая Мэри – Мэри Карлайл, автор «Приключения длиною в жизнь», возможно, также является пародийным или собирательным образом.

Список литературы

Анциферова О. Ю. Извивы феминистского литературоведения (материалы к спецкурсу) // Женщина в российском обществе. 2005. № 3–4. С. 73–86.

Анциферова О. Ю. Имеет ли воображение расовые корни? (Американский африканизм Тони Моррисон) // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. Вып. 1. С. 3–13.

Вулф В. Своя комната // Эти загадочные англичанки / пер. с англ. Н. Бушмановой М.: Прогресс, 1992. С. 78–152.

Гениева Е. Ю. Правда факта и правда видения // Вулф В. Избранное. М.: Худож. лит., 1989. С. 3–22.

Гениева Е. Ю. Остановленное мгновение: Предисловие // Вулф В. Миссис Дэллоуэй. Эссе: сб. [на англ. яз.] / сост. Е. Ю. Гениева. М.: Радуга, 1984. С. 7–30.

Джумайло О. А. Утопия и селекция в романе В. Вулф «Миссис Дэллоуэй» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. №. 4. С. 12–19.

Жуковская О. А. Поэтика малой художественной прозы Вирджинии Вулф: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2008. 23 с.

Коврижина Я. С. Проза Вирджинии Вулф: интермедийный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2016. 21 с.

Соснин А. В., Ситникова Е. А. По Лондонским маршрутам Вирджинии Вулф // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 1. С. 91–104.

Binder C. M. From Innocence to Experience. (Re-)Constructions of Childhood in Victorian Women's Autobiography. Trier: WVT Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2014. 402 p.

Lee H. Virginia Woolf. L.: Vintage, 1997. 892 p.

Moi T. Sexual / Textual Politics: Feminist Literary Theory. L.; N. Y.: Methuen, 1985. P. 1–18 (reprint in Eagleton M. (ed.). Feminist Literary Criticism. Routledge, 2013. P. 37–52).

Rosner V. *Modernism and the Architecture of Private Life: Gender and Culture*. N. Y.: Columbia UP, 2005 (e-book). 241 p.

Showalter E. *A Literature of Their Own: British Woman Novelists from Bronte to Lessing*. L.: Virago, 1978. P. 263–265, 282–297 (reprint in Eagleton M. (ed.). *Feminist Literary Criticism*. Routledge, 2013. P. 24–37).

Solomon J. R. *Staking Ground: The Politics of Space in Virginia Woolf's a Room of One's Own and Three Guineas // Women's Studies*. 1989. № 16. P. 331–347.

Stevenson C. “Here Was One Room, There Another”: The Room, Authorship, and Feminine Desire in *A Room of One's Own* and *Mrs. Dalloway* // *Pacific Coast Philology*. 2014. Vol. 49, issue 1. P. 112–132.

Wigley M. *Untitled: The Housing of Gender // Sexuality and Space* / ed. Beatriz Colomina. N. Y.: Princeton Architectural Press, 1992. P. 327–389.

Woolf V. *A Room of One's Own*. L.: Penguin Books, 2002. 112 p.

References

Antsyferova O. Yu. Izvivy feministского literaturovedeniya (materialy k spetskursu). [The Twists of Feminist Literary Criticism (*Special Course Materials*)] *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2005, issues 3–4, pp. 73–86. (In Russ.)

Antsyferova O. Yu. Imeet li literaturnoe voobrazhenie rasovye korni? (Amerikanskiy afrikanizm Toni Morrison) [Does Literary Imagination Have Racial Background?] *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. [Ivanovo State University Herald. Humanities], 2008, issue 1, pp. 3–13. (In Russ.)

Genieva E. Yu. Pravda fakta i pravda videniya [The truth of fact and the truth of vision]. *Vulf V. Izbrannoe* [Woolf V. Selected works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989, pp. 3–22. (In Russ.)

Genieva E. Yu. Ostanovlennoe mgnoven'e: Pre-dislovie [Grasped moment. Preface]. *Vulf V. Missis Dellouey. Esse: sb. [na angl. yaz.]*. [Woolf V. Mrs Dalloway. Essay: Collection in English]. Comp. by E. Yu. Genieva. Moscow, Raduga Publ., 1984, pp. 7–30. (In Russ.)

Woolf V. *Svoya komnata*. [A Room of One's Own]. *Eti zagadochnye anglichanki* [These enigmatical Englishwomen]. Transl. from English by N. Bushmanova. Moscow, Progress Publ., 1992, pp. 78–152. (In Russ.)

Dzhumaylo O. A. Utopiya i selektsiya v romane V. Vulf “Missis Dellouey” [Utopia and Selection in

the novel ‘Mrs. Dalloway’ by Virginia Woolf]. *Izvestiya yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences], 2016, issue 4, pp. 12–19. (In Russ.)

Zhukovskaya O. A. *Poetika maloy khudozhestvennoy prozy Virdzhinii Vulf*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The Poetics of Flash Fiction by Virginia Woolf. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Velikiy Novgorod, 2008. 23 p. (In Russ.)

Kovrizhina Ya. S. *Proza Virdzhinii Vulf: inter-medial'niy aspekt*. Avtoreferat diss. kand. filol. Nauk [Intermediality of Virginia Woolf's Prose. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ivanovo, 2016. 21 p. (In Russ.)

Sosnin A. V., Sitnikova E.A. Po Londonskim marshrutam Virdzhinii Vulf. [Following Virginia Woolf's London Routes]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, issue 1, pp. 91–104. (In Russ.)

Binder C. M. *From Innocence to Experience. (Re-) Constructions of Childhood in Victorian Women's Autobiography*. Trier, WVT Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2014. 402 p. (In Eng.)

Lee H. *Virginia Woolf*. London, Vintage, 1997. 892 p. (In Eng.)

Moi T. *Sexual / Textual Politics: Feminist Literary Theory*. London and New York, Methuen, 1985, pp. 1–18 (reprint in: Eagleton M. (ed.) *Feminist Literary Criticism*. Routledge, 2013, pp. 37–52). (In Eng.)

Rosner V. *Modernism and the Architecture of Private Life: Gender and Culture*. New York, Columbia UP, 2005 (e-book). 241 p. (In Eng.)

Showalter E. *A Literature of Their Own: British Woman Novelists from Bronte to Lessing*. London, Virago, 1978, pp. 263–265, 282–297. (reprint in: Eagleton M. (ed.) *Feminist Literary Criticism*. Routledge, 2013, pp. 24–37). (In Eng.)

Solomon J. R. *Staking Ground: The Politics of Space in Virginia Woolf's “A Room of One's Own” and “Three Guinea”*. *Women's Studies*, 1989, vol. 16, issue 3–4, pp. 331–347. (In Eng.)

Stevenson C. “Here Was One Room, There Another”: The Room, Authorship, and Feminine Desire in *A Room of One's Own* and *Mrs. Dalloway*. *Pacific Coast Philology*, 2014, vol. 49, issue 1, pp. 112–132. (In Eng.)

Wigley M. *Untitled: The Housing of Gender. Sexuality and Space*. Ed. by Beatriz Colomina. New York, Princeton Architectural Press, 1992, pp. 327–389. (In Eng.)

Woolf V. *A Room of One's Own*. London, Penguin Books, 2002. 112 p. (In Eng.)

HISTORICAL, CULTURAL AND GENDER READINGS OF SPACE METAPHOR IN VIRGINIA WOOLF'S *A ROOM OF ONE'S OWN*

Marina S. Berezhnaya

Postgraduate Student in the Department of World Literature and Criticism

Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication of Southern Federal University

93, Universitetskiy per., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation. m.beregnaya@me.com

SPIN-code: 8578-5974

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0050-7648>

ResearcherID: K-4707-2017

The article focuses on the metaphorical meaning of private space in the canonical essay by Virginia Woolf *A Room of One's Own* (1929). This most influential feminist text reveals the reasons for women's failure in the literary field and concludes that such an insufficient number of women writers in the 19th century can be explained by their material circumstances, such as unavailability of private space (their own room) and independent income. The paper aims to analyze the space metaphor "one's own room" as women's space of privacy, compared and contrasted to men's socially approved spaces (the study and library) in terms of the knowledge and self-expression available within those spaces to both sexes. The article identifies the systems of juxtaposition and opposition between the space of "one's own room" and other socially and gender-marked spaces. It also demonstrates the wide range of meanings of the room trope within historical and cultural context, and develops the idea that the imagery of a room serves as a metaphor of female self and as a starting point for raising "the woman question". The paper concludes that the metaphor of "one's own room" conveys multiple meanings. On the one hand, it establishes a complex set of standards for women's creativity, especially through writing. On the other hand, the room imagery becomes the manifestation of women's experience of privacy, their worldview, and their otherness. Examination of space metaphor in critical theory, culture and historical studies proved to be rather productive. The metaphor of one's own room is transformed by feminist criticism into a powerful tool, acquiring the meaning of the very possibility of women's discourse.

Key words: feminism; Virginia Woolf; one's own room; women's writing; patriarchal order; space metaphor.

УДК 821.161.1.09“18”Тургенев06+821.161.1.09“1992/...”
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-88-95

И. С. ТУРГЕНЕВ И СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Юлия Александровна Гимранова

аспирант кафедры литературы и методики обучения литературы

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

454080, г. Челябинск, просп. Ленина, 69. J5G@mail.ru

SPIN-код: 5288-1922

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8764-5439>

ResearcherID: K-3033-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гимранова Ю. А. И. С. Тургенев и современная русская литература // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 88–95. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-88-95

Please cite this article in English as:

Gimranova Ju. A. I. S. Turgenev i sovremennaya russkaya literatura [Turgenev and Modern Russian Literature]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 88–95. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-88-95 (In Russ.)

В статье выявляются связи современной русской литературы (конец XX – начало XXI в.) и мифологизированного концепта «Тургенев», который несет в себе семантическую нагрузку творчества и биографии классика; поднимаются вопросы воздействия его образа и произведений на творчество писателей-постмодернистов. Предпринята попытка исследовать формы проявления данного мифа и его смысловую нагруженность в анализируемых текстах – неоднородных по жанру, стилю, степени художественности, этическим и эстетическим взглядам произведениях современных авторов: А. Королева, Л. Петрушевской, М. Галиной, С. Довлатова, В. Пьецуха, М. Гиголашвилли, А. Бильжо. Интерес к мифу «Тургенев» кроется, с одной стороны, во всеми признанной авторитетности И. С. Тургенева в истории русской литературы, в его непререкаемом величии (что видится современным авторам незаслуженным), с другой – в противоречивой личности классика, а также в нестандартности жизни писателя «на краю чужого гнезда». Бессилие, страх перед жизнью, отсутствие у него воли видят Королев, Петрушевская и Галина, которые вводят Тургенева в качестве персонажа в свои произведения. Но эта акцентуация на неспособности Ивана Сергеевича к нормальному, с их точки зрения, существованию, к свободе выбора открывает более глубокие пласты текста: Королев приходит к философской теме выбора добра или зла, Петрушевская через образ писателя в банке показывает свое видение места классики сегодня, а Галина в стиле хоррора открывает перед нами Тургенева как мистически одаренного человека, находящегося на грани безумия от накала собственных эмоций. Взгляды Довлатова, Гиголашвилли и Пьецуха позволяют «снизить планку» и без излишнего пиетета разглядеть наследие классика, детально разобрав все плюсы и минусы. Текст Бильжо без напряжения, с юмором открывает перед читателем повесть XIX в. с новой стороны.

Ключевые слова: классика; современность; миф; концепт; претекст; мастерство; актуализация.

Безусловность авторитета Ивана Сергеевича Тургенева в истории русской литературы не подвергается сомнению (Г. Б. Курляндская, П. Г. Пустовойт, А. Г. Цейтлин, Ю. М. Лотман, В. В. Голубков, Г. А. Бялый и др.). А. Г. Цейтлин приходит к выводу: «Тургенев был воспитателем последующей русской литературы, учившем ее литературному мастерству» [Цейтлин 1958: 3]. А Ю. М. Лотман уточняет: «...Тургенев приобрел значение “писателя для писателей”. Его про-

изведения открывали перед литературой новые перспективы, на него смотрели, как на мастера, авторитетного судью в вопросах искусства, и он ощущал свою ответственность за его судьбу» [Лотман 1997: 726]. Таким образом, преемственность творческого метода и в какой-то степени мировоззрения классика в произведениях конца XIX – начала и середины XX в. является доказанной и неоднократно рассмотренной (Г. А. Бялый «Тургенев и русский реализм», Г. Б. Кур-

ляндская «И.С. Тургенев и русская литература», А. Г. Цейтлин «Мастерство Тургенева-романиста», Е. В. Тюхова «Тургенев и Чехов – преемственные и типологические связи», О. Ф. Кобелева кандидатская диссертация на тему «Традиции И. С. Тургенева в современной литературе (на материале произведений Д. Гранина, Ю. Казакова, В. Солоухина)». Открытым в современном литературоведении остается вопрос преемственности литературы конца XX – начала XXI в. (современной русской литературы).

В данной статье нас интересует не столько проблема переработки тургеневских мотивов, что действительно присутствует в текстах обозначенного периода, хотя в данном ключе следует говорить скорее о «ревизии, попытке в старых пропорциях разглядеть новые соотносительные ракурсы, на новый лад исполнить старые песни о главном» [Богданова 2009: 97], сколько отражение мифологизированного концепта «Тургенев» в современной русской литературе. Автор для текста является «внешней и предшествующей фигурой, по крайней мере, с виду» [Фуко], но именно личность автора «выполняет по отношению к дискурсам определенную роль: обеспечивает функцию классификации; позволяет сгруппировать ряд текстов, разграничить их, исключить из их числа одни и противопоставить их другим. Кроме того, имя автора выполняет приведение текстов в определенное между собой отношение» [там же]. Так творчество (тексты, записки, письма) и биография, воспоминания современников о классике становятся литературным мифом, общим претекстом, который в рассматриваемом нами случае объясняет тургеневский интертекст в творчестве постмодернистов.

В. Б. Катаев в своей книге «Игра в осколки: Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма» подчеркивает, что А. С. Пушкин и А. П. Чехов оказались наиболее востребованными современной литературой, однако добавляет: «Критики и писатели-постмодернисты без пиетета относятся к любому из классиков, но с особым азартом атакуют тексты Ивана Сергеевича Тургенева» [Катаев 2002: 15]. Объяснение «особому азарту» мы видим в амбивалентности личности самого классика.

Судьбе И. С. Тургенева – художника слова можно позавидовать: известность с первого изданного прозаического произведения, впоследствии всемирное признание таланта. А. П. Чехов писал своему брату: «Боже мой! Что за роскошь «Отцы и дети»! Просто хоть караул кричи. Болельщик Базарова сделана так сильно, что я ослабел, и было такое чувство, как будто я заразился от него. А конец Базарова? А старички?.. Это черт знает как сделано! Просто гениально!» [Чехов].

Это о писателе-Тургеневе. А о человеке? Из воспоминаний современников возникает неоднозначный образ классика [И. С. Тургенев в воспоминаниях современников]. С одной стороны, подчеркивается его духовность, альтруизм, врожденная культура, интеллигентность, аристократизм, гуманизм, скромность, с другой – слабоволие, нерешительность, обидчивость, зависимость от мнения окружающих, склонность к сплетничеству, рассеянность, стремление к «импровизации» (обману) [Панаева 1986: 312]. Несчастливая личная жизнь «на краюшке чужого гнезда» [Тургенев] также противопоставлена счастливой творческой судьбе.

Почему И. С. Тургенева называют великим писателем? Чем он заслужил всемирную славу? Как сегодняшний читатель относится к героям и коллизиям его произведений? На эти и другие вопросы пытаются ответить не только исследователи творчества классика, но и писатели, высказывающие свои суждения в самых разных жанрах.

Проанализированные нами тексты, содержащие отсылки к мифу «Тургенев», принадлежат к разным литературным направлениям и неоднородны по художественно-этическим и художественно-эстетическим принципам, что позволяет нам оценить картину в полном разнообразии: от развенчания таланта классика до поклонения его способностям, от творческого наследия до коммерческого использования «бренда». Сведение воедино таких разнородных текстов еще раз подчеркивает их актуальность, ведь сам постмодернизм неоднороден, все писатели индивидуальны, их невозможно спутать друг с другом. В данной статье мы уделили внимание только тем текстам, в которых Тургенев выступает действующим персонажем, поскольку именно в них наиболее остро ставится вопрос об отношении современности не только к образу писателя-классика, к его дарованию и творческому наследию, но и к личности Ивана Сергеевича как исторической фигуре, жившей в одну из переломных эпох и влиявшей на окружение, формировавшее видение мира нескольких поколений думающей интеллигенции как России, так и Европы. Выделенные произведения современной литературы были проанализированы только в ключе отражения в них мифологизированного концепта «Тургенев», нами же акцент был сделан на формах проявления мифа в рассматриваемых текстах и их семантической нагрузке.

В экспозиции фантазмагорической повести **Анатолія Королева** «Голова Гоголя» (2000) читателю предложен эпизод из жизни И. С. Тургенева. Присутствовавший на публичной казни и описавший ее в своем очерке автор бессмертных

романов предстает в повести Королева в крайне невыгодном свете: «Тургенев окончательно и демонстративно перестал воспринимать тяжкую атмосферу казни Тропмана. Таким вот способом – про себя – он как бы ратовал за отмену смертной казни. Не чувствуя неуместности такой позы, плаксиво казнясь щипками совести, сварливо ругая попутчиков, он зато с пафосом отказался от чашки шоколада. <...> Тургенев вообще отвернулся от помоста... только что уши не заткнул» [Королев 2009: 4]. Современный писатель приводит комментарий Ф. М. Достоевского, пережившего в своей жизни страшное ожидание казни, где нельзя было отвернуться: «Меня эта напыщенная и щепетильная статья возмутила... человек не имеет права отвертываться и игнорировать...» [там же: 5]. А. В. Королев не позволяет читателям отвернуться и показывает в своей повести, как зло становится красотой, а красота, в свою очередь, добром. Возникает закономерный вопрос: зло и добро равны? На примере двух стран – России и Франции – автор позволяет увидеть ужас революций и войн, смертей и казней, чтобы научить читателя отделять зло от добра. Краткая преамбула к повести из реальной биографии И. С. Тургенева служит своеобразным «толчком» для погружения в эту столь противоречивую, страшную, неприятную тему, от которой хочется отвернуться, как бы это сделал слабохарактерный, напыщенный, избалованный и плаксивый Иван Сергеевич.

Безволие и слабость классика в гиперболизированной-парадоксальном ключе представляет читателю и Людмила Петрушевская в «Пограничных сказках про котят» (2008). Мы знакомимся со сказочным миром для взрослых, в котором уживаются четырехногий дедушка Сережа Шварц и говорящие котята-пограничники, Полина Виардо и Жан Тургенев, а также постоянно падающие с книжной полки герои произведений мировой литературы. К примеру, мумия Муму появляется, чтобы сторожить тапочки Тургенева, с нее капает вода, а в глазах цифры – показатели глубины. Сам писатель предстает в образе маленького человечка, живущего в трехлитровой банке. Он часто плачет, боится, кидается все записывать и значительно кивает головой. Говорит классик либо шепотом, либо пищит на французском и русском одновременно («Он шепчет «Аяша, аяша». Яша? Да еще с ударением на последнем слог. Странно. Или это он «А я Жан» нашептывает?») [Петрушевская 2008: 182]). Единственный человек, понимающий голос из банки, это Полина Виардо, которая выступает в одной из главных ролей: она полноправно командует как котятами, так и дедушкой, периодически смеется и «противно орет» («Котята прыс-

нули в разные стороны от этого голоса» [Петрушевская 2008: 178]). Она эгоистична, требовательна, активно отстаивает свою единственно верную точку зрения. Рядом с Полиной Виардо Тургенев в стеклянной банке выглядит настолько жалким, что читатель начинает ему сочувствовать. Это сострадание делает классика не только доступным и понятным, но и близким читателю. Не случайно классика помещают не в коробку, на полку или в шкапулку, а именно в банку для «солений-варений»: это то, что должно долго храниться, что должно перейти нашим потомкам, и что-то такое родное, «свое». В сказках дается открытая характеристика: Тургенев – «писатель XIX века» [там же: 252], при этом обывательский взгляд на писательские способности классика представлен с явной иронией: «А Иван Тургенев написал стих в прозе, начавши его как обычно, «как хороши, как свежи были», а потом подумал и добавил словцо «утки». Зачем, почему утки, так и не объяснил» [там же: 249]. Основная деятельность классика в банке – писать, но тексты Тургенева уже никто не читает, нет времени, да и неинтересно котяткам или дедушке слушать классика, расшифровывать его писклявую, непонятную речь. Так на примере одного писателя Л. С. Петрушевская показывает нам отношение к классике вообще: она есть, существует рядом с нами, но «законсервированная», неинтересная, непонятная, лишняя.

Проблема взаимоотношений Тургенева и Полины Виардо интересует нас не меньше, чем интересовала современников. Есть несколько романов и биографических и псевдобиографических исследований, художественных и документальных фильмов, посвященных данной проблеме (Н. Молева «Тургенев без Виардо, или Три надежды на любовь», «Призрак Виардо. Несостоявшееся счастье», Е. Первушина «Тургенев и Виардо. Я все еще люблю...», М. Заболотнова «Тургенев и Полина Виардо. Сто лет любви и одиночества» и др.).

Наиболее интересным для рассмотрения мы видим рассказ Марии Галиной «Спруты» (2010), который входит в сборник «Красные волки, красные гуси». Автор позволяет читателям в необычном ракурсе рассмотреть классика, вводя в повествование элементы фантастики. Герой рассказа (Тургенев) находится в очень тяжелом душевном состоянии, что-то его гнетет, не дает покоя ни в работе, ни во сне. Он ощущает эту душевную тяжесть ежеминутно, и она постепенно обретает физическое выражение. Тургеневу начинает мерещиться кто-то или что-то за портьерой, за шкафом, в углу комнаты, но неизвестное существо видит только он и больше никто: «У того, кто стоит за портьерой, кожа серая и

липкая. У того, кто стоит за портьерой, есть щупальца. У того, кто стоит за портьерой, большие бледные глаза» [Галина 2010: 67]. Эта сущность распространяет «тяжелый, гнилостный запах», так страхи обретают форму. Но это происходит лишь в голове героя, автор же лишь нагнетает ужас перед чем-то неведомым, непонятым и оттого еще более страшным. Описание следящего за писателем существа отсылает нас к мифологии, созданной в произведениях Говарда Филлипса Лавкрафта, американского писателя, работавшего в жанрах ужасов, мистики, фэнтези и научной фантастики. Пугающее, отвратительное существо с головой осьминога и щупальцами – это созданный Лавкрафтом древний бог Ктулху («Зов Ктулху», 1928), владыка миров, который спит на дне Тихого океана и воздействует только на чувствительных людей через их сновидения, сводя с ума человека за человеком. Пробуждения Ктулху следует бояться, поэтому поклоняющиеся ему совершают жертвоприношения, чтобы сон древнего бога продлился как можно дольше. Образ спрута или осьминога в культурной традиции – это абсолютное зло, способное убить, поглотить, высосать жизнь (в литературе часто возникает образ города-спрута, в котором невозможно жить, – «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского). В рассказе мы видим и второе зло, кроме древнего следящего бога (здесь неслучайно множественное число в названии рассказа), – это любовь, вернее объект любви: «Чудовищный, нечеловеческий выплодок, они высасывают жизненную силу нашу, улыбаются яркими губами, говорят ласковые слова, доводят до растворения, до самоистребления!» [там же: 68]. Весь рассказ построен в форме внутреннего монолога Тургенева, в котором он спорит с отрывками из писем Полины Виардо и со своими собственными мыслями. Текст рассказа – «рваное» письмо, мысли настолько быстро «перескакивают» от русской зимы, красоты природы и тонкостей охотничьего дела к мыслям о прогрессе, издании последнего романа и тяге к Ней. И вот в герое вспыхивает самостоятельность, желание жить, он хочет порвать все щупальца, которые его сковали, хочет вырваться из чудовищного «гнезда», но силы, воли, стойкости не хватает: «Я же мужчина! Я ничего не боюсь! Сейчас вот прямо сяду и напишу! Если только...если Она позволит» [там же: 68]. Герой не может вырваться и – так и остается «на краюшке чужого гнезда» [Тургенев]. Подтверждение этому мы находим в последнем абзаце, где уже появляется Виардо. Она просит Тургенева сходить за доктором, на что он отвечает: «Иду, Поленька, – торопливо отозвался Иван Сергеевич. – Уже иду, душа моя» [Галина 2010: 72]. Таким образом, миф «Тургенев» в рас-

сказе М. С. Галиной также показывает нам слабохарактерность, ведомость, отсутствие собственного мнения и самостоятельности поступков классика. Смещение с фантастическим элементом дает возможность с определенной долей иронии и скептицизма подойти к биографии писателя и показать классика с новой, до сих пор невидимой, мистической стороны, буруеваемого первобытным страхом, ужасом перед жизнью в целом.

Отдельно следует сказать о текстах, которые содержат суждения писателей о писателе, ведь это уже в большей степени диалог, а не «переработка» претекста. Разговор «равных» (или приравненных спустя время) позволяет взглянуть классику прямо в глаза, не приукрашивая, открывая истину перед лицом читателя, не боясь разрушить непререкаемость авторитета.

Так, **Сергей Довлатов** в лекции «Блеск и нищета русской литературы» (прочитана в 1982 г.) в пределах одной страницы умещает свое заключение о творческом наследии Тургенева. Он подчеркивает гениальность «Записок охотника», но слабость романов «с идеями», плоскость и натуралистичность описаний природы, схематичность героев, с убийственной иронией отзывается о героинях: «...а знаменитые тургеневские женщины вызывают любые чувства, кроме желания с ними познакомиться» [Довлатов 2012: 96]. Тургенев, по Довлатову, еще «при жизни утратил былую славу», он безнадежно устарел, и его произведения годятся только для «академических целей». Впрочем, рядом с Тургеневым у Довлатова находятся Толстой, Достоевский, Гоголь, которые также «опустились до общественно-политических телодвижений», тем самым уничтожив в себе художника. Писателем, не изменившим себе и своему таланту, Довлатов называет А. С. Пушкина, рядом с ним ставит А. П. Чехова, из современников – И. Бродского [там же: 97].

Глава, посвященная И. С. Тургеневу в книге **Вячеслава Пьецуха** «Рассуждения о писателях» (2008), открывается в свойственной ему шуточно-небрежной манере. «Вот вопрос, в котором, наконец, следует разобраться: представляет ли собою литература нечто неизменное, навеки закрепленное в единстве формы и содержания, или она развивается как знание, как наука?» [Пьецух 2006: 241]. В. Пьецух делит писателей на тех, кто «дает настоящее литературное качество» [там же: 13, 244] (показывает что-то новое, используя при этом свой талант и воображение), и тех, кто «работает в ключе зеркального отражения» [там же: 249] действительности. Тургенева он относит ко второму типу, но наряду с негативными чертами творчества автор видит и положительные (таблица):

Негативные черты	Позитивные черты
1. Избыточные описания природы и портретные зарисовки	1. «...слог его безупречен, именно прост, ясен, красочен и внушительен почти по пушкинскому образцу...» [Пьецух 2006: 244]
2. Рыхлые неорганизованные диалоги служат только для характеристики персонажей	2. Тургенев первый показал, что русская женщина сильнее, умнее и рассудительнее русского «мужика»
3. В произведениях Тургенева всегда легко определить тему и идею, которые будут направлены на «здесь и сейчас», а «великая проза» ориентируется на «всегда»	3. Оригинальность (для автора это положительная характеристика) в том, что романы Тургенева «написаны по-французски, то есть какие-то они положительные, вроде приходно-расходных книг...» [Пьецух 2006: 251]

Все доводы В. Пьецуха подводят читателя к мысли о том, что Тургенев и его произведения устарели, а литература движется вперед как знание, как наука, поэтому уже сейчас произведения классика используются лишь как «анестезирующее средство, старинное и проверенное, вроде валериановых капель», после которых «чувствуешь, что еще, в общем-то, можно жить» [Пьецух 2006: 258]. В будущем же их совсем забудут, если только не произойдет обратного развития литературного процесса.

Сравнение текстов И. С. Тургенева с лекарством встречается и у **Михаила Гиголашвили**, современного писателя грузинского происхождения, проживающего в Германии и пишущего на русском языке, он является автором статьи о классике в уникальном издании «Литературная матрица» (2010).

«Проза Тургенева – бесподобное психосоматическое лекарство, антидепрессант и антистрессант. Действие этой прозы на психику читателя можно сравнить с действием самых лучших препаратов для борьбы с темпом, фобиями и безумностью современной жизни, где все застряло в духовных пробках или, наоборот, несется по туннелям своего подсознания, не понимая разницы между подлинным и ложным, между истинно ценным и фальшивым, подложным, подменным» [Литературная матрица 2011: 171].

Статья М. Гиголашвили выдержана в рамках учебной: дана биография с углублением в личную жизнь писателя, показаны предшественники классика (протопоп Аввакум, Радищев, Пушкин) и последователи (Голстой, Достоевский), а также литературный контекст («кружковщина», «оформление реализма»). В тексте статьи много проекций на социальные явления, имевшие место в советской и постсоветской истории России. Так, «новые люди», выведенные в «Отцах и детях», сравниваются с «новыми русскими» 1990-х гг., народовольцы – с теми, кто спровоцировал террор Сталина, отъезды Тургенева за границу – с диссидентством XX в.

Гиголашвили последовательно представляет читателю сильные черты тургеневской прозы:

1. Мастерское изображение «извивов, ужимок, гримас, лабиринтов, провалов и взлетов любви» [Литературная матрица 2011: 168].

2. Изящное воспроизведение действительности: «Прозрачная проза Тургенева приглашает читателя в свой призрачный куб, где можно, свернувшись клубком на филигранно сотканном ковре текста, словно воочию, как на экране монитора, видеть жизнь людей того времени, рассматривать их лица, слышать голоса, шорох платьев, шелест листвы...» [там же: 168].

3. Великолепие пейзажных зарисовок.

4. Виртуозная ритмика и метрика фраз: «крепко-накрепко пригнаны начальные слова, а окончания фраз – словно чешуйки змеи: одна чешуйка влечет за собой другую, та – третью и т. д.» [там же: 185].

Тургенев – «мастер меры: он тонко и пронизательно ощущает своим внутренним барометром, где следует делать переходы, ... и сложное он показывает просто, а простое не усложняет» [там же: 184].

Таким образом, И. С. Тургенев – «реформатор», «практически создавший ту форму, которая стала характерной и типичной для русского романа» [там же: 167]; человек, с подачи которого «русская литература начала охватывать и захватывать литературное пространство Европы» [там же]. Единственный незначительный минус в текстах классика заключается в накале страстей: Тургенев не горяч, а лишь «тепл», – «но зато есть негасимые слова, гармония звуков, музыка фраз, которые благотворно, даже целебно действуют на читателя» [там же: 183].

Восхищается благотворностью влияния на человека произведений И. С. Тургенева и известный психиатр-карикатурист **Андрей Бильжо**. Свою книгу «Мои классики. Книга для тех, кто учится чему-нибудь. С комментариями и рисунками автора» (2011) создатель знаменитого Петровича посвящает всем детям и «взрослым, понимающим, в чем прикол» [Бильжо 2011: 4]. В ней представлены отрывки произведений классиков (А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова), насыщенные

кариатурами на современность и комментариями к ним. Иллюстрации, посвященные рассказу Тургенева «Муму», дарят не просто смех или улыбку, а очищающий смех сквозь слезы и горькую улыбку правды. Таким образом, А. Бильжо пытается привлечь читателя к тексту и одновременно с этим осовременить классику, показывая свое личное видение Герасима и Муму. Но эту книгу нужно скорее смотреть, чем читать. Нас же в большей степени интересует экспозиция к главе «Мой Тургенев И. С.», в которой Бильжо описывает медицинские данные о весе мозга человека: «Интеллект и способности человека никак не зависят от размера его головы, то есть от величины головного мозга» [Бильжо 2011: 169]. И приводит факты: самый маленький мозг был у Рафаэля Санти, а самый большой – у И. С. Тургенева и весил 2012 граммов. Впервые, это сразу выделяет классика из череды обыкновенных людей с обычным размером головы; а во-вторых, писатель с дефектом развития становится более человечным, лишенным налета музейного поклонения, снятым с олимпа вечности, почти равным читателю. Таким образом, мы снова встречаем амбивалентность, заинтриговывающую и заинтересовывающую.

Отсылки к мифологизированному концепту «Тургенев» в современной русской литературе делают тексты ярче, глубже, познавательнее, будоражат в читателе интерес к давно забытому, «пройденному» в школе, погружают его в сотворчество подобных рецептов образа Тургенева. Так «классика, являясь центральным компонентом культуры, задает общую систему координат, играет роль своеобразного горизонта, к которому устремлены взгляды современных писателей; она оказывается всеобщим коммуникационным кодом в литературе, универсальным языком, внятным для людей разных эпох» [Черняк 2016: 11]. Происходит обогащение современной литературы и включение ее в культурный миф классики, а также актуализация писателя прошлого, его произведений, мотивов, мировоззрения. Межкультурный / межтекстовый / межвековой диалог с классиком заставляет задуматься, засомневаться, а это качество истинно русской литературы: пылливо искать ответы на вопросы, не останавливаясь на однозначном решении.

Список литературы

Бильжо А. Г. Мои классики. Книга для тех, кто учится чему-нибудь. С комментариями и рисунками автора. М.: Corpus, 2011. 424 с.

Богданова О. В. Постмодернизм в контексте русской современной литературы (60–90-е годы

20 века – начало 21 века). СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 716 с.

Богданова О. В. «Пушкин – наше все...» Литература постмодерна и Пушкин. СПб.: Факультет филологии и искусства С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. 239 с.

Галина М. Красные волки, красные гуси. М.: Эксмо, 2010. 448 с.

Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы. Филологическая проза. СПб.: Азбука, 2012. 256 с.

И. С. Тургенев в воспоминаниях современников / сост., вступ. ст. и коммент. к разделу «Воспоминания» В. Г. Фридлянд; сост., пер. писем, вступ. ст. и коммент. к разд. «Переписка» Н. П. Генераловой. М.: Правда, 1988. 560 с.

Катаев В. Б. Игра в осколки: Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма. М.: Изд-во МГУ, 2002. 252 с.

Катаев В. Б. Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники. М.: Языки слав. культуры, 2004. 223 с.

Королев А. Голова Гоголя. М.: Терра. Super Terra, 2009. 160 с.

Курицын В. Великие мифы и скромные деконструкции // Октябрь. 1996. № 3. С. 171–187.

Литературная матрица: Учебник, написанный писателями. XIX век. СПб.: Лимбус-Пресс, 2011. 276 с.

Лотман М. Ю. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб.: Искусство СПб, 1997. 848 с.

Маркова Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин). М.: МГОУ, 2003. 268 с.

Панаева А. Я. Воспоминания. М.: Правда, 1986. 512 с.

Петрушевская Л. Загадочные сказки. Стихи(хи)2. Пограничные сказки про котят. Поэмы. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. 296 с.

Пьецух В. Низкий жанр. М.: Зебра Е, 2006. 752 с.

Тургенев И. С. Письма. URL: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0600.shtml (дата обращения: 16.06.2017).

Фуко М. Что такое автор? URL: <http://lib.ru/COPYRIGHT/fuko.txt> (дата обращения: 15.06.2017).

Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. URL: <http://feb-web.ru/> (дата обращения: 15.06.2017).

Цейтлин А. Г. Мастерство Тургенева-романиста. М.: Сов. писатель, 1958. 434 с.

Черняк М. А. Актуальная словесность XXI века: Приглашение к диалогу: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 232 с.

Чехов А. П. Письма. URL: <http://worksofchekhov.ru/pisma-1893-god.html/22> (дата обращения: 15.06.2017).

References

Bil'zho A. *Moi klassiki. Kniga dlya tekhn, kto uchitsya chemu-nibud'. S kommentariyami i risunkami avtora* [My classics. The book for those who are learning something. With comments and the author's pictures]. Moscow, Corpus Publ., 2011. 424 p. (In Russ.)

Bogdanova O. V. *Postmodernism v kontekste Russkoy sovremennoy literatury (60–90-e gody 20 veka – nachala 21 veka)* [Postmodernism in the Context of Russian Contemporary Literature (60–90s of the 20th century – beginning of the 21st century)]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2004. 716 p. (In Russ.)

Bogdanova O. V. "Pushkin eto nashe vsye..." *Literatura postmoderna i Pushkin* ["Pushkin is our everything..."] Postmodern Literature and Pushkin]. St. Petersburg, Faculty of Philology and Art of St. Petersburg State University Publ., 2009. 239 p. (In Russ.)

Galina M. *Krasnye volki, krasnye gusi* [Red Wolves, Red Geese]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 448 p. (In Russ.)

Dovlatov S. *Blesk i nishheta russkoy literatury. Filologicheskaya proza* [The splendors and miseries of Russian literature. Philological Prose]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2012. 256 p. (In Russ.)

I. S. *Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov* [I. S. Turgenev in the memoirs of contemporaries]. Sost., vstupit. st. ikomm. k razdelu «Vospominaniya» V. G. Fridlyand; sost., per. pisem, vstupit. st. i komm. k razd. «Perepiska» N. P. Generalova. Moscow, Pravda Publ., 1988. (In Russ.)

Kataev V. B. *Igra v oskolki: Sud'by russkoy klassiki v epokhu postmodernizma* [Fragment game: the fate of Russian classics in the era of postmodernism]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2002. 252 p. (In Russ.)

Kataev V. B. *Chekhov plyus...: Predshestvenniki, sovremenniki, preemniki* [Chekhov plus...: predecessors, contemporaries, successors]. Moscow, LRC Publishing House Publ., 2004. 392 p. (In Russ.)

Korolev A. *Golova Gogolya* [Gogol's Head]. Moscow, Terra. Super Terra Publ., 2009. 160 p. (In Russ.)

Kuritsin V. Velikie mify i skromnye dekonstruktsii [Great myths and modest deconstruction]. *Oktyabr'* [October], 1996, issue 3, pp. 171–187. (In Russ.)

Literaturnaya matritsa: Uchebnik, napisannyi pisatelyami. 19 vek. [Literary Matrix: The textbook written by writers. 19th century]. St. Petersburg, Limbus-Press, 2011. 424 p. (In Russ.)

Lotman M. Yu. *O russkoy literature. Stat'i i issledovaniya (1958–1993)* [About Russian Literature. Articles and Research (1958–1993)]. St. Petersburg, Iskustvo SPB Publ., 1997. 848 p. (In Russ.)

Markova T. N. *Sovremennaya proza; konstruktsiya i smysl (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin)* [Modern Prose: construction and meaning (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin)]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2003. 332 p. (In Russ.)

Panaeva A. Ya. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Pravda Publ., 1986. 512 p. (In Russ.)

Petrushevskaya L. *Zagadochnye skazki. Stikhi (khi)2. Pogrannichnye skazki pro kotyat. Poemy* [Mysterious fairy tales. Poems 2. Borderline stories about kittens. Poems]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2008. 291 p. (In Russ.)

Pjечuch V. *Nizkiy zhanr* [Low genre]. Moscow, Zebra E Publ., 2006. 749 p. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Pis'ma* [Letters]. Available at: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0600.shtml (accessed 15.06.2017). (In Russ.)

Foucault M. *Chto takoe avtor?* [What is an Author?] Available at: <http://lib.ru/COPYRIGHT/fuko.txt> (accessed 16.06.2017). (In Russ.)

Fundamental'naya elektronnyaya biblioteka. Russkaya literatura i fol'klor. [Fundamental digital library. Russian literature and folklore]. Available at: <http://feb-web.ru>. (accessed 15.06.2017). (In Russ.)

Tseitlin A.G. *Masterstvo Turgeneva-romanista.* [Mastery of Turgenev-novelist]. Moscow, Soviet writer Publ., 1958. 434 p. (In Russ.)

Chernyak M. A. *Aktual'naya slovesnost' 21 veka: Priglasenie k dialogu* [Current literature of the 21st century: invitation to dialogue]. Textbook. 3^d edition. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2016. 232 p. (In Russ.)

Chekhov A. P. *Pis'ma* [Letters]. Available at: <http://worksofchekhov.ru/pisma-1893-god.html/22>. (accessed 15.06.2017). (In Russ.)

TURGENEV AND MODERN RUSSIAN LITERATURE

Julia A. Gimranova

Postgraduate Student in the Department of Literature and Methods of Teaching Literature

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

69, Lenina prospekt, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. J5G@mail.ru

SPIN-code: 5288-1922

ORCID <http://orcid.org/0000-0002-8764-5439>

ResearcherID: K-3033-2017

The article reveals the connections of contemporary Russian literature (the late 20th – early 21st century) and the mythologized concept “Turgenev”, which carries a semantic load of creativity and biography of the classic, raises questions of the influence of the classic’s image and his works on work of postmodern writers. An attempt has been made to study the manifestation forms and the meaningfulness of this myth in the texts analyzed. Works non-uniform in genre, style, degree of artistry, ethical and aesthetic views of contemporary authors are considered: works by A. Korolyov, L. Petrushevskaya, M. Galina, S. Dovlatov, V. Pietsukha, M. Gigolashvili, A. Bilzho. Interest in the “Turgenev” myth lies, on the one hand, in the generally recognized authority of I. S. Turgenev in the history of Russian literature, his indisputable greatness (which is seen by modern authors as undeserved), on the other – in the contradictory personality of the classic, and also in the non-standard life of the writer “on the edge of another’s nest”. Korolyov, Petrushevskaya and Galina, who introduce Turgenev as a character in their work, see powerlessness, fear of life and the lack of will in the classic. However, this accentuation of Ivan Turgenev’s inability for a normal, from their point of view, existence, for freedom of choice opens up deeper layers of the text: Korolyov comes to the philosophical theme of choosing between good or evil; through the image of the writer in the bank Petrushevskaya shows her vision of the place of the classic today, and Galina in the style of horror presents Turgenev as a mystically gifted person, who is on the verge of madness caused by emotional tension. Views of Dovlatov, Gigolashvili and Pietsukha allow one to “reduce the bar” and to discern the legacy of the classic without unnecessary piety, detailing all the pros and cons. The text by Bilzho allows one to turn to canonical for understanding the modern without tension, with humor.

Key words: classics; modernity; myth; concept; pretext; skill; actualization.

УДК 821.112.2-1
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-96-108

К МОДЕРНИСТСКОЙ ПОЭТИКЕ И ПОЭТОЛОГИИ ПРОГУЛКИ: Р. М. РИЛЬКЕ, Р. ВАЛЬЗЕР, Т. БЕРНХАРД, П. ХАНДКЕ

Вера Владимировна Котелевская

к. филол. н., доцент кафедры теории и истории мировой литературы
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42. vvkotelevskaya@sfedu.ru

SPIN-код: 4877-5532

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2650-7462>

ResearcherID: C-8059-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Котелевская В. В. К модернистской поэтике и поэтологии прогулки: Р. М. Рильке, Р. Вальзер, Т. Бернхард, П. Хандке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 96–108. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-96-108

Please cite this article in English as:

Kotelevskaya V. V. K modernistskoy poetike i poetologii progulki: R. M. Rilke, R. Walser, Th. Bernhard, P. Handke [On Modernist Poetics and Poetology of Walking: R. M. Rilke, R. Walser, Th. Bernhard, P. Handke]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 96–108. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-96-108 (In Russ.)

В статье исследуется прогулка как предмет изображения и рефлексии в немецкоязычном литературном модернизме – анализируется художественная проза швейцарских и австрийских писателей (Р. М. Рильке, Р. Вальзер, Т. Бернхард, П. Хандке). Данная культурная практика рассматривается в нескольких аспектах: как форма праздности субъекта модерна, литературная топика, повествовательная модель, форма модернистской поэтологии. Выбор материала связан с культурными, историко-литературными и стилевыми факторами. Прогулка и странствие в литературе альпийского региона имеют давнюю традицию (Alpen-Literatur), но в XX в. модернисты эту традицию пересматривают, сохраняя и деконструируя ключевые топосы. Для поэтики выбранных писателей характерно несколько общих черт: сосредоточенность на поисках самости, подчинение композиции внутренней логике повествующего «я», саботаж фабулы, редукция предметного мира, тяготение к языку абстрактного, «беспредметного» искусства (авангардная живопись и графика, атональная музыка). Цель исследования состоит в выявлении генетических, типологических и уникальных (национальных, авторских) особенностей модернистской поэтики и поэтологии прогулки. В результате установлены такие особенности модернистской поэтики прогулки, как доминирование эстетической цели над прагматическими целями перемещения в пространстве, преобладание воображаемого ландшафта над реальным, вытеснение топографии, тесная связь прогулки и письма. В модернистской прозе, таким образом, прогуливающимся оказывается писатель, а само движение в пространстве подчиняется целям сочинения текста о прогулке.

Ключевые слова: модернизм; австрийская литература; швейцарская литература; поэтика прогулки; Райнер Мария Рильке; Роберт Вальзер; Томас Бернхард; Петер Хандке.

В статье исследуется прогулка как предмет изображения и рефлексии в немецкоязычном литературном модернизме на материале художественной и дневниковой прозы избранных для изучения авторов (Р. М. Рильке, Р. Вальзер, Т. Бернхард, П. Хандке). Данная культурная практика рассматривается в нескольких аспектах: как форма праздности субъекта модерна,

литературная топика, «повествовательная модель» [Albes 1999], форма модернистской поэтологии. Цель исследования состоит в выявлении генетических, типологических и уникальных (национальных, авторских) особенностей модернистской поэтики и поэтологии прогулки. Комплексный анализ поэтики прогулки на данном материале не предпринимался в отечественной литературоведческой германистике.

Прогулка как буржуазная культурная практика формируется в XVIII в., а в следующем столетии – благодаря литературе, сентиментальной и романтической философии, массмедиа и нарождающейся туристической индустрии – уже обретает собственную «идеологию» («ideology of walking» [Wallace 1993]). Культурные смыслы прогулки структурируются, как показывают исследования [Wallace 1993; Albes 1999; Neumeier 1999; Gellhaus, Moser, Schneider 2007; Fuest 2008; Coverley 2012; Broder 2016: 1–70], исходя из ряда значимых бинарных оппозиций: труд – праздность, феодальная привязанность к месту – свобода перемещений, герметичность индивида – открытость опыту, статика – движение, замкнутое – открытое пространство, ближнее – дальнее, известное – неизвестное, целеполагание – бесцельность, цивилизация – природа, город – деревня. «Трудящийся господин» [Моретти 2014: 42], избавленный, по выражению героя Д.Дефо, как «от труда и страданий механической части человечества», так и от «гордыни, роскоши, амбиций и зависти высшей его части» (цит. по: [там же]), честно заслужил свой досуг, достигнув, в противоположность крестьянину и аристократу, здорового равновесия между *otium* и *negotium*.

Однако указанные выше оппозиции не отграничены друг от друга окончательно, но, скорее, амбивалентно сосуществуют в смысловом горизонте прогуливающегося, еще частично сохраняющего в своем образе рудименты *странника*, *пилигрима*, *бродяги* и, тем не менее, все более обретающего черты цивилизованного *путешественника* или городского *фланера* (см. типологию путешествующих [Coverley 2012; Broder 2016]). Так, горожанин XVIII столетия отправляется на природу, за город, но никогда не теряет из виду защищающий его город, виднеющиеся вдали крепостные стены. К. Г. Шелле, автор руководства по прогулке («Die Spatziergänge oder die Kunst spatzieren zu gehen», 1802), советует в качестве идеального места стены городской крепости, которые кольцеобразно замыкают пространство города. Этот светский ритуал неоднократно находил отображение в литературе. (Так, именно полуразрушенные крепостные стены служат местом загородных тайных встреч в романе Т. Гарди «Мэр Кестербриджа: История че-

ловека с характером»); вдоль старинной крепостной стены кружит в своих перипатетических экскурсиях-беседах герой романа Т. Бернхарда «Помешательство» князь Заурау.) Как отмечают Л. Мозер и Х. Шнайдер, авторы вступительной статьи к коллективной монографии «Воображаемые ландшафты – Ландшафтные прогулки: Культурная история и поэтика прогулки», «прогулка по городской стене маркирует маленький побег, но не окончательное бегство из тесного жизненного мир(к)а города» [Gellhaus, Moser, Schneider 2007: 10]. И в этом принципиальное отличие «прогулки» (англ. walking; фр. flân, promenade; нем. Spaziergang, Gehen) от «странствия» (англ. Wandering; фр. pèlerinage, voyage; нем. Wanderung) как, соответственно, движения в ограниченном или открытом пространстве. Первый тип пространства воплощен, как правило, в парке, саде, бульваре, аллее, луге, второй – в дикой природе лесов и гор, позволяющей страннику реализовать свою «тоску по неизведанному, по дали» – «Fernsehnsucht» [Neumeier 1999: 9]. Симптоматичен опыт Ж.-Ж. Руссо, одного из законодателей сентиментальных прогулок: в «Исповеди» он рассказывает, как, увлекшись блужданием за городом, вынужден был ночевать под открытым небом, опоздав к закрытию городских ворот.

Одинокая загородная прогулка, нередко перерастающая в пешее странствие из города в город, из города в деревню, с равнины в горы и т. д. (ср.: «Антон Райзер» К. Ф. Морица; «Исповедь» и «Прогулки одинокого мечтателя» Ж.-Ж. Руссо; прогулки художников, описанные Р. М. Рильке в дневнике и очерке «Ворпсведе»; бесчисленные пешие прогулки героев Р. Вальзера и его собственные блуждания между деревнями, городами и предместьями), амбивалентно соотносится и с техническим прогрессом. В эпоху развития почтовых станций, а впоследствии железных дорог и т. д., добровольное передвижение литературных героев пешком маркируется не столько как социальный низ, сколько как ностальгическая оглядка назад, подлинно романтический пассивизм, как противостояние *медленной* экзистенции *быстрой*. Именно такой «программе» следуют герои Р. Вальзера: «Таким образом, он двигался довольно медленно [hübsch langsam] вперед, он не был поклонником чрезмерной скорости [übergroßer Schnelligkeit]. Спешку [die Hast] он презирал; бурной поспешностью [mit dem stürmischen Eilen] только вгоняешь себя в пот. К чему это, думал он, и шагал размеренно, со всем тщанием, старательно и сдержанно. Шаги, которые он отмерял, были исполнены достоинства и взвешены, а темп их обладал примечательной приятностью» («Spazieren» [Walser 1914: 116]). Медлен-

ный темп пешей прогулки воспет в этом и других текстах Вальзера за возможность «так спокойно, и изобильно, и свободно» созерцать мир («weil der Fußgänger alles so ruhig und reich und frei betrachten kann») и за само «тихое удовольствие» («ein stilles Vergnügen») ходьбы [Walser 1914: 116.]. Аскетизм пешей прогулки приобрел поистине программный – неоромантический и экологический – характер в век автобанов и авиаперелетов. Так, своеобразную оппозицию *передвижение по шоссе (на автомобиле) vs. по лесу (пешком)* развивает рассказчик М. Кундеры в романе «Бессмертие» (1990), утверждая более высокий ценностный статус именно второго способа постижения себя в пространстве в соответствии с аксиологией *homo sentimental*.

Отметим, что именно альпийский регион, с его идиллической, но одновременно таящей в себе угрозу природой, становится одной из значимых литературных сцен для разыгрывания амбивалентной драматургии прогулки (об отдельных аспектах «Reiseliteratur» и «Heimatroman» данного региона в XIX в. см.: [Лошакова 2014]). Примечательна в этом плане знаменитая глава «Снег» в романе Т. Манна «Волшебная гора» (1924): идиллический горный ландшафт швейцарского курорта мгновенно превращается в сцену смерти, позволяя протагонисту Гансу Касторпу, отправившемуся на лыжную прогулку, в короткий промежуток бури погрузиться в пограничное состояние и осознать хрупкость границы между гармонией и катастрофой, аполлоновским и дионисийским. Катастрофичность альпийских ландшафтов – *естественное* равнодушие природы, помноженное на *исторический* опыт жестокости человека, – является одной из ключевых тем австрийской писательницы Э. Елинек, деконструирующей глянцево-туристический имидж этого региона (ср.: «Дикость», «Дети мертвых», «Гора мертвецов»). Критик и историк литературы П. фон Матт, исследовавший становление швейцарского мифа, указывал на «таящуюся в его идиллической сердцевине жажду разлома, бегства, саботажа»: «Созданная по модели античных буколик еще в XVIII в. (Альбрехт фон Галлер живописал ее в поэме “Альпы”), пастораль эта будет “взорвана”. Теленок, наступаемый почтовой каретой, несущейся во весь опор, вероятно, не спасется, а лошадей уже очень скоро сменит паровоз, который пройдет сквозь тоннель в некогда мирно дремавших горах» [Котелевская 2015: 185–186]. Так трактует П. фон Матт картину Роберта Коллера «Готардская почта» (1873), доказывая, «что бег времени является одной из болевых тем в швейцарской художественной традиции» и что в свете национального швейцарского мифа о «гармони-

ческом содружестве человека, Бога и природы <...> прогресс неминуемо мыслится как отдаление, утрата “рая”» [там же: 186].

Известно, кстати, что Р. Вальзер, которого можно причислить к наиболее последовательным энтузиастам швейцарского пасторального мифа, всячески открещивался от новинок технического прогресса. Карл Зеелиг вспоминает, например, что его почти невозможно было уговорить воспользоваться автомобилем, автобусом или трамваем, если прогулке грозили дождь или снег. Исключение Вальзер делал только для поезда, который мог быстро доставить в исходный пункт красивого природного маршрута, и совместные многочасовые прогулки, измерявшиеся подчас двумя десятками километров, совершались исключительно пешком («Зачем нам наши ноги?», – упрямо возразил как-то писатель на предложение Зеелига спастись от затяжного проливного дождя в почтовом автомобиле [Seelig 2015: 129]). Герой-рассказчик «Прогулки» Вальзера (1917) развертывает гневную тираду против автомобилистов, которые, в суетной погоне за скоростью, пренебрегают «всеми картинками», которые «являет наша прекрасная земля» [Walser 2015a: 20]. Другой реставратор романтической идиллии, Г. Гессе, вводит для своих странствующих персонажей запрет на часы и поезда («Паломничество в страну Востока», 1932). Упомянутая выше картина Р. Коллера «Готардская почта» вспоминается при чтении некоторых повествовательных миниатюр Вальзера, проникнутых подлинно анахронической лейтмотивикой пасторали. Таков, например, лирический рассказ «Нет у меня ничего» («Ich habe Nichts», 1917) [ibid.: 123–125].

Текст начинается с характерного для «прогулочных» сюжетов Вальзера зачина: герой выходит из дома в приветливом расположении духа (оно описано как «безмятежное, беззаботное» и «радостное»: «sorglos und heiter» [Walser 2015a: 123]). Движение по сельской местности, лугам окрашено настроением гармоничного слияния с миром людей и животных. Однако постепенно самохарактеристика героя как «нищесброда» (Habenichts) – состояния, дарующего подлинную свободу от хлопот и тягот, – дополняется негативными коннотациями. Безязыкие животные, безмолвно взывающие к нему за помощью, возможно, желающие подружиться или рассказать о своей жизни, природа, ожидающая от него какого-то дара [ibid.: 124–125], – все это повергает героя в состояние сострадания ко всему живому и пронизывает сознанием собственной беспомощности и ничтожества. Сострадание поработанному («gefangen und geknechtet») человеком зверю – тональность, меланхолически затемняющая исходную радость гармонического

рая: «“Du möchtest wohl etwas von mir haben, aber ich habe nichts. Gerne gäbe ich dir etwas, wenn ich etwas hätte, du gutes Tier”, sagte er voll Mitleid und ging weiter, aber im Weitergehen musste er immerfort an die Tiere denken, die etwas von ihm haben wollten, an die Ziege, an den Hund und an das Kälbchen, die das Freundschaft mit ihm hatten schliessen und ihm von ihrem stummen, geduldigen, dumpfen Dasein hatten erzählen wollen, die keine Sprache haben und nicht reden können, die zum Nutzen der Menschen gefangen und geknechtet in der Welt stehen <...> “Aber ich bin ja nichts, kann ja nichts, habe in Gottes Namen nichts, und in dieser weiten grossen Welt bin ich nur ein armer, schwacher, machtloser Mensch”, sprach er» [Walser 2015a: 125]. Охватившее героя отчаяние от беспомощности людей и зверей, населяющих «такой красивый мир», столь безутешно, что движение дальше невозможно – прогулка прерывается, он ложится в траву, чтобы «вдоволь наплакаться»: «und wie er die Welt so schön sah, und wie er so an Tiere dachte, und daran, dass er und alle seine Freunde, Menschen und Tiere, so hilflos seien, konnte er unmöglich weitergehen. Er legte sich, unweit von der Strasse, in die Wiese, um sich satt zu weinen, so ein dummer Bursche!» [ibid.].

В урбанизированных обществах модерна праздная медленная прогулка (Gehen) противостоит изматывающей повседневной беготне (Rennen), имеющей заданные цели и маршрут [Hummel 2007: 22–25], так же, как индивид – «темному пространству шевелящихся толп» [де Серто 2008: 25]. Кроме того, одинокая прогулка довольно рано обретает коннотацию саботажа, подрыва буржуазной культуры изнутри: действительно, она не имеет прагматической цели, встроена в «автономную» логику артистического субъекта модерна, для которого «труд» идентичен творчеству [Walser 2015a: 50], маркируемому, в свою очередь, в системе бюргерских ценностей как «праздность» (ср. сюжеты художнических прогулок и странствий у Руссо, Жан-Поля, Новалиса, Морица, Келлера, Тика, Штифтера, Рильке, Гессе и др.). И хотя отсутствие внешней цели и «свободное удовольствие» («ein freyes Vergnügen»), в выражении К. Г. Шелле [Neumeyer 1999: 11]), почти уравнивающие прогулку с искусством, по Канту, провозглашаются на рубеже XVIII–XIX вв. неизменными атрибутами нового досуга, тем не менее, доведенное до крайности пристрастие к бесцельным перемещениям мутирует в маргинальный для буржуа *modus vivendi*. По верному замечанию К. Мозера и Х. Шнайдера, «прогулка у Руссо перерастает в пожизненное странствие со стигматами социального аутсайдерства» [Gellhaus, Moser, Schneider 2007: 10]. Несомненно, прямым наследником по

этой линии становится другой швейцарец – Роберт Вальзер. Отметим, что, будучи эстетизированной, именно эта маргинальная разновидность «сентиментального путешествия», самоуглубленного «хождения туда-сюда» [Bernhard 1988b] и послужит основой модернистской поэтологии прогулки, став источником всевозможных стернианских «отступлений» («digressions» [Frederick 2011: 15–26]) и «уклонений» («Verweigerungsstrategien» [Fuest 2008]) от *telos*'а фабулы.

Итак, более чем трехвековая культурная история буржуазной прогулки позволяет выделить несколько наиболее значимых для литературы типов:

1. **Променад**, пеший или в экипаже, как светский ритуал, отображающий *публичное*, театрализованное бытие буржуа или аристократа, вмещающий в себе одновременно нарциссический и визионерский опыт (ср.: «Невский проспект» Гоголя; променады «на водах» в лермонтовском «Герое нашего времени»; променады Эммы Бовари и даже последний променад – в коляске, а затем в вагоне – Анны Карениной, исполненный в смешанной технике реалистического описания и аффективного потока сознания). Демонстративность променада и его социальная регламентированность становятся особенно наглядными в случае нарушения комильфо: так, Р. М. Рильке пересказывает в дневнике историю о том, как группа его друзей-художников, включая девушку (скульптора Клару Вестхофф, его будущую жену), шокировала почтенную фланирующую публику своим видом – после длительной велосипедной прогулки, запыхавшиеся, со спутанными волосами и потные, они прибыли на курорт, в респектабельный отель, где их не сразу приняли (пока они, удалившись, не привели себя в порядок) («Worpsweder Tagebuch», 1900 [Rilke 1973: 209]).

2. **Одинокая прогулка** как сфера *приватного* бытия, форма созерцания природы и уединенного самосозерцания (*Alleinsein*)¹, нередко – тихого бунта, саботажа просветительского «дискурса общительности» («Geselligkeitsdiskurs») [Timofte 2014: 28] и бюргерской деловитости; *загородная* прогулка вплоть до XXI в. сохраняет черты идиллического топоса или каким-то образом его обыгрывает (ср.: «Стужа» Т. Бернхарда, «Учение горы Сен-Виктуар» П. Хандке, «Повесть о господине Зоммере» П. Зюскинда); *городская* одинокая прогулка наследует модели фланирования, выявленной некогда Ш. Бодлером и Э. По [Беньямин 2004; Benjamin 1991; Neumeyer 1999: 9–24; де Серто 2008], но в течение XX в. претерпевает сложные трансформации – вместе с трансформацией капиталистического общества, медиа, индивида (ср.: «Записки Мальте Лауридса Бригге»

Рильке, «Конец фланирования» П. Хандке, «Фазерланд» К. Крахта).

3. **Странствие** – форма одинокого или коллективного (с попутчиками) дальнего путешествия, наиболее тесно сохраняющего связи со средневековыми и романтическими духовными авантюрами; с конца XVIII в. странствие постепенно секуляризуется, каноническая религиозность смещается во внутреннюю область «я», где сакральностью наделяется готовность постичь свое «призвание» и следовать ему (ср.: романы Гете о Вильгельме Мейстере, а также фильмы В. Вендерса «Алиса в городах» (1974) и «Ложное движение» (1975) по сценариям П. Хандке, созданные как киноремейк гетеанского повествования о странствиях Вильгельма и его друзей; «Генрих фон Офтердинген» Новалиса; «Странствия Франца Штернбальда» Л. Тика). «Странствие» существенно отличается от *туристического* путешествия – спланированного, хронологически заданного перемещения по маршруту – непредсказуемостью результата, самоуглубленностью странника, ориентированного интровертно, в отличие от экстравертности «туриста» и espectacularности его опыта; примечательной чертой странствия является разомкнутость времени и пространства, однако эти параметры легко достигаются художественным воображением, в котором даже получасовая прогулка по знакомой улице может превратиться в интенсивнейшее по глубине переживаний и постигнутому опыту «маленькое странствие» («*kleine Wanderung*» [Walser 2015b: 18–19]) с непредсказуемым результатом, что регулярно демонстрирует проза Р. М. Рильке, Р. Вальзера, П. Хандке.

Итак, «свободное время» и «свободное пространство» («*Frei-Zeit*», «*Frei-Raum*» [Neumeyer 1999: 11]) – константы, описывающие перемещения *праздного* субъекта модерна. Однако «променада» сохраняет социальную легитимность даже в инверсированной форме (филистерские добродетели здесь не только укрепляются и демонстрируются, но и подрываются: вспомним флюберовские романы, викторианские сюжеты), в то время как одинокая прогулка и странствие тяготеют к маргинальному, к периферии буржуазной нормы, генерируя романтическую и – впоследствии – модернистскую «идиллию праздности» (даже при условии, что она будет «взорвана»), если прибегнуть к метафорике образцового в этом плане текста из «*Люцинды*» Ф. Шлегеля («*Idylle über den Müßiggang*», 1799). И хотя модальность благодушия и светлой радости, с которой воспевается и эстетизируется праздность в раннем романтизме (здесь уместно вспомнить также культовый для модернистов, например, для Вальзера и Хандке, текст Эйхендорфа «Из жизни

одного бездельника», 1826), постепенно уходит из модернистского дискурса прогулки, нередко сменяясь экзистенциальным ужасом, как у Р. М. Рильке в «Записках Мальте Лауридса Бригге» или в «Реке без берегов» Х. Х. Янна, свобода и отсутствие внеартистической цели по-прежнему определяют поэтику прогулки.

В модернистской поэтике познание внешнего (разглядывание, наблюдение, созерцание, культурное декодирование и прочие модусы чтения пространства) вытесняется направленной внутрь «тоской по себе» (лейтмотив Рильке: «*Sehnsucht nach mir*») или подчиняется задаче самонаблюдения. Стратегия прогулки-странствия метаморфозирует в «уход» нового Блудного сына [Котелевская 2016], разрыв с «отцами». Остаться – значит отказаться от поисков самости, «лгать приблизительной жизнью, которую они ему уготовили» («*das ungefähr Leben nachlügen, das sie ihm zuschreiben*» [Rilke 1965: 170]). П. Хандке в повествовательной тетралогии, в которой исследуются различные формы и смыслы странствия / прогулки, пишет: «Возвращайся домой, на чужбину. Только там ты – *здесь*, только там возможна земная радость. Человеку, чтобы быть человеком, нужен простор и покинутость» («По деревьям», 1981) [Хандке 2006: 353].

Смысловым горизонтом модернистского странствия-прогулки становится, таким образом, поиск себя. Все декларируемые персонажем (рассказчиком) цели играют квазифабульную роль, подчиняясь магистральной теме поисков самости (будь то автомобильный вояж к «убитым соборам» у Пруста [Пруст 2017], посещение сезанновской горы [Хандке 2006] или поиск джукбоксов в испанской провинции у Хандке [Handke 2001: 59–138]). Этот квест нередко ведет модернистского героя к катастрофе, «грааль» самости оказывается бесконечно ускользающим миражем, однако такой апофатический путь является единственно возможной формой аутентичного существования [Ulliot 2016].

Поиск себя как магистральная тема потребовал выработки аутентичного языка, именно поэтому модернистская поэтика прогулки разрабатывает комплекс лингвофилософских тем: язык и референция, «мой» язык, «границы моего языка» и «границы моего мира» (Витгенштейн), автономность vs. перформативность языка (ср. у Хандке: «Это действительно мой язык?») [Handke 1982: 51]). Принципиальная позиция модернистского героя состоит в том, что его поиски себя – это поиски *себя-как-писателя*, предполагающие тотальность писательской практики в качестве опыта бытия и познания. В модернистском романе и малой прозе наиболее последовательно, чем в другие художественные эпохи, претворяет-

ся формула *the walker as writer* (перефразируя М. Коверли [Coverley 2012]): *прогуливающийся* здесь – это или образ писателя на прогулке (*the writer as walker*), сознание которого занято, наравне с фиксацией наблюдаемого, мыслями о том, как об этом предстоит и должно написать, или метафорическое альтер эго автора. Так или иначе поэтика прогулки неотделима в итоге от поэтологии – рефлексии о языке и речи (письме), об архитектонике литературного произведения и его читателе.

Таким образом, отдельную разновидность прогулки, которая в бытовом плане может мимикрировать под любой из указанных трех типов, но сохраняет свою внебытовую, эстетическую телеологию, представляет **поэтологическая прогулка**. Данная форма оказывается довольно влиятельной в немецкоязычном модернизме, хотя ее разработка ведется на всем пространстве европейской культуры, начиная с Монтеня.

Корреляция работы интеллекта, воображения и прогулки, связь между состояниями «ходить» («gehen») и «думать» («denken»), в определении австрийского модерниста Томаса Бернхарда («Frost», 1963 [Bernhard 1973]; «Gehen», 1971 [Bernhard 2006]; «Korrektur», 1975 [Bernhard 1988b]), – мотив, постепенно вызревший в русле сентиментальной и романтической традиции. Важным поворотом в литературном развитии такой «перипатетической» практики стала «дематериализация» («Entkörperlichung») прогулки в литературе первой половины XIX в. Против этой тенденции выступит викторианский писатель Лесли Стивен. Он саркастически отзовется в своей «Похвале прогулке» («In Praise of Walking», 1902) о так называемой «Alpen-Literatur» («альпийской литературе»), в которой при описании возвышенных видов гуляющие подобны бесплотным духам («disembodied spirits») (цит. по: [Gelhaus, Moser, Schneider 2007: 15]). По его мнению, главные органы, служащие путнику, не глаза, а ноги и желудок. (Как здесь не вспомнить обильные, подробно описанные трапезы путешествующих персонажей из «Записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса.)

Однако уже Руссо проводит в «Исповеди» аналогию между способом путешествовать и рассказывать о себе. «Как прогуливающийся постоянно отклоняется [schweift ab] от своего маршрута, чтобы созерцать красоты природы, так и автобиограф прерывает линейное повествование, чтобы забавляться очевидно мимоletным [Beiläufige], анекдотами и воспоминаниями» [ibid.: 16]. Существенной причиной развития «поэтологической» ветви прогулки явился исповедальный, самосозерцательный модус такого

письма, воспроизводящего уже не столько виды, зрительные впечатления пишущего, сколько «ландшафт сознания» (Bewusstseinslandschaft [Hummel 2007: 47]), предваряя прустинскую формулу. Программный в этом плане текст Руссо «Les Rêveries du promeneur solitaire» (1777–1778) (букв.: ‘мечтания одинокого фланера’, ‘мечтания прогуливающегося в одиночестве’, в принятом переводе – «Прогулки одинокого мечтателя») содержит прямые указания на свою метаповествовательную, поэтологическую природу. «Эти листки, – пишет Руссо в «Первой прогулке», – собственно, лишь беспорядочный дневник моих мечтаний [un journal de mes rêveries]. В них будет много говориться обо мне, потому что размышляющий отшельник [un solitaire qui réfléchit] неизбежно много занимается самим собой. Впрочем, мысли о посторонних предметах, проходящие мне в голову во время прогулки, точно так же займут здесь свое место. Я буду передавать все, что думал, – в том виде, как это у меня возникало, и с той связностью, с какою мысли вчерашнего дня сочетаются обычно с мыслями сегодняшнего» [Руссо 1961: 576; Rousseau]. И далее, в «Прогулке второй», он обещает читателю «...подробный отчет о своих одиноких прогулках [un régistre fidelle de mes promenades solitaires] и тех мечтаниях, которыми они бывают наполнены, когда я даю голове своей полную свободу и позволяю своим мыслям течь беспрепятственно и непринужденно. Эти часы одиночества и размышленья – единственные за весь день, когда я бываю вполне самим собой [où je sais pleinement moi]» [там же: 578; Rousseau].

Герой Рильке, датский поэт Мальте Лауриде Бригге, тоже ведет своего рода «un régistre fidelle de mes promenades solitaires», при этом акт письма как обретение контроля над собственной растерянностью перед чужим городом, перед непостижимой тьмой своего «я» и смыслов человеческой истории спасает его от экзистенциального ужаса [Rilke 1965]. Рассказчик у Вальзера, в свою очередь, неоднократно напоминает себе о том, что увиденное (на прогулке) должно быть записано – для себя, для читателя. Так, рассказывая о невероятной красоты выпавшем снеге («Die kleine Schneelandschaft», 1914), он сообщает, что непременно должен поделиться впечатлением «чего-то ангельского» («etwas Engelhaftes»): «Я радовался своей задаче, своей обязанности [das Amt], приятному долгу [die angenehme Pflicht], который мне предписан [die mir vorschrieb], тщательно и аккуратно сочинить заметку о снеге и о его очаровании» [Walser 1914: 139]. Завершается «заметка» («Notiz») приглашением выйти полюбоваться «славным снежным ландшафтом, который дружелюбно улыбается

тебе прекрасными устами»: «Выходи. Улыбнись и ты ему и поприветствуй его от моего имени» («Geh hin zu. Lächle auch du sie an und grüße sie von mir») [Walser 1914: 139]. Это жест приобщения читателя к письму, а писателя – к чтению уже написанного как к акту сотворения вполне зримого, осязаемого мира. Неразрывная связь прогулки и письма иногда выражена у Вальзера в приписывании творческих способностей самой созерцаемой природе. Ср. в миниатюре «Прогулка» («Spaziergang», 1914): «Казалось, сам ландшафт сочинял, выдумывал себя» («Die Gegend selber schien zu dichten, zu phantasieren» [ibid.: 212]). Шаг и акт сотворения текста корреспондируют друг с другом в воображении рассказчика из повествовательной миниатюры «Ранним осенним вечером» («Herbstnachmittag», 1914): «Каждый шаг погружал в новую красоту. Мне казалось, будто это я сам сочиняю ее, грежу ею, выдумываю ее» («Jeder Schritt leitete in andere Schönheit hinein. Mir war es, wie wenn ich dichtete, träumte, phantasierte» [ibid.: 248])².

П. Хандке, посвятивший прогулке и странствию большинство своих произведений, тематизирует письмо, создаваемое в перемещении по «ландшафтам». В частности, в дневнике «История карандаша» («Die Geschichte des Bleistifts», 1976–1980) эти в буквальном смысле *карандашные* заметки в блокноте представляют собой метатекст – маргиналии к сочинявшейся в конце 1970-х – начале 1980-х гг. тетралогии о странствии его различных альтер эго («Медленное возвращение домой», «Учение горы Сен-Виктуар», «Детская история», «По деревням»). «История карандаша» содержит размышления о том, как сочинять о ландшафте движущемуся по нему писателю. Освоение ландшафта сравнивается здесь с переписыванием себя и мира, с жестом одоления пространства, как листа бумаги пишущей рукой («Снова и снова желание пересечь весь мир движением письма [mit der Bewegung des Schreibens], как в кругосветном путешествии» [Handke 1982: 37]).

Сосредоточенность модернистского письма на механизмах и парадоксах собственного порождения, на артистическом сознании позволяет искать прецеденты прогулки-мышления, прогулки-речи-письма у тех писателей, которые тематизировали «я» пишущего и участвовали, так или иначе, в формировании модернистского романа-эссе, романа-дневника, «метапрозы» (metafiction) [Albes 1999; Hummel 2007]. Речь идет о Монтене, Паскале, Стерне, К. де Местре, Жан-Поле, Ф. Шлегеле. Характерными стилевыми свойствами поэтологической прогулки становятся ослабление миметического (изобразительного) импульса, тяга к беспредметности, абстрагированию, параболизации, подмена телесно-вещ-

ного, зримого внутренним ландшафтом, по которому почти бесплотно движутся мысль и речь.

Наиболее последовательно данная стратегия выражена в прозе Томаса Бернхарда, в которой прогуливающийся нередко ограничивает свой маршрут замкнутым пространством помещения (как, например, анонимный рассказчик в романе «Корректур» [Bernhard 1988b],двигающийся в размышлениях-воспоминаниях «туда-сюда» по мансарде умершего друга; исследователь Конрад, блуждающий в одиночестве по сюрреальному пространству реконструированного им известкового завода [Bernhard 1973]) (о замкнутом пространстве в немецкоязычном романе см. также: [Дронова 2016]). Бернхард подменяет физическое пространство «головным»³, по которому кружит, словно барочная инвентария вокруг нескольких тем, мысль героя. Именно так циркулирует прогуливающаяся мысль рассказчика в романе «Пропавший», где рассказчик размышляет на пороге гостиницы о дружбе, музыке, смерти, гениальности и проделывает не более дюжины шагов – от порога крохотной гостиницы до внутренних покоев номера [Bernhard 1988a] (ср. также романы «Gehen», «Beton»). Можно согласиться с наблюдением В. Г. Хуммеля: «Некоторые тексты о прогулках реализуются не на улицах, а за кулисами – в башне замка, как у Монтеня (он подчеркивал, что в своей библиотеке непременно должен ходить-размышлять), в тюрьме, как у Ксавье де Местра, прошедшего после дуэли несколько недель в заключении и создавшего «Описание моего путешествия вокруг комнаты» (1794). Однако такая уединенность – скорее исключение для жанра. Де Местр и Монтень раздвигают замкнутое пространство прогулок вокруг своей головы [erweitern ihre eingeschlossenen Spaziergänge um ihren Kopf], т. е. вокруг своих воспоминаний или прочитанного в своей библиотеке. Отсюда напрашивается также сравнение открытой формы эссе с прогулкой, ибо в нем, по видимости, на прогулку отправляется само мышление [geht scheinbar das Denken selbst spazieren]» [Hummel 2007: 34].

Мышление, отправившееся на прогулку – метафора, кажется, вполне верно описывающая модернистскую стратегию потока сознания или повествования, заметно тяготеющего к редукции предметности. Однако в англоязычной и французской литературе между двумя войнами текст прогулки, при всей его монтажности и сфокусированности на сознании персонажа, сохраняет телесно-вещественную конкретику: таковы тексты М. Пруста, В. Вулфа («Миссис Дэллоуэй»), Дж. Джойса (что такое весь «Улисс», как не разросшаяся картография прогулок?). У рассмотренных немецкоязычных авторов есть другое

общее свойство: они демонстрируют по преимуществу *Kopflandschaft*'ы (мыслимые, «головные» ландшафты), художественными аналогами которых являются не столько кино или импрессионистская живопись, сколько абстрактные искусства – авангардная графика, беспредметная живопись и, конечно, музыка, причем музыка минималистического типа, лишенная психологизма и «патоса», – барочная полифония, атональные композиции. Не исключено, что редукция визуального, перевод объемного в плоскостно-схематическое у немецких писателей становится способом преодоления травмы (личной, культурно-эпохальной). Для автобиографического рассказчика Бернхарда, например, Зальцбург, город его отрочества, – это город детей-самоубийц, город бомбежек, в котором он, идя на урок английского, наступает на детскую руку, оторванную недавно разорвавшимся снарядом («Причина: Прикосновение», 1975). Конкретика отвратительна, она сопряжена со стыдом и отворачиванием, изображенное оставляет столько лакун, что эффект ускользания рассказчика от некой «правды» (отношения между «правдой» и «ложью») языка являются важнейшими в автобиографической пенталогии Бернхарда) оказывается сильнее эффекта репрезентации. «Чем ужаснее мир (а особенно сегодняшний), тем абстрактнее искусство», – пишет в своем дневнике в 1914 г. художник Пауль Клее. Речь идет о «неизобразимости» травмирующего («*Undarstellbarkeit*» [Scheffler 2014: 121]). И путь к абстрагированию, «уклонению» и «отступлению» от миметической пластики нам видится, в случае с Вальзером, Кафкой, Хандке, Бернхардом, не в последнюю очередь именно в стратегии схематизации, минимализации художественного языка. Среди близких немецким модернистам можно, без сомнения, назвать Семюэля Беккета и Поля Валери, трансформировавшего для своего господина Теста пространство комнаты в «головную» конструкцию, пространство чистой интеллектуальной возможности [Bevan 1980].

Итак, ландшафты, интериоризируясь, тяготеют к «головным», воображаемым, грезоподобным («*Ich war ein Inneres geworden und spazierte wie in einem Innern; alles Äußere wurde zum Traum*» [Walser 2015a: 57]). Р. Вальзер отказывается от предложенных издателем С. Фишером путешествий в Польшу и Турцию (по заданию редакции следовало написать путевой очерк). Его ответ: «Зачем писателю путешествовать, если у него есть фантазия?» [Seelig 2015: 88]. Пространство возможного, столь точно воссозданное Р. Музилем в «Человеке без свойств», оказывается лабораторией гипотез, спрятанных за «арабеском» абстракции.

Имя Пауля Клее возникает в связи с немецкоязычным литературным модернизмом неслучайно (так, Гессе включает его в мистический круг странствующих «в страну Востока»), в особенности в контексте Роберта Вальзера. Аналогия вальзеровского письма и абстрактного «детского» искусства Клее проводилась не раз, хотя и в разных аспектах [Walser 1982; Evans 1984; Scheffler 2014; Михайлова 2017]. «Паулем Клее в прозе» называет Вальзера Сьюзен Сонтаг в предисловии к американскому изданию, давая понять, однако, что это – лишь одна из репутаций в «целом арсенале блистательных сравнений» [Walser 1982: 4]. Действительно, в 1930–1940 гг. Вальзер уже сопоставлялся с Клее: Ж. Мозером в диссертации о современном романе (Лозанна, 1934), Хайнцем Политцером в «Масс унд Верт» (1938), Хансом Нефом в «Ди Вельтвохе» (1942) [Evans 1984: 27]. Коснемся здесь лишь стилевой аналогии. Т. С. Иванс, сравнивая лирику Вальзера («*Und ging*», «*Ein Landschaftchen*») и графику Клее, выявляет общий «пуристский линейный стиль», «радикальную бедность» языка, «предельную редукцию», «геометризацию» формы [ibid.: 28]. Обилие синтаксических параллелизмов, лексических повторов, мимикрия под детскую песенку делают язык этих стихотворений как бы опрошенным, «бедным». Оба, художник и писатель, предпринимают «бунт против натурализма», делая зримым «сущностное», а не видимое [ibid.: 35]. Графическая «Композиция на параллельных горизонтальных линиях» (*Komposition auf parallele Horizontallinien*, 1920) – «хороший пример трансформации естественных пространственно-глубинных отношений в плоскостные» [ibid.]. На этом рисунке «традиционная временная последовательность мутировала в игровой линейный ритм, в котором, кажется, нет ни начала, ни конца» [ibid.: 37], что, несомненно, сопоставимо с поэтикой «блуждающего» времени-пространства Вальзера.

Мы бы уточнили, что «бедность», если обратиться к прозе Вальзера, характеризует не столько его стилистику, сколько предметный мир: редуцирован не формальный язык (синтагматика), а изображаемое (семантика, означаемые). Воображение писателя как бы отказывается отправиться в действительную Польшу или Турцию (Биль, Берн, Берлин, Херизау), заполняя бумагу не топографически узнаваемыми приметам (ср.: Дублин Джойса, Лондон В. Вулф, Любек Т. Манна), а ландшафтами своих грез, или, по верному наблюдению Г. П. Михайловой, развертывая «линию» прогулки из «точки» в «путешествие к самому себе» [Михайлова 2017: 341]. «Как на полотнах Клее точка генерирует целый мир, который далее существует согласно прису-

щим ему законам, так и у Вальзера из точки является “Я” – субъективность, нечто, заполняемое из ничто, созерцаемого в движении» [Михайлова 2017: 343]. Весьма пронизательным видится соотношение Г. П. Михайловой особого типа чувствительности, порождаемой у Вальзера фланированием, с левинасовской «этикой *caresse* (фр.)» – «этикой ласкающего прикосновения» («Totalité et infini. Essai sur l'extériorité», 1971). «Ласка не обращена ни к личности, ни к вещи (“ni une personne, ni une chose”), она ничего не захватывает и ничем не обладает, не претендует на изменение существующего (“ne se prétend, à aucun de ces titres, un avatar de ce qui est”), она представляет собой манеру держаться между тем, что есть, и тем, чего еще нет (“la manière de se tenir ... entre l'être et le ne-pas-encore-être”), проявляет интенцию не обнаружения, а поиска – движения к невидимому (“marche à l'invisible”))» [там же: 341]. Таким образом, описания в знаменитой «Прогулке» Вальзера («Der Spaziergang», 1917) созданы «ласканием, точечными, не обязывающими к проникновению в суть, прикосновениями к встреченным по пути феноменам бытия» [там же: 342].

Действительно, именно это бескорыстно-бережное («uneigennützig und unegoistisch») отношение к миру, «ко всякой живой малой вещице» («jedes kleinste lebendige Ding» [Walser 2015a: 51]), одинаково чуткое к возвышенному и низменному, уклоняющееся от готовых формул и удостоверяющих описаний, и составляет глубинную основу «беспредметного» стиля Вальзера. На вальзеровскую «беспредметность» («Gegenstandslosigkeit») пронизательно указывали М. Брод, В. Беньямин [Scheffler 2014: 108].

Итак, «отступления», воображаемые тирады, призванные «подорвать напряжение интриги» [Frederick 2011: 24], составляют общее свойство уклоняющегося от мимесиса модернистского нарратива. Этот тип прозы, как было показано, представлен в творчестве Р. М. Рильке, Р. Вальзера, Т. Бернхарда, П. Хандке и др. Прогулка, странствие становятся в их поэтике такой повествовательной формой, в которой ослаблен сюжетобразующий, но гипертрофирован рефлексивный компонент. В итоге выстраивается глубинная семантическая конструкция этих нарративов: ‘Gehen’ – ‘Suchen’ – ‘Sich-Selbst-Sehnsuchen’ (гулять – искать – искать-себя / томиться-по-себе). Рильке записывает во «Флорентийском дневнике» (1898): «Как часто я испытываю острую тоску по себе самому [so grosse Sehnsucht nach mir]. Я знаю: путь еще далек; но вершина моей мечты – тот день, когда к себе приду – я сам [da ich mich empfangen werde]» [Рильке 2011: 14; Rilke 1982: 28–29]. «Встречусь с собой» («ich mich empfangen werde»), – пишет Рильке, если

точнее. Эта встреча постоянно отдалается, ибо вышедший на прогулку модернист обречен – в оглушающей и очаровывающей пестроте наблюдаемого – на непрестанную «самоутрату» («Sichverlieren» [Walser 2015a: 52]), и единственным, что сохраняет устойчивость в этом пути к себе, становится напечатанный текст. «Пилигрим с ослепленными болью глазами... <...> / сосредоточившийся над печатной машинкой <...> / Незыблемо тут стоят мои слова / для тебя / без меня» («Pilger mit den schmerzblindenden Augen / <...> / Gesammelt an der Schreibmaschine / <...> / Unerschüttlich stehen meine Worte da / für dich / ohne mich») [Handke 2007: 170]. Так, за печатанием текста, с осознанием самоотчуждения, заканчивается «Конец фланирования» П. Хандке – стихотворный цикл, возвестивший «возвращение фланера».

Примечания

¹ Ср. стихотворение Вордсворта «I wandered lonely as a cloud...».

² Связь между ритмом, темпом, вообще физиологией и топографией ходьбы, с одной стороны, и движением стиха – с другой, хорошо осознавалась О. Манделъштамом и была подробно развернута им в эссе «Разговор о Данте»: см. анализ этого аспекта в статье Й. Термана «Красота отправляется в дорогу. Поэтика шага в “Разговоре о Данте” Осипа Манделъштама» [Gellhaus, Moser, Schneider 2007: 297–307]. Отношениям ритма, моторики прогулки и речи посвящена монография М. Шелла [Shell 2015]; «риторику ходьбы» в современном мегаполисе исследует М. де Серто [де Серто 2008].

³ «Головному ландшафту» (Kopflandschaft) соответствует герой, характеризующий Бернхардом из романа в роман как «головной человек», «интеллектуал» («Kopfmensch»), «рассудочный человек» («Verstandesmensch»), явно сопоставимый с абстрактно мыслящим и абстрактно смоделированным г-ном Тестом П. Валери (цикл произведений о Тесте был одной из любимых книг Бернхарда) (см. подробно: [Котелевская 2014]).

Список литературы

Беньямин В. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма // Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе / пер. с нем. и фр. СПб.: Symposium, 2014. С. 47–234.

Дронова О. А. От гостиницы до съемной казармы: мотив дома в романах «новой деловитости» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 3(35). С. 94–102.

Котелевская В. В. Блудный сын модернизма // Иностранная литература. 2016. № 6. С. 232–245.

Котелевская В. В. «Взорванная идиллия» швейцарского мифа // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2015. № 1. С. 185–186. Рец. на кн.: Матт П. фон. Литературная память Швейцарии: Прошлое и настоящее / пер. с нем. Т. А. Баскаковой. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 464 с.

Котелевская В. В. «Господин Тест» Поля Валери в поэтике Томаса Бернхарда: вглубь одной цитаты // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 4. С. 57–67.

Лошакова Г. А. Художественная проза бидермейера в Австрии: жанры и поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2014. 427 с.

Михайлова Г. П. «Линия – это точка, вышедшая на прогулку». Пауль Клее, Роберт Вальзер и Михаил Шишкин: семантика фланирования // Знаковые имена современной русской литературы. Михаил Шишкин / под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Краков: scriptum, 2017. С. 335–348.

Моретти Ф. Буржуа: между историей и литературой. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 264 с.

Пруст М. Памяти убитых церквей. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.

Рильке Р. М. Флорентийский дневник / пер. с нем. В. Бакусева. М.: Текст, 2011. 222 с.

Руссо Ж.-Ж. Прогулки одинокого мечтателя // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: в 3 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. Т. 3. С. 571–663.

де Серто М. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 2. С. 24–38.

Хандке П. Учение горы Сен-Виктуар: романы / пер. с нем. М. Кореновой. СПб.: Азбука-Классика, 2006. 384 с.

Albes C. Der Spaziergang als Erzählmodell. Studien zu Jean-Jacques Rousseau, Adalbert Stifter, Robert Walser und Thomas Bernhard. Tübingen, Basel: Francke, 1999. 332 S.

Benjamin W. Die Wiederkehr des Flaneurs // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. III. Kritiken und Rezensionen. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 1991. S. 194–199.

Bernhard Th. Das Kalkwerk. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 1973. 211 S.

Bernhard Th. Der Untergeher. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 1988a. 243 S.

Bernhard Th. Frost. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973. 316 S.

Bernhard Th. Gehen // Bernhard Th. Werke. Bd. 12. Erzählungen II. Frankfurt am Main: Suhrkamp / Insel, 2006. S. 141–227.

Bernhard Th. Korrektur. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 1988b. 318 S.

Bevan E. Jr. Dialogue with the Self: Paul Valéry and Monsieur Teste // Twentieth Century Literature. Vol. 26, No. 1 (Spring, 1980). P. 15–26.

Broder H. Wandering in Contemporary Literature: A Narrative Theory of Cognition (2016) // CUNY Academic Works. URL: http://academic-works.cuny.edu/gc_etds/751 (дата обращения: 14.06.2017).

Coverley M. The Art of Wandering: The Writer as Walker. Harpenden: Oldcastle Books. 2012. 256 p.

Evans Tamara S. “A Paul Klee in Prose”: Design, Space, and Time in the Work of Robert Walser // The German Quarterly. Vol. 57, No. 1 (Winter, 1984). P. 27–41.

Frederick S. Re-reading Digression: Towards a Theory of Plotless Narrativity // Atkin R. (ed.). Textual Wanderings. The Theory and Practice of Narrative Digression. Oxford: Legenda, 2011. P. 15–26.

Fuest L. Poetik des Nicht(s)tuns. Verweigerungsstrategien in der Literatur seit 1800. München: Wilhelm Fink, 2008. 305 S.

Gellhaus A., Moser Ch., Schneider Helmut J. (Hg.). Kopflandschaften – Landschaftsgänge. Kultergeschichte und Poetik des Spaziergangs. Köln; Weimar: Böhlau, 2007. 348 S.

Handke P. Die Geschichte des Bleistifts. Salzburg u. Wien: Residenzverlag, 1982. 250 S.

Handke P. Versuch über die Jukebox // Handke P. Die drei Versuche. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 2001. 195 S.

Handke P. Das Ende des Flanierens // Handke P. Leben ohne Poesie. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 2007. S. 123–170.

Hummel V. G. Die narrative Performanz des Gehens. Peter Handkes “Mein Jahr in der Niemandsbucht” und “Der Bildverlust” als Spaziergängerstexte. Berlin: transcript, 2007. 220 S.

Neumeyer H. Der Flaneur: Konzeptionen der Moderne. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1999. 420 S.

Rilke R. M. Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge. München: Deutscher Taschenbuch, 1965. 3. Aufl. 174 S.

Rilke R. M. Das Florenzer Tagebuch. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982. 122 S.

Rilke R. M. Tagebücher aus der Frühzeit. Frankfurt am Main: Insel, 1973. 369 S.

Rousseau J.-J. Les rêveries du promeneur solitaire. URL: <http://www.rousseauonline.ch/Text/les-reveries-du-promeneur-solitaire> (дата обращения: 11.05.2017).

Seelig C. Wanderungen mit Robert Walser. 14. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2015. 185 S.

Scheffler K. Robert Walser Bieler Prosa. Spuren in ein “Bleistiftgebiet” *avant la lettre*. Berlin: transcript, 2014. 514 S.

Shell M. Talking the Walk & Walking the Talk: A Rhetoric of Rhythm. N. Y.: Fordham University Press, 2015. 209 p.

Timofte A. Einsamkeit (ver)schreiben: Umwertungen im anthropologiechen Diskurs des 18. Jahrhunderts // *Recherches Germaniques*, 2014. 44. Strasbourg. P. 27–49.

Ullyot J. Introduction: Failure Esthetics and the Modernist Quest Narrative // Ullyot J. *The Medieval Presence in Modernist Literature: The Quest to Fail*. N. Y.: Cambridge University Press, 2016. P. 1–17.

Walser R. *Kleine Dichtungen*. Leipzig: Kurt Wolff, 1914. 1. Aufl. 311 S.

Walser R. *Der Spaziergang*. Prosastücke und Kleine Prosa. Zürich; Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 2015a. 285 S.

Walser R. *Kleine Wanderung*. Geschichten. Stuttgart: Philipp Reclam, 2015b. 70 S.

Walser R. *Selected Stories*. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1982. 194 p.

Wallace Anne D. *Walking, Literature, and English Culture: The Origins and Uses of Peripatetic in the Nineteenth Century*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 265 p.

References

Benjamin W. Sharl Bodler. Poet v epokhu zrelogo kapitalizma [Charles Baudelaire. A Lyric Poet in the Era of High Capitalism]. Benjamin W. *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature*. Perevod s nem. i fr. [Masks of Time. Essay on Culture and Literature, Transl. from German and French]. St. Petersburg, Symposium Publishing House, 2014, pp. 47–234. (In Russ.)

Dronova O. A. Ot gostinitsy do s'yomnoy kazarmy: motiv doma v romanakh «novoy delovitosti» [From the Hotel to the Rental Housing: The Motif of Home in Novels of the “New Objectivity”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, issue 3(35), pp. 94–102. (In Russ.)

Kotelevskaya V. V. Bludnyy syn modernizma [The Lost Son of Modernism]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2016, issue 6, pp. 232–245. (In Russ.)

Kotelevskaya V. V. «Vzorvannaya idilliya shveysarskogo mifa»: Retsenziya na kn.: Matt P. fon. Literaturnaya pamyat' Shveysarii: Proshloe i nastoyashchee. Per. s nem. T. A. Baskakovoy, 2013. [“Exploded Idyll of Swiss Myth”: Review of the Book “Literary Memory of Swiss: Past and Future” by Peter von Matt. Transl. from German by T. Baskakova, 2013]. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philological Sciences], 2015, issue 1, pp. 185–186. (In Russ.)

Kotelevskaya V. V. «Gospodin Test» Polya Valeri v poetike Tomasa Bernkharda: vglub' odnoy tsyaty [Monsieur Teste by Paul Valéry in the poet-

ics of Thomas Bernhard: some intertextual traces of a quote]. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philological Sciences], 2014, issue 4, pp. 57–67. (In Russ.)

Loshakova G. A. *Khudozhestvennaya proza biedermeiera v Avstrii: zhanry i poetika*. Dis. dokt. filol. nauk [Fiction of Austrian Biedermeier: Genres and Poetics. Dr. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2014. 427 p. (In Russ.)

Mikhailova G. P. «Linia – eto tochka, vyshedshaya na progulku». Paul Klee, Robert Val'zer, Mikhail Shishkin: semantika flanirovaniya (rukopis' doklada) [Line is a Walking Point. Paul Klee, Robert Walser, Mikhail Shishkin: Semantics of the Flanerie (paper manuscript)]. *I Mezhdunarodnaya konferentsiya «Znakovye imena russkoy literatury. Mikhail Shishkin» 19–21.05.2016* (Yagellonskiy universitet; Institut vostochnoslavianskoy filologii, Pol'sha) [The 1st International Conference “Significant Names of Russian Literature. Mikhail Shishkin” 19–21 May 2016 (Jagiellonian University, Institute of Eastern Slavonic Studies, Poland)], pp. 335–348 (In Russ.)

Moretti F. *Burzhua: mezhdue istoriey i literaturoy* [The Bourgeois. Between History and Literature]. Moscow, Gaidar Institute Press, 2014. 264 p. (In Russ.)

Proust M. *Pamyati ubitykh tserkvey* [In Memory of Killed Churches]. Moscow, Ad Marginem Press, 2017. 128 p. (In Russ.)

Rilke R. M. *Florentiyskiy dnevnik*. Per. s nem. V. Bakuseva [Florentine Diary. Transl. from German by V. Bakusev]. Moscow, Tekst Publ., 2011. 222 p. (In Russ.)

Rousseau J. J. *Progulki odinokogo mechtatelya* [Reveries of a Solitaire Walker]. Rousseau J. J. *Izbrannye sochineniya*. V 3 t., t. 3 [Selected Works. In 3 vols., vol. 3]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1961, pp. 571–663. (In Russ.)

Certeau M. de Po gorodu peshkom [Walking in the city]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review], 2008, issue 7(2), pp. 24–38. (In Russ.)

Handke P. *Ucheniye gory Sen-Viktuar: Romany*. Per. s nem. M. Korenevoy [The Lesson of Mont Sainte Victoire. Transl. from German by M. Koreneva]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2006. 384 p. (In Russ.)

Albes C. *Der Spaziergang als Erzählmodell. Studien zu Jean-Jacques Rousseau, Adalbert Stifter, Robert Walser und Thomas Bernhard* [Walking as a Narrative Model. Studies of Jean-Jacques Rousseau, Adalbert Stifter, Robert Walser, and Thomas Bernhard]. Tübingen, Basel, Francke Publ., 1999. 332 p. (In Germ.)

- Benjamin W. Die Wiederkehr des Flaneurs [The Return of the Flaneur]. Benjamin W. *Gesammelte Schriften. Bd. III. Kritiken und Rezensionen* [Selected Works. Vol. 3. Critics and Reviews]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 1991, pp. 194–199. (In Germ.)
- Bernhard Th. *Das Kalkwerk* [The lime works]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 1973. 211 p. (In Germ.)
- Bernhard Th. *Der Untergeher* [The Loser]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 1988. 243 p. (In Germ.)
- Bernhard Th. *Frost* [Frost]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 1973. 316 p. (In Germ.)
- Bernhard Th. *Gehen* [Walking]. Bernhard Th. *Werke. Bd. 12. Erzählungen II* [Works. Vol. 12. Stories II]. Frankfurt am Main, Suhrkamp / Insel Publ., 2006, pp. 141–227. (In Germ.)
- Bernhard Th. *Korrektur* [Correction]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 1988. 318 p. (In Germ.)
- Broder H. *Wandering in Contemporary Literature: A Narrative Theory of Cognition* (2016). *CUNY Academic Works*. Available at: http://academic-works.cuny.edu/gc_etds/751 (accessed 14.06.2017). (In Eng.)
- Coverley M. *The Art of Wandering: The Writer as Walker*. Harpenden, Oldcastle Books, 2012. 256 p. (In Eng.)
- Ernest Bevan Jr. Dialogue with the Self: Paul Valéry and Monsieur Teste. *Twentieth Century Literature*, vol. 26, issue 1 (Spring, 1980), pp. 15–26. (In Eng.)
- Evans Tamara S. “A Paul Klee in Prose”: Design, Space, and Time in the Work of Robert Walser. *The German Quarterly*, vol. 57, issue 1 (Winter, 1984), pp. 27–41. (In Eng.)
- Frederick S. Re-reading Digression: Towards a Theory of Plotless Narrativity. Ed. by R. Atkin. *Textual Wanderings. The Theory and Practice of Narrative Digression*. Oxford, Legenda, 2011, pp. 15–26. (In Eng.)
- Fuest L. *Poetik des Nicht(s)tuns. Verweigerungsstrategien in der Literaturzeit 1800* [Poetics of Doing Nothing in Literature from 1800]. Munich, Wilhelm Fink Publ., 2008. 305 p. (In Germ.)
- Gellhaus A., Moser Ch., Schneider Helmut J. (Ed.). *Kopflandschaften – Landschaftsgänge. Kultergeschichte und Poetik des Spaziergangs* [Imagined Landscapes. Cultural History and Poetics of Walking]. Cologne, Weimar. Böhlau Publ., 2007. 348 p. (In Germ.)
- Handke P. *Die Geschichte des Bleistifts* [The History of the Pencil]. Salzburg & Wien, Residenzverlag Publ., 1982. 250 p. (In Germ.)
- Handke P. Versuch über die Jukebox [The jukebox and other essays on storytelling]. Handke P. *Die drei Versuche* [Three Essays]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 2001. 195 p. (In Germ.)
- Handke P. Das Ende des Flanierens [The End of Flanerie]. Handke P. *Leben ohne Poesie* [Life without Poetry]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 2007, pp. 123–170. (In Germ.)
- Hummel V. G. *Die narrative Performanz des Gehens. Peter Handkes “Mein Jahr in der Niemandsbucht” und “Der Bildverlust” als Spaziergängers texte* [Narrative Performance of Walking. Peter Handke’s “My Year in Nobody-Bay” and “Picture loss” as Walker-Texts]. Berlin, Transcript Publ., 2007. 220 p. (In Germ.)
- Neumeyer H. *Der Flaneur: Konzeptionen der Moderne* [The Flaneur. Concepts of Modernity]. Würzburg, Königshausen & Neumann Publ., 1999. 420 p. (In Germ.)
- Rilke R. M. *Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge* [The Notebooks of Malte Laurids Brigge. 3^d edition]. München, Deutscher Taschenbuch Publ., 1965. 174 p. (In Germ.)
- Rilke R. M. *Das Florenzer Tagebuch* [Florentine Diary]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 1982. 122 p. (In Germ.)
- Rilke R. M. *Tagebücher aus der Frühzeit* [Diaries of the Young Poet]. Frankfurt am Main, Insel Publ., 1973. 369 p. (In Germ.)
- Rousseau J.-J. *Les rêveries du promeneur solitaire* [Reveries of a Solitaire Walker]. Available at: <http://www.rousseauonline.ch/Text/les-reveries-du-promeneur-solitaire> (accessed 11.05.2017). (In French)
- Seelig C. *Wanderungen mit Robert Walser* [Wanderings with Robert Walser. 14th edition]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 2015. 185 p. (In Germ.)
- Scheffler K. *Robert Walser Bieler Prosa. Spuren in ein “Bleistiftgebiet” avant la lettre* [Robert Walser’s Biel Prose. Traces in a Pencil Territory avant la lettre]. Berlin, Transcript Publ., 2014. 514 p. (In Germ.)
- Shell M. *Talking the Walk & Walking the Talk: A Rhetoric of Rhythm*. New York, Fordham University Press, 2015. 209 p. (In Eng.)
- Timofte A. Einsamkeit (ver)schreiben: Umwertungen im anthropologiechen Diskurs des 18. Jahrhunderts [Solitude (Re)write: Revaluation in Anthropology Discourse of the 18th Century]. *Recherches Germaniques* [German Studies], 2014, issue 44, pp. 27–49. (In Germ.)
- Ullyot J. Introduction: Failure Esthetics and the Modernist Quest Narrative. Ullyot J. *The Medieval Presence in Modernist Literature: The Quest to Fail*. New York, Cambridge University Press, 2016, pp. 1–17. (In Eng.)
- Walser R. *Kleine Dichtungen* [Short Works. 1st edition]. Leipzig, Kurt Wolff Publ., 1914. 311 p. (In Germ.)

Walser R. *Der Spaziergang. Prosastücke und Kleine Prosa*. Zürich, Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 2015. 285 p. (In Germ.)

Walser R. *Kleine Wanderung. Geschichten* [Small Wandering Stories]. Stuttgart, Philipp Reclam Publ., 2015. 70 p. (In Germ.)

Walser R. *Selected Stories*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 1982. 194 p. (In Eng.)

Wallace Anne D. *Walking, Literature, and English Culture: The Origins and Uses of Peripatetic in the Nineteenth Century*. Oxford, Clarendon Press, 1993. 265 p. (In Eng.)

ON MODERNIST POETICS AND POETOLOGY OF WALKING: R. M. RILKE, R. WALSER, TH. BERNHARD, P. HANDKE

Vera V. Kotelevskaya

Associate Professor in the Department of Theory and History of World Literature

South Federal University, Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication

105/42, Bol'shaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation. vvkotelevskaya@sfnu.ru

SPIN-code: 4877-5532

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2650-7462>

ResearcherID: C-8059-2016

The paper examines walking as a subject of representation and reflection in German modernist literature. It analyzes fiction by Swiss and Austrian writers (R. M. Rilke, R. Walser, Th. Bernhard, P. Handke). This cultural practice is considered from several points of view: as a form of a modern person idling, a literary topic, a narrative model, a form of modernist poetics. The choice of subject matter is determined by cultural, historical-literary and style factors. The imagery of walking and wandering has had a long tradition in literature of the Alpine region (the so called "Alpen-Literatur"), being revised in the 20th century by modernist writers, who preserved but deconstructed its key topics. Poetics of the writers under research has some common features: a focus on search for the self, subordination of principles of composition to informal logics of the narrating I, lack of plotting, reduction of the objective world, preference for abstract vocabulary, inclusion of references to abstract art (avant-garde paintings and graphics, atonal music). This research aims to reveal genetic, typological and unique (national, author's) features of modernist poetics and poetics of walking. The following features of the modernist poetics of walking have been identified: the domination of aesthetic issues over the pragmatics of movement in space, prevalence of the imagined landscape over real, replacement of topography and close interconnection of walking and writing. In the modernist prose, thus, a walking person is a professional writer, and a ramble submits to intentions to compose a text about the walk.

Key words: modernism; Austrian literature; Swiss literature; poetics of walking; Rainer Maria Rilke; Robert Walser; Thomas Bernhard; Peter Handke.

УДК 821.112.2-3
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-109-116

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК И АРНО ЗУРМИНСКИ (проблема взаимодействия литературной традиции в военной прозе)¹

Олег Евгеньевич Похаленков

к. филол. н., доцент кафедры английского языка и переводоведения

Смоленский государственный университет

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4. rectorat@smolgu.ru

SPIN-код: 9055-6934

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1573-2728>

ResearcherID: L-2557-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Похаленков О. Е. Эрих Мария Ремарк и Арно Зурмински (проблема взаимодействия литературной традиции в военной прозе) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 109–116. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-109-116

Please cite this article in English as:

Pokhalenkov O. E. Erich Mariya Remark i Arno Zurminski (problema vzaimodeystviya literaturnoy traditsii v voennoy proze) [Erich Maria Remarque and Arno Surminski (Problem of Interaction of Literary Tradition in the War Prose)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 109–116. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-109-116 (In Russ.)

Представленное исследование посвящено компаративистскому анализу структуры образов героев в романе классика военной прозы о Первой мировой войне Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» и в произведении современного немецкого автора Арно Зурмински «Отечество без отцов». Компаративистский анализ осуществляется на базе сюжетной модели «инициация», которая рассматривается в качестве основы военной прозы. В ходе сравнительно-сопоставительного исследования выявляются события, реализующие мотивную модель (например, смерти, противопоставления прошлого и настоящего, фронтовой дружбы, социальной адаптации и др.) на соответствующих этапах «инициации» героя. В основе лежит традиционный (трехчастный) сценарий инициации, согласно которому иницируемый удаляется от людей, подвергается смерти-трансформации, а затем возрождается уже другим человеком. Было выявлено, что если для средневековых эпосов была характерна трансформация образа участника войны в образ героя, то в произведениях Ремарка и Зурмински мотив перерождения в ядре модели сменяется мотивом разочарования в происходящем (появление литературы потерянного поколения). Кроме того, мотив символической смерти, который изначально находился в ядре модели, не изменяет своего положения. При этом он приобретает сюжетобразующую функцию, так как перестает (из-за изменения функции) быть связанным с перерождением образа героя, а реализуется вместе с мотивом встречи с врагом. Меняются с развитием военной прозы и этапы инициации. Первоначальные этапы (удаление от людей, символическая смерть, перерождение) трансформируются в этапы взросления, фронтовых будней и возрождения (в образе неизвестного солдата).

Ключевые слова: Э. М. Ремарк; «На Западном фронте без перемен»; Арно Зурмински; «Отечество без отцов»; сюжетная модель; мотив, сравнительное литературоведение.

К проблеме сравнительного анализа произведений о Первой и Второй мировых войнах обращаются не часто. Известный литературовед Холгер М. Кляйн указывал на немногочисленность работ даже по теме сопоставительного исследования прозы о Первой мировой войне: «Компа-

ративистское исследование литературы о Первой мировой недостаточно широко представлено в современном сравнительном литературоведении» [Klein 1989: 17].

Действительно, в большинстве западных исследований, посвященных произведениям о Пер-

вой мировой войне, рассматривается преимущественно одна литература, хотя предполагается именно сравнительное изучение («Великая война и современная память» Пола Фассела [Fussell 1975], «Художественное изображение войны» Самюэля Хайнса [Hynes 1990], «Военные воспоминания» Клауса Вондунга [Vondung 1980], «Представление о войне» Берна Хеппауфа [Hürpaufl 1984]).

Автор одной из отечественных работ по сравнительному литературоведению, П. М. Топер, рассуждая о месте советской литературы о Второй мировой войне в контексте мирового литературного процесса, отмечает, что «существует ряд родовых признаков, характерных для очень многих книг об армии и о войне, вне зависимости от того, где и когда они появились <...> Можно указать и на устойчивые мотивы, своего рода сюжетные константы, которые часто встречаются в самых разных книгах о войнах: солдатская дружба (“фронтовое товарищество”), тяжесть походной жизни, дезертирство, оторванность от семьи и близких, бой за мост (или переправу, или высоту) как узел, к которому сходятся основные нити действия, и т. п.» [Топер 1985: 17].

Сравнительно-сопоставительный анализ произведений, написанных авторами разных исторических эпох о двух катастрофических событиях мировой истории (Первой и Второй мировых войнах), перспективен. В настоящее время «На Западном фронте без перемен» Э. М. Ремарка рассматривается как хрестоматийное произведение о Первой мировой войне и служит ориентиром для многих отечественных и зарубежных военных прозаиков. Выбор же для сопоставления с ним романа «Отечество без отцов» Арно Зурмински² (Arno Surminski «Vaterland ohne Väter», 2006) объясняется тем, что его основная тема – переосмысление событий Второй мировой войны – в современной немецкой художественной прозе занимает особое место, так как связана с болезненными для страны воспоминаниями о гитлеровском режиме. Кроме того, он воскрешает в памяти нынешнего поколения воспоминания об участии их родственников во Второй мировой войне.

Таким образом, анализ двух произведений, принадлежащих к различным эпохам (Э. М. Ремарка о Первой мировой войне и А. Зурмински о Второй мировой), дает возможность выявить типологические сходства в создании образа центрального персонажа (как носителя авторского замысла) и в построении текста о войне на фабульно-сюжетном уровне. Исследование проведено с использованием мотивно-тематического комплекса инициации, который, по нашему мнению, лежит в основе военной прозы в целом³.

Модель образа строится по традиционному (трехчастному) сценарию инициации, согласно которому иницируемый удаляется от людей, подвергается смерти-трансформации, а затем возрождается уже другим человеком. В представленном исследовании первый этап, *удаление от людей*, соответствует этапу *взросления*, или *подготовительному* этапу; второй – *фронтовым будням*, третий – *возрождению*. Каждый из этапов имеет собственный набор событий, которые репрезентируют этот этап на мотивном уровне.

Оперируя термином *герой*, мы отталкиваемся от определения М. М. Бахтина, который под эстетическим целым героя понимал «совокупность ценностных смыслов, которые оцеляют литературный персонаж и поднимают его до уровня героя, ценностно завершенного и отвечающего эстетическим запросам эпохи» [Бахтин 1979: 121]. Как считает И. В. Силантьев, «эти ценностные смыслы формируются в результате осмысления персонажа в его фабульно значимых действиях и обстоятельствах как деятеля – в его сюжетно значимых поступках» [Силантьев 2002: 21].

В трактовке мотива мы следуем теории Силантьева. Исследователь указывает, что «взятый на уровне своего системного статуса, мотив находится вне состава определенных повествований и тем более текстов. <...> В повествовании мотив облекается в плоть фабульного действия и сопрягается с системой персонажей, что и выражается в формировании события как такового. Именно событие является реализацией мотива в повествовании. <...> Мотив соотносим с сюжетом в плане прагматики события, т. е. в плане того конкретного смысла и интенции, которые событие обретает в сюжете» [Силантьев 2009: 21].

В нашем исследовании, наряду с теорией Силантьева, используется ядерно-периферийная мотивная модель, где выдвижение мотива в ядро модели свидетельствует о его принадлежности к группе сюжетных мотивов, а выдвижение на периферию – фабульных. Движение мотива из периферийной зоны в ядро определяется реакцией героя на событие, лежащее в основе реализации мотива. Если это событие влечет изменение в эстетическом целом героя, то мотив становится сюжетным. Таким образом, фабульный мотив, находясь как бы за пределами повествования, реализуясь в конкретном тексте и событии, приобретает статус сюжетного и, соответственно, ядерного⁴.

Подобное разграничение мотивов позволяет рассмотреть те события (а значит, и мотивы), с помощью которых происходит формирование образа героя, с точки зрения обряда инициации в статике, а не в динамике⁵.

1 этап инициации. Удаление от людей

Действия, связанные с пребыванием центрального персонажа на фронте, в произведениях Ремарка и Зурмински происходят на передовой. Разница в том, что у Ремарка это Западный фронт во время Первой мировой войны, а у Зурмински – Восточный во время Второй мировой.

Однако если у Ремарка повествование осложняется время от времени переходами от Я-повествования (Пауль Боймер) к Мы-повествованию (коллективное Мы-товарищи), то у Зурмински оно представляет собой сложную полифоническую форму. Нарратором является дочь солдата Вермахта, погибшего на Восточном фронте, Роберта Розена. Она неожиданно для себя заинтересовывается событиями, относящимися к смерти отца, и проходит весь его путь, читая присланные им с фронта письма. Кроме того, дочь Розена является матерью солдата нынешней Германии, который воюет в составе миротворческого корпуса в Приштине, тем самым продолжая уже в XXI в., дело своего деда⁶.

Помимо сюжетной линии, связанной с прошлым и настоящим семьи Розенов, автор обращается к истории сослуживцев Роберта – его однополчан, которые, как и он сам, погибают в финале произведения. Подобное авторское решение может быть продиктовано желанием дать всеобъемлющую картину катастрофы молодого германского поколения, которое было втянуто в захватнические войны Гитлера. Однако и Ремарк, и Зурмински отмечают, что участие в войнах Боймера и Розена (как и их однополчан) было добровольным. Как когда-то Боймер и его одноклассники поддались бравурным речам Канторка (их учителя) и записались добровольцами на фронт Первой мировой войны, так и Розен был не против отправиться на Восточный фронт. Примечательно, что ни он, ни его сослуживцы не испытывали неприятия к этой войне. Более того, они воспринимали ее как данность (как и предшествовавшие войны с Францией и др.). Дочь Розена пишет: «Не знаю, должна ли я ему это объяснять. Эти люди полагают, что мертвых обманули дважды. Вначале те, кто послал их на войну, затем другие, которые забыли про них после войны» [Зурмински Отечество] («Ich weiss es nicht, ob ich es ihm erklären muss. Diese Leute meinen, dass man die Toten zweimal betrogen hat. Zum ersten Mal diejenigen, die sie in den Krieg geschickt haben und zum zweiten Mal die Anderen, die sie nach dem Krieg vergessen haben» [Surminski Vaterland]).

Как уже отмечалось выше, первый этап инициации связан с продвижением на передовую / нахождением героев на передовой: Боймер перемещается в рамках пространственно-временной

сферы «фронт», а Розен меняет топоры (например, русские деревни) и окопы (окоп, деревенский дом и др.). Таким образом, мотивная модель данного этапа состоит из мотивов, которые обусловлены событиями перемещения центральных персонажей и необходимостью их приспособления к фронтовой жизни. В дальнейшем эти события реализуются в произведении в мотивах и сформируют основную фабульную линию (мотив перемещения, мотив встречи с однополчанами, мотив противопоставления, мотив социальной адаптации / отказа от социальной адаптации). Рассмотрим фабульную цепочку мотивов и ее трансформацию в сюжет под влиянием реакции героя на то или иное событие.

У обоих авторов мотив перемещения не соотносится с ядерным положением мотивной модели, так как связан с внутренними изменениями героев. Однако эти мотивы взаимодействуют с мотивом противопоставления и мотивом социальной адаптации. Мотив противопоставления прошлого и настоящего на данном этапе занимает ядерное положение, так как указывает на взросление героев. Например, Роберт Розен из «Отечества без отцов» постоянно противопоставляет свои военные будни и мирную жизнь в тихой деревне. Боймер Ремарка также время от времени возвращается в воспоминаниях к своей жизни в родном городе. Несмотря на службу на передовой, оба центральных персонажа не тягостятся ею, так как они находятся в кругу однополчан (т.е. социально адаптируются). Мотив встречи с однополчанами занимает ядерное положение в течение всего повествования как у Ремарка, так и у Зурмински. Его реализация имеет определенные особенности у каждого из авторов. У Ремарка этот мотив объединяет бывших одноклассников, которые изначально оказываются в качестве обманутых государством и учителями. Зурмински сводит своих персонажей уже на фронте, но сохраняет разницу в их социальном происхождении.

Особую реализацию приобретает мотив отношения к врагу. Как у Ремарка, так и у Зурмински он не имеет негативной интерпретации. Более того, оба автора подчеркивают нейтральное отношение к противнику. У Зурмински это особенно показательно, так как его герой (а также и товарищи героя) считает, что он воюет не с русскими, а с большевизмом («Вся Европа воюет с большевизмом» [Зурмински Отечество]) («Das ganze Europa kämpft gegen Bolschewismus» [Surminski Vaterland]). Кроме того, особым образом автор подчеркивает отношение русских к немцам (завоевателям): оно не носит негативного характера, а, наоборот, оно скорее положительное. Русские крестьяне и жители деревень, где оста-

навливается герой на ночлег, иногда воспринимают немецкие войска как освободителей и не испытывают к ним вражды. Подобный взгляд просматривается и со стороны немецких солдат: например, русские топят для немцев баню, те в ответ помогают им по хозяйству и кормят шоколадом их детей.

Такое же отношение выводит и Ремарк, который показывает, что война, которая ведется между двумя странами, не нужна ни немцам, ни французам. В сценах на передовой Боймер и его сослуживцы часто говорят о французах только как о военных противниках. У Ремарка, в отличие от Зурмински, отсутствуют детальные описания общения с пленными и остановок на ночлег. Позже, однако, Ремарк выражает свое отношение к врагу в знаменитой сцене встречи в воронке с пленным французом (или с пленными русскими, которых подкармливает Боймер).

Итак, на этапе «удаление от людей» среди фабульных мотивов сюжетными становятся мотив противопоставления и мотив социальной адаптации, т. к. именно они позволяют показать изменения в образе героя и вынужденную временную адаптацию к происходящему.

II этап инициации. Фронтовые будни

Этап «фронтовые будни» в обоих произведениях отражает период взросления героев – трансформацию образов от «неоперившихся» новобранцев до опытных военных. На этом этапе действие происходит на фронте, где Розен Зурмински и Боймер Ремарка проводят будни за обстрелами, копанием окопов и, главное, разговорами с однополчанами. Именно во время этих разговоров у центральных персонажей появляется ощущение обманутости со стороны государства. Боймер и Розен начинают осознавать, что в войне, в которую они вовлечены, нет ничего героического и что смерть на фронте отличается от той, которую, например, Боймеру описывал его школьный наставник. Именно эти разговоры начинают влиять на зарождение и постепенное укрепление мысли об отсутствии героического пафоса в ведущейся войне.

В процессе смены локусов (овраг, переход, деревня, передовая и др.) мотив боязни смерти окончательно закрепляется в ядре мотивной модели и, соответственно, в сюжете, так как указывает на близость смерти к герою, и также реализуется на уровне системы персонажей – во встрече с врагом, который воспринимается как такой же человек, как и сам герой. У обоих авторов встреча с врагом не имеет дальнейшей традиционной интерпретации как события, которое становится поводом для осознания себя защитником родины от захватчиков.

Для сравнения показательны такие описания у Ремарка и Зурмински. У Ремарка: «Мы превратились в опасных зверей. Мы не сражаемся, мы спасаем себя от уничтожения. Мы швыряем наши гранаты в людей, – какое нам сейчас дело до того, люди или не люди эти существа с человеческими руками и в касках?» [Ремарк] («Aus uns sind gefährliche Tiere geworden. Wir kämpfen nicht, wir verteidigen uns vor der Vernichtung. Wir schleudern die Granaten nicht gegen Menschen, was wissen wir im Augenblick davon, dort hetzt mit Händen und Helmen der Tod hinter uns her [Remarque]). И у Зурмински: «Я сижу у входа в караульное помещение и лужгаю семечки подсолнуха. Боец, что охраняет пленных, делает знак, будто перерезает горло. Если мы их расстреляем, то одной проблемой будет меньше, полагает он. Мы все больше дичаем. Три месяца назад никто не осмеливался произносить подобную фразу и даже думать об этом не хотел. К счастью, пока еще запрещено расстреливать пленных» [Зурмински Отечество] («Ich sitze am Eingang zum Wachlocal und knabbere Sonnenblumenkerne. Der Soldat, der die Kriegsgefangenen bewacht, gibt ein Signal, als ob er die Kehle durchscheidet. Wenn wir sie erschiessen, so haben wir ein Problem weniger, meint er. Wir verwildern immer mehr. Vor drei Monaten hat niemand es gewagt, einen ähnlichen Satz auszusprechen und sogar nicht gewollt, daran zu denken. Zum Glück ist es noch verboten, die Kriegsgefangenen zu erschiessen» [Zurminski Vaterland]).

Следует отметить, что мотив социальной адаптации на этапе «фронтовые будни» трансформируется в мотив отказа от героического подвига, который находит реализацию в отказе от действий, которые традиционно совершают персонажи – участники военных событий, и от представления о своих военных противниках как о врагах.

III этап инициации. Возрождение

Согласно традиционной интерпретации третий этап инициации связан с возрождением центрального персонажа в образе героя. Подобная трактовка находила отражение еще в эпических произведениях, в которых происходила символическая смерть персонажа и его последующее воскрешение в образе героя, увенчанного славой и почетом. Однако в книгах о Первой мировой войне, а затем и о Второй, подобной интерпретации нет. Объяснением этому может служить специфика описываемых в них войн. Первая мировая стала первой войной нового времени, при изображении которой героический подвиг уступил место фронтовым будням. Авторы же военной прозы о Второй мировой следовали примеру предшественников и заострили внимание читате-

ля в своих произведениях на тех же темах. Поэтому будни солдат Первой и Второй мировых войн были наполнены борьбой со вшами, смертью сослуживцев, копанием окопов и др. В подобных фронтовых буднях не было ничего героического, так как задача писателей изменилась. Не было необходимости описывать подвиг – важно было показать трагедию человека, попавшего на войну.

Мотив разочарования приобретает особую трактовку в связи с отпуском героя по ранению, во время которого он оказывается дома. Традиционно топос дома ассоциируется у солдата с возвращением к чему-то родному, а главное – к прошлому. Заметим, что отпуск означает перемещение героя из пространственно-временной сферы «фронт» в пространственно-временную сферу «мирная жизнь». Таким образом происходит пересечение условной границы между прошлым и настоящим героя. Пересечение границ указывает на то, что возвращение влечет за собой и внутренние изменения.

В отличие от ремарковского описания отпуска Пауля Боймера, поездка Робета Розена связана в большей степени с его бракосочетанием. Однако описание дороги на родину и само пребывание в родном доме имеет ряд типологических сходений с таковыми романа Ремарка. В первую очередь, оба героя ощущают себя «чужими» в пространственно-временной сфере «мирная жизнь» – в своей семье и в своем доме. Однако если у Боймера так и не произошло возвращения в семью и родной город, то Розен «вернулся», так как во время отпуска у Розена происходит свадьба. С этим событием связано выдвигание в ядро мотива смерти, так как во время торжества к Роберту и его гостям приходит женщина и сообщает, что ее сын погиб на фронте и она получила похоронку.

В дальнейшем мотив смерти имеет сложную реализацию в текстах произведений Ремарка и Зурмински. У Ремарка этот мотив сопряжен с мотивом взросления и этот мотив выдвигается в ядро мотивной модели. Его ядерное положение определяется событием, которое знаменует первую символическую смерть – одного из сослуживцев, Кеммериха. По теории инициации герой должен пройти в ходе этого процесса символическую смерть и возродиться в новом образе. Однако военная проза Первой мировой войны эту традицию изменила и трансформировала с учетом новой реальности. Если прежде символическая смерть знаменовала перерождение героя, то в тексте Ремарка можно наблюдать постепенное перерождение героя, которое началось с момента смерти одноклассника и однополчанина Боймера, так как это был первый человек, который умирал на его глазах. Эта смерть повлекла

за собой серьезные изменения в мировоззрении героя. Если раньше, когда он участвовал в сражениях, обстрелах и т. д., это все казалось ему далеким, то сейчас война коснулась его лично. Со смертью Кеммериха связано возникновение мотива разочарования в настоящей войне и довоенных идеалах.

Далее, мотив смерти у Ремарка реализуется через убийство военного противника – печатника Дювала. Это убийство носит символический характер по нескольким причинам. Во-первых, оно окончательно подготавливает героя к перерождению. Во-вторых, совершенное убийство заставляет его почувствовать цену жизни и увидеть во враге простого человека. Выдвижение мотива смерти в ядро модели также является катализатором появления мотива противопоставления прошлого и настоящего героя на уровне оппозиции свой – чужой. До убийства печатника Дювала для Боймера существовало четкое разграничение своих, т. е. тех, кто являлся его сослуживцами, родственниками и жителями Германии, и чужих, т. е. врагов, с которыми он сражался, – французов, англичан, русских. Теперь же четкая граница между этими понятиями для него исчезла. Он перестал воспринимать как врагов тех, кто был ими для него в начале войны. Подобное изменение мировоззрения отразилось и на мотивном уровне текста – в реализации мотива разочарования в довоенной героике.

В романе «Отечество без отцов» первая символическая смерть происходит на бракосочетании Роберта Розена. Известие о смерти односельчанина Розена выдвигает мотив смерти в ядро мотивной модели. Мотив смерти, таким образом, отодвигает мотив любви (свадьба) на периферию мотивной модели. Если до этого известия герой говорил о своем возвращении и происходящее бракосочетание указывало на это, то теперь сам брак Розена стал символизировать скорее появление микротемы выживания, которая является стержневой в этой части произведения, так как герой понимает, что остаться в живых – его главная задача на этой войне.

Вторая символическая смерть – это смерть самого Роберта. Традиционно символическая смерть противника должна характеризовать возрождение героя. Однако Роберт изначально не испытывает отрицания или ненависти к русским, своим врагам. Поэтому Зурмински идет по традиционному сценарию – символическая смерть происходит с самим Розеном. Примечательно, что описание гибели героя полностью совпадает с ремарковской сценой смерти Боймера. Подобное авторское решение вполне оправдано по нескольким причинам. Во-первых, Розен, как и Боймер, перестал воспринимать ведущую вой-

ну, он перестал ее оправдывать (хотя бы для самого себя). Роберт, как когда-то Боймер и его однокурсники, был во власти геройских стремлений и идей, которые формировала государственная пропаганда: парады, марши – все то, что составляет романтический образ войны. Во многом это стало возможным потому, что Германия всегда идеализировала образ офицера. Молодые люди, плененные пламенными речами, без колебаний соглашались записываться добровольцами.

В последних главах обоих произведений в ядро мотивной модели выдвигается мотив возвращения. Однако он не реализуется полностью, так как его полной реализации мешает мотив смерти (гибель сослуживцев) и мотив разочарования. На момент окончания процесса инициации Боймер Ремарка оказался одиноким и сломленным. Мотив разочарования в ядре свидетельствует об осознании им бессельности смерти его сослуживцев и о предчувствии собственной смерти. Ремарк подчеркивает, что гибель героя так и остается незамеченной – на Западном фронте все оставалось без перемен. Зурмински также указывает, что смерть Роберта была своего рода благословием, так как избавила его от дальнейших страданий. И, как и у Ремарка, на фронте все было тихо и без перемен (его сослуживец замечает, что снаряд избавил его от дальнейших страшных мук). Все это говорит о том, что оба автора хотели подчеркнуть: то была смерть одного из солдат, обычного человека. Его гибель не была геройской, и самого Боймера, и Розена никак нельзя причислить к эпическим героям, которых описывали прежде, их образы трансформируются в образы неизвестных солдат, так как их смерти остались никем не замеченными.

Таким образом, было установлено, что героем и Ремарка, и Зурмински были пройдены все три этапа инициации: он отделился от людей, стал частью фронтового братства и возродился. Мотивная модель в анализируемых текстах также имеет схожее типологическое построение: в центр мотивной модели выдвигаются мотивы фронтовой дружбы и смерти. Определенная разница наблюдается в произведениях Ремарка и Зурмински на третьем этапе: она объясняется затекстовыми особенностями и историческим бэкграундом произведений. Зурмински отходит от традиционной интерпретации инициации, заменяя традиционную для прозы Первой мировой войны символическую смерть противника на бессельную гибель самого героя в конце произведения. Объяснением этому может служить желание отойти от традиционной модели убийства врага, так как необходимо было показать солдата Третьего рейха не в типичном ракурсе убийцы, а скорее жертвы пропаганды, что подтверждается

словами дочери Роберта: «Я искала убийц, а нашла людей» [Зурмински Отечество] («Ich habe Mörder gesucht, aber Leute gefunden» [Surminski Vaterland]).

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта DAAD и Министерства образования и науки Российской Федерации по программе «Иммануил Кант».

² Критические работы, в которых освещается творчество А. Зурмински, немногочисленны. См.: [Beyersdorf 2007; Beyersdorf 2009; Hüppauf 1984; Surminski 2004: 10].

³ См. подробнее: [Похаленков 2016].

⁴ Следует отметить, что еще в 1940 г. известный немецкий литературовед Р. Петш предлагал разделять мотивы на ядерные и периферийные. Однако в его работах дефиниция ядра и периферии не особенно ясна [Petch 1940].

⁵ В 2003 г. Вышла в свет монография М. Парвановой, в которой впервые затрагивалась проблема интерпретации мотивов произведений Э. М. Ремарка. Основная цель работы Парвановой – выделение мотивов и изучение их символики [Parvanova 2003: 11]. Причем в ней использована методика, отличная от нашей [там же: 14].

⁶ В настоящем исследовании нами будет рассматриваться только линия, относящаяся к центральному персонажу – Роберту Розену.

Список литературы

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 341 с.

Зурмински А. Отечество без отцов. URL: http://royallib.com/book/arno_zurminski/otechestvo_bez_ottsov.html (дата обращения: 10.01.2017).

Похаленков О. Е. Образно-мотивный комплекс «инициация» в истории мировой литературы (на примере произведений о войне) // ФИЛОЛОГОС. 2016. Вып. 1(28). С. 49–57.

Ремарк Э. М. На Западном фронте без перемен. URL: <http://lib.ru/INPROZ/REMARK/front.txt> (дата обращения: 08.11.2014).

Силантьев И. В. Мотив как проблема нарратологии // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5. С. 32–60.

Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. М.: Языки слав. культуры, 2009. 224 с.

Тонер П. М. Война и история (Советская литература о Великой Отечественной войне в контексте мирового литературного процесса) // Вторая мировая война в литературе зарубежных стран / под. ред. П. М. Тонера. М.: Наука, 1985. С. 5–68.

Beyersdorf H. Das kleine Dorf und der grosse Krieg. Arno Surminskis roman Vaterland ohne Väter

// Ostpreussen-Westpreussen-Danzig. Eine Historische Literaturlandschaft / ed. Jens Stüben. München: R. Oldenbourg Verlag, 2007. S. 589–603.

Beyersdorf H. The Banality of Evil?: Arno Surminski's Die Vogelwelt von Auschwitz // AUMLA (Journal of the Australasian Universities Language and Literature Association). 2009. Special Issue, P. 205–218.

Fussell P. The Great War and Modern Memory. Oxford University Press, 1975. 375 p.

Hüppauf B. (Hrsg.), Ansichtenvom Krieg. Vergleichende Studien zum Ersten Weltkrieg in Literatur und Gesellschaft. Königstein: Taunus, 1984. 534 S.

Hynes S. A War Imagined: The First World War and English Culture. L.: Bodley Head, 1990. 514 p.

Klein H. Basic Attitude and Enemy Images in the Representation of the First World War by Remarque, Hemingway and Céline // Krieg and Literatur. War and Literature. Vol. I, № 1, 4/1989. S. 7–32.

Petsch R. Motive, Formel und Stoff // Deutsche Literaturwissenschaft (Reihe Germanischen Studien). Verlag Dr. Emil Ebering: Berlin, 1940. S. 129–150.

Parvanova M. "... das Symbol der Ewigkeit ist der Kreis". Eine Untersuchung der Motive in den Romanen von Erich Maria Remarque. Berlin: Tenea, 2003. 300 S.

Remarque E. M. Im Westen nichts Neues. URL: http://e-lingvo.net/library_download_remarque_13295.html (дата обращения: 10.08.2014).

Surminski A. Vaterland ohne Väter. Berlin: Ullstein, 2004. 455 S.

Surminski A. Vaterland ohne Väter // Preussische Allgemeine Zeitung. Folge 32–7. August 2004. S. 10.

Vondung K. (Hrg.) Kriegserlebnis. Der Erste Weltkrieg in der literarischen Gestaltung und symbolischen Deutung der Nationen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1980. 414 S.

References

Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979. 341 p. (In Russ.)

Surminski A. *Otechestvo bez ottsov* [Fatherland without fathers]. Available at: <http://royallib.ru> (accessed 10.01.2017). (In Russ.)

Pokhalenkov O. E. Obrazno-motivnyy kompleks «initsiatsiya» v istorii mirovoy literatury (na primere proizvedeniy o voyne) [Image-motivic complex «initiation» in the history of world literature (through the example of works about war)]. *Filologos*. [Filologos. The Bulletin of Bunin Yelets State University], 2016, issue 1(28), pp. 49–57. (In Russ.)

Remarque E. M. *Na Zapadnom fronte bez pere-men* [All Quiet on the Western front]. Available at: <http://lib.ru/INPROZ/REMARK/front.txt> (accessed 08.11.2014). (In Russ.)

Silant'ev I. V. Motiv kak problema narratologii [Motif as a problem of narratology]. *Kritika i semiotika*. [Critique and Semiotics], 2002, vol. 5, pp. 32–60. (In Russ.)

Silant'ev I. V. *Syuzhetologicheskie issledovaniia* [Plot researches]. Moscow, LRC Publishing House, 2009. 224 p. (In Russ.)

Topey P. M. Voyna i istoriya (Sovetskaya literatura o Velikoy Otechestvennoy voyne v kontekste mirovogo literaturnogo protsesssa) [War and history (Soviet literature about the Great Patriotic War in the context of the world literary process)]. *Vtoraya mirovaya voyna v literature zarubezhnykh stran* [The second world war in literature of foreign countries]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 5–68. (In Russ.)

Beyersdorf H. Das kleine Dorf und der grosse Krieg. *Arno Surminskis roman Vaterland ohne Väter*. Ostpreussen-Westpreussen-Danzig. Einehistorische Literaturlandschaft, ed. by Jens Stüben. Munich, R. Oldenbourg Verlag Publ., 2007, pp. 589–603 (In Germ.)

Beyersdorf H. The Banality of evil?: Arno Surminski's Die Vogelwelt von Auschwitz. *AUMLA (Journal of the Australasian universities language and literature association)*, Special Issue, 2009, pp. 205–218. (In Eng.)

Fussell P. *The Great War and Modern Memory*. Oxford University Press, 1975. 375 p. (In Eng.)

Hüppauf B. (Hrsg.) Ansichtenvom Krieg. *Vergleichende Studienzum Ersten Weltkrieg in Literatur und Gesellschaft*. Königstein, Taunus, 1984. 534 p. (In Germ.)

Hynes S. A War Imagined. *The First World War and English Culture*. London, Bodley Head, 1990. 514 p. (In Eng.)

Klein H. Basic Attitude and Enemy Images in the Representation of the First World War by Remarque, Hemingway and Céline. *Krieg and Literatur*, vol. I, issue 1, 4/1989, pp. 7–32. (In Eng.)

Petsch R. Motive, Formel und Stoff. *Deutsche Literaturwissenschaft (Reihe Germanischen Studien)*, Heft 222, 1940, pp. 129–150. (In Germ.)

Parvanova M. «... das Symbol der Ewigkeitist der Kreis». Eine Untersuchung der Motive in den Romanen von Erich Maria Remarque. Berlin, Tenea, 2003. 300 p. (In Germ.)

Remarque E. M. *Im Westennichts Neues*. Available at: <http://e-lingvo.net> (accessed 10.08.2014) (In Germ.)

Surminski A. *Vaterland ohne Väter*. Berlin, Ullstein, 2004. 455 p. (In Germ.)

Surminski A. Vaterlandohne Väter. *Preussische Allgemeine Zeitung*, Issue 32–7, August 2004, p. 10. (In Germ.)

Vondung K. (Hrg.) Kriegserlebnis. *Der Erste Weltkrieg in der literarischen Gestaltung und symbolischen Deutung der Nationen*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1980. 414 p. (In Germ.)

ERICH MARIA REMARQUE AND ARNO SURMINSKI
(Problem of Interaction of Literary Tradition in the War Prose)

Oleg E. Pokhalenkov

Associate Professor in the Department of English Language and Translation Studies

Smolensk State University

4, Przheval'skogo st., Smolensk, 214000, Russian Federation. rectorat@smolgu.ru

SPIN-code: 9055-6934,

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1573-2728>

ResearcherID: L-2557-2017

The paper deals with the comparative analysis of the structure of main characters in the classic novel of the First World War prose *All Quiet on the Western Front* by Erich Maria Remarque and the work by the contemporary German author Arno Surminski *Fatherland without Fathers (Vaterland ohne Väter)*. The analysis is based on the narrative model of “initiation”, which is regarded as the basis of the war prose. The author identifies the events that implement the motif model (e. g., death, contrasting of the past and present, frontline friendship, social adaptation, etc.) at the corresponding stages of the literary hero’s “initiation”. It is based on the traditional (three-part) scenario of initiation, whereby the initiated gets away from people, undergoes death-transformation, and is finally reborn as a different person. It has been found that while the medieval epics were characterized by the transformation of a war participant into the image of the hero, in the works by Remarque and Surminski the motif of rebirth in the model core is replaced with the motif of disappointment with what is happening (emergence of the lost generation literature). The motif of symbolic death, which was originally in the model core, does not change its position. However, it acquires a plot-shaping function as it ceases to be associated with the transformation of the literary hero’s image (due to the change in functions) and is implemented together with the motif of meeting the enemy. The stages of initiation also change along with the development of the war prose. The initial stages (getting away from people, symbolic death, rebirth) are transformed into the stages of growing up, frontline everyday life and rebirth (in the image of the unknown soldier).

Key words: E. M. Remarque; *All Quiet on the Western Front*; Arno Surminski; *Vaterland ohne Väter*; *Fatherland without Fathers*; story model; motif; comparative literature.

УДК 821.111+821.161.1.09“18”
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-117-131

«НАКАНУНЕ ЛЮДЕЙ ДЕЛА»: НОВЫЙ ТИП ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОРДЖ ЭЛИОТ И И. С. ТУРГЕНЕВА

Борис Михайлович Проскурнин

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-код: 5554-1732

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

ResearcherID: M-4794-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Проскурнин Б. М. «Накануне людей дела»: новый тип женщины в творчестве Джордж Элиот и И. С. Тургенева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 117–131. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-117-131

Please cite this article in English as:

Proskurnin B. M. «Nakanune lyudey dela»: novyy tip zhenshchiny v tvorchestve Dzhordzh Eliot i I. S. Turgeneva [“On the Eve of the People of Action”: a New Type of Woman in the Works of George Eliot and I. S. Turgenev]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 117–131. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-117-131 (In Russ.)

Статья посвящена вопросам типологических сходжений и творческого своеобразия в решении проблемы нового героя в литературе середины и второй половины XIX в. на примере произведений Джордж Элиот и И. С. Тургенева. Рассматриваются как сам факт личного знакомства и дружбы двух выдающихся писателей, так и социокультурные, литературные, эстетические, нравственные и прочие причины их дружбы, глубокого личностного и творческого взаимопонимания. Исследовательский акцент делается на типологически сходных подходах писателей к построению художественных миров, в особенности с точки зрения типологии героев (героинь). Демонстрируется близость писателей в словесно-образном осмыслении движения времени, стремительного изменения жизни, обнажения новых социальных, этических, нравственных горизонтов в действительности, а также их солидарность в понимании новых задач литературы в связи с динамикой социумов Англии и России. Принципиальный акцент делается на новом типе женского характера и на изображении писателями женской судьбы в новых социальных обстоятельствах, на отражении в их произведениях борьбы консервативных и прогрессивных тенденций в современном обществе, на особенностях авторского отношения к новым явлениям, новым героям и изменениям в социуме. Анализируется соотношение реалистического и романтического, лирического и драматического (трагического) в художественных мирах писателей, авторской иронии и героизации образов протагонистов. Основой типолого-сопоставительного анализа становится исследовательское обращение к двум произведениям – «Миддлмарч» Джордж Элиот и «Накануне» И. С. Тургенева – и к образам Доротеи Брук и Елены Стаховой.

Ключевые слова: реализм; роман; литературный герой; английская литература; русская литература; Джордж Элиот; И. С. Тургенев; историко-литературная типология.

Джордж Элиот (*George Eliot*, 1819–1880) и Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883) связывала многолетняя дружба, о чем не раз писали отечественные и зарубежные авторы: математик С. В. Ковалевская [Ковалевская 1986: 314–315] и юрист М. М. Ковалевский [Тургенев в воспоминаниях современников 1983: 144–145], русский писатель и критик П. Д. Боборыкин [Боборыкин

1911: 211–212], англо-американский писатель Г. Джеймс [Тургенев в воспоминаниях современников 1983: 309–321], второй муж Дж. Элиот Дж. У. Кросс [Cross 1885: 290], писатель и критик О. Браунинг [Browning 1890: 128–130] и др. Свидетельства взаимной симпатии писателей есть в их письмах и дневниках. Хотя надо прямо сказать, что тургеневские письма здесь большие

помощники, нежели письма Элиот: в просмотренных нами письмах Элиот мы не обнаружили имени русского писателя; вероятно, здесь требуется более тщательная работа над эпистолярным наследием писательницы. Однако история отношений Элиот и Тургенева сохранила сведения о том, что писатели не раз встречались во время пребывания И. С. Тургенева в Англии в 1872 и 1878 гг. О первой тепло вспоминает сам И. С. Тургенев, когда в письме от 30 ноября 1872 г. к переводчику и издателю русской литературы в Англии У. Рольстону просит его передать приветы Дж. Элиот и Г. Дж. Льюису (см.: [Тургенев 1965: 367–368]). А Г. Джеймс и особенно О. Браунинг весьма подробно освещают встречу Элиот с Тургеневым в имении мужа сестры, У. Кросса Беллока Холла, тогда еще личного секретаря писательницы и ее мужа Дж. Г. Льюиса [Browning 1911: 128–130].

Как бы ни был любопытен сам факт личного знакомства двух великих писателей мировой литературы второй половины XIX в. и как бы он ни притягивал внимание, гораздо важнее другой вопрос: почему же так сблизилась Дж. Элиот и И. С. Тургенев? Каковы социокультурные, литературные и прочие причины их дружбы и – главное – какие основания для такого глубокого взаимопонимания есть в творчестве обоих писателей? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Совершенно очевидно, что это была общность подходов к действительности и ее отражению в литературе, острое понимание того, как стремительно меняется жизнь, какие важные процессы происходят в структуре общества, как российского, так и британского. Например, демократизация жизни, обретение «социального голоса» новыми слоями общества, появление нового героя в жизни и литературе. Так, Элиот и Тургенев были едва ли не первыми в своих национальных литературах, кто сделал из крестьян полноправных литературных героев: имеются в виду «Записки охотника» (1852) и «Адам Бид» (*Adam Bede*, 1859). Крестьяне в их произведениях представлены не как фон и «колорит», не как объект добродушно-нисходительного изображения и т. п., а как героическое, страдательное, но одновременно оптимистическое сословие. Наверное, и этим тоже объясняется особая популярность романа Дж. Элиот «Адам Бид» в России до 1917 г.: девять переводов и переизданий за полвека – с 1859 по 1909 г. (см. об этом: [Proskurnin 2016: 261–274]).

Очевидны типологические сходства и в мировоззрении и подходе обоих писателей к проблеме человека и мира, центральной для литературы во все времена: переполняющие писателей ощущения решительного изменения жизни,

наступления нового времени и, соответственно, утверждение новой концепции человека, базирующейся на самостоятельности личности и ее возрастающей ответственности за свое место в мире. Об этом хорошо пишет В. А. Недзвецкий, имея в виду И. С. Тургенева, но мы вправе отнести его мысль и к Дж. Элиот с ее сосредоточенностью на проблеме жизненного призвания своих героев. Исследователь считает, что Тургенев, выстраивая художественный мир романов, исходил из «естественности автономизации человека и его духовно-нравственных представлений (исканий, идеалов) (в особенности – от патриархальных и патерналистских социумов)» [Недзвецкий 2011:12]. По мнению В. А. Недзвецкого, это «общейсторическая закономерность, присущая в определенные эпохи всем народам», когда на социальную авансцену выдвигаются новые силы, а значит, и новый герой, самостоятельный, деятельный, с «развитым личным сознанием» [там же]. В подтверждение этому литературовед цитирует письмо И. С. Тургенева Полине Виардо: «Пусть я всего лишь атом, но все-таки я сам себе господин» (цит. по: [Недзвецкий 2011: 23]). Особо принципиален для Тургенева 1860-х гг. акцент на деятельной самостоятельности человека. Это в равной степени справедливо как для мужчин, так и для женщин; поэтому воплощением «новых людей» становятся «тургеневские девушки» и связанный с этим известный тургеневский «феминизм» (по В. А. Недзвецкому) [там же: 155].

Хорошо известно, что в годы творчества И. С. Тургенева в России происходит смена доминант социальной жизни: от дворянской к разночинной, о чем свидетельствует появление в том числе и разночинного интеллигентно-интеллектуала, социально активного героя, ищущего новые этические смыслы и пр. Здесь уместно вспомнить Н. А. Добролюбова и его рецензию на роман «Накануне» (1860), опубликованную в третьем номере «Современника» за 1860 г.: «В “Накануне” главное лицо – Елена. В ней сказалась та смутная тоска по чему-то, та почти бессознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новых людей, которая теперь охватывает все русское общество» (цит. по: [Зелинский 1895: 153]). Не случайно известный отечественный исследователь творчества И. С. Тургенева Д. В. Пумпянский, говоря об особой жанровой сути романа «Накануне», называл его «героическим романом» [Пумпянский 2000: 381].

В Англии викторианского времени, особенно в 1850-е – 1860-е гг., в связи с ускоренными экономическими, социальными и политическими процессами доминирует мысль о грядущем новом времени, о смене вех и изменении парадиг-

мы жизни: свидетельствами тому являются суждения во многих отношениях весьма далеких друг от друга мыслителей – Дж. С. Милля, Т. Маколея, Т. Карлайля, Дж. Рескина, У. Бейджхота, Г. Спенсера и др. Именно об этом пишет У. Хоутон в первой главе книги, имевшей в 1950-е гг. почти революционное значение для перемены отношения к викторианству на Западе (см.: [Houghton 1985: 1–23]). Процессы индустриализации и урбанизации, дальнейший количественный рост среднего класса, появление сыгравшей колоссальную роль в изменении атмосферы британской жизни социальной прослойки «intellectuals» – едва ли не аналога русских разночинцев – стали основой размышлений о новой парадигме жизни общества в Англии в середине позапрошлого века.

В викторианские времена меняется представление об идеале человека: явным становится акцент на деятельности, труде, самостоятельности и отказ от идеологии патернализма. Надо отметить растущую в социальной значимости идею равных возможностей (особенно после трудов Ч. Дарвина и Дж. С. Милля, чьи работы по своему развивали представления о природном равенстве людей, сформулированные еще в конце XVII в. Дж. Локком), хотя нередко и иронически осмысляемую: вспомним Диккенса и его Баундерби из романа «Тяжелые времена» (*Hard Times*, 1854). Совершенно логически идея равных возможностей стала применяться в Англии и в отношении женщин. Поэтому на пике викторианского времени началась борьба за права женщин: поначалу в браке и семье (билли о разводе 1854, 1856 и 1857 гг.); о праве женщин на наследство (*Married Woman's Property Act* 1870 г. и пр.), а затем и в политической сфере. С экстраполяцией идеи социального равенства на женщин связано и появление знаменитой книги Дж. С. Милля «О подчинении женщин» (*On the Subjection of Women*, 1869), в которой едва ли не впервые на общенациональном уровне была поставлена проблема равенства полов. Меняется и представление о женском идеале: образ «ангела в доме» постепенно уступает место женщине с выходящими за рамки дома функциями, в т. ч. и общественно значимыми. Иначе говоря, одновременно с динамикой концепции джентльмена (от *idleness* – праздности – в XVIII в. к деятельности и труду как обязательным составляющим понятия «джентльмен» в XIX в.) меняется и концепция леди, в том числе и с точки зрения расширения сфер социальной активности женщин в викторианское время и ее выхода за пределы «домашнего очага» (но преимущественно в сфере благотворительности).

Начало творчества Дж. Элиот совпало с обострением женского вопроса и появлением фе-

минизма в викторианской Англии, естественно и закономерно возникшим из самой жизни и ее динамики (см.: [Ideas and Beliefs 1966: 261, 266]). Отказ Дж. Элиот от прямой поддержки феминизма широко известен, поскольку она полагала – в письмах Чарльзу Брею в 1857 г. и Бесси Райнер Паркерс в 1858 г. (см.: [Oxford Readers's Companion 2000: 467]), что как писатель к женскому вопросу она так или иначе обращается через творчество, т. е. делает то, к чему ее призывают феминистки, не плакатно и не «в лоб»; более того, в рецензии 1855 г. на книгу американской феминистки Маргарет Фуллер «Женщина в XIX веке» Дж. Элиот подчеркивала, что «женский вопрос – это общечеловеческий вопрос, а не какой-то специальный случай» (цит. по: [Dolin 2005: 146]).

Говоря о постановке «женских проблем» в творчестве Элиот, отметим, что в первом и последнем произведениях писательницы, «Раскаяние Дженет» (*Janet's Repentance*, 1857) и «Дэниел Деронда» (*Daniel Deronda*, 1876), одна из центральных – проблема домашнего насилия по отношению к женщине; в «Мельнице на Флоссе» (*The Mill on the Floss*, 1860) – проблема интеллектуального равноправия женщины и мужчины, а также проблема женского образования (его необходимости); в «Адаме Биде» (1859) в образе Дины Морис – идея служения людям, то же – в образе Ромолы (*Romola*, 1863); в этом же образе реализовано новое этико-социальное измерение женственности. Сразу скажем: идея женственности, ее эволюция и динамика ее роли проходит через все творчество, кульминируя в «Миддлмарче» (*Middlrmarch*, 1872). Акцент на постепенном расширении и активизации социальной роли женщины совпадал с элиотовской идеей общества как медленно, но неизбежно растущего организма, для которого во вред разного рода революции [Oxford Readers's Companion 2000: 468]. Эта идея ярко реализована в ее «Обращении Феликса Холта к рабочим» – своего рода авторском комментарии к роману «Феликс Холт, радикал» (*Felix Holt, the Radical*, 1866) и отклике на его бурную рецепцию в английском обществе.

Образование как необходимое условие прогресса общества, по Элиот, – это пестование интеллекта, и поэтому так интеллектуальны ее героини и столь аналитично их сознание, именно сознание; до Элиот – за редким исключением: Джейн Остен, например, – в основном анализировалась сфера чувств и эмоций женщин-героинь, а отнюдь не сфера мыслей, да еще и «настроенная» на аналитический лад. Отсюда же напряженный и драматический поиск своего места в жизни ее героинь, гарантирующего желаемый многими ее героями и героинями вклад в общий прогресс общества. Однако публичная

сфера активности женщины трудно входит в творчество Дж. Элиот, и финал лучшего романа писательницы «Мидлмарч» – тому доказательство: его главная героиня Доротея Брук после напряженных поисков себя и места в жизни, заблуждений и ряда ошибок реализует себя через другого – через мужа Уилла Ладисло.

В любом случае, каков бы ни был финал их поисков смысла жизни, героини Элиот наделены огромной душой, вбирающей в себя не только собственный приватный мир и интересы, но мир внешний (*large souled heroine*, как пишет Дж. Ригналл) [Oxford Readers's Companion 2000: 470]. Не случайно протагонист романа Терциус Лидгейт увидел в Доротее «глубокую душевную женственность» [Eliot 1966: 638], которая притягательна, сильна, не подвержена никакой нравственной «коррозии», хотя героизм Св. Терезы и Антигоны, с которыми сравнивает Доротею Дж. Элиот, вряд ли возможен в наше время, по мнению писательницы.

В России 1850-х – 1860-х гг., как уже говорилось, тоже происходят серьезные изменения в концепции человека в условиях нового этапа социальной жизни страны, возникновения и утверждения новых классов и социальных прослоек. Количественно растет и меняется качественно третье сословие; на авансцену социокультурной жизни страны выдвигаются разночинцы как широкое понятие; интеллектуалы начинают играть все более значимую роль в обществе; это особенно заметно по «толстым журналам»: их мнение в общественной жизни возрастает и достигает высот, каких оно более не достигало. В 1850-х – 1860-х гг. вся интеллектуальная Россия ждет появления «новых людей», о чем страстно пишут Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев. И такие люди появляются: разночинные интеллигенты, герои дела, поступка (как антитеза типу «лишнего человека» (см.: [Ленерт 1975: 17]). Свою весьма своеобразную и подвижную концепцию «новых людей» создал и И. С. Тургенев в романах «Дворянское гнездо» (1858), «Отцы и дети» (1862), «Новь» (1877), а в романе «Накануне», по мнению ряда российских критиков позапрошлого века (А. Незелёпова, например), он создал женский «вариант» такого человека, воплотив в образе Елены Стаховой «первую из нового поколения русских женщин, далеко опередивших русских мужчин» (цит. по: [Зелинский 1895: 148]). Д. И. Писарев, в целом весьма критически отнесшийся к роману «Накануне», все же в 1861 г. писал о Елене как о девушке нового типа, которая «мечтает не о таком только герое, который, растаявши в любви, осыпал бы ее золотым дождем. Она мечтает о таком герое, с которым она пойдет рука об руку, и бу-

дут они делать великое дело» (цит. по: [там же: 129]). Не случайно уже в самом начале романа Елена говорит о себе и себе подобных: «Но если нам не хочется говорить о женских тряпках» [Тургенев: 18]. И принципиально важно, что она увлеклась Инсаровым, по мнению современника Тургенева критика Алкандрова (псевдоним А. М. Скабичевского), в силу его «живого энтузиазма, его увлечения не одной только личной любовью», а «любовью к родине», в силу его «общественного энтузиазма» (см.: [Зелинский 1895: 129]), т. е. благодаря тому, чего в ней самой еще не было, но должно было появиться и повести за собой, придав личной жизни новый глубокий, не бытовой, семейный, сугубо приватный смысл.

Некоторые социально-структурные и даже онтологические изменения в российском обществе того времени с очевидностью имеют параллели с процессами в Англии 1850-х – 1860-х гг., где, как уже отмечалось, значительно увеличивается прослойка *intellectuals*, где знаменитый «здравый смысл» обретает не узкопрагматическое, а идеологическое звучание, где он «обращает» мыслью прежде всего, а не являет собою «голую практику» и расчет. И уже не аристократы становятся нравственными лидерами общества, а интеллектуалы, и потому их родовая связь с аристократией и поместным дворянством уже не столь важна, как полагают исследователи [Фадеева 1975: 79]. То есть свойственное викторианской Англии консенсусное сознание является едва ли не главной показательной чертой сформировавшейся в середине XIX в. парадигмы английской социальной жизни. И это не отменяло, а предполагало аналитизм и повышенный уровень ответственного самосознания и самооценки человека в социуме, в том числе и в области социальных связей и отношений. Кроме всего прочего, оно узаконивало плюральность социальной базы английских интеллектуалов.

Известно, что в романах И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» и «Накануне» приход новых людей четок и принципиален: они воплощение «идеала позитивного добра»: они «характеры цельные, сильные, героические» [Лотман 1974: 69]. Современник И. С. Тургенева, П. Басистов, подчеркивая, насколько актуален роман «Накануне» для российской реальности, и имея в виду русских писателей того времени, отмечал в пятой книжке «Отечественных записок» за 1860 г.: «До сих пор мы рассуждали, создавали известные идеи и стремления, теперь мы *накануне* (курсив автора. – Б. П.) людей дела, которые осуществят их» (цит. по: [Зелинский 1895: 127]).

То же самое мы видим и у Дж. Элиот: рожденная под влиянием этико-философских идей

Б. Спинозы и Л. Фейербаха «религия любви» и ее художественная «инкарнация» в образах Дины Морис, Мэгги Таливер, Ромолы, Доротеи (в особенности, последних трех) это подтверждают. Идея активного и созидательного добра звучит у Элиот с первых произведений: образы Адама Бида и Дины Морис («Адам Бид»), Долли Уинтроп («Сайлес Марнер» – *Silas Marner*, 1861) – тому свидетельства; правда, никто из них не принадлежал к страте интеллигентов, оба романа – так называемые «народные романы», а герои – некое воплощение народной мудрости. Однако Дэниел Деронда, заглавный герой последнего романа писательницы, как раз из этой социальной страты, и неслучайно Элиот делает акцент на интеллектуальном становлении этого героя и на его осознанном делании добра (ситуации с Миррой, помощь Мейрикам и отношения с Гвендолен Харлет); причем по ходу романа Дэниел Деронда переходит к утверждению добра едва ли не на мировом уровне, когда берет на себя великий труд по восстановлению единства еврейской нации и ее государственности.

Иначе говоря, Дж. Элиот, как и Тургенев в «Накануне», «Рудине», «Дворянском гнезде», создает «характеры цельные, сильные, героические», но в структуре всех образов всегда эксплицирована драматическая ирония; при этом Мэгги Таливер почти трагически не совпадает со временем (как тип думающей, самостоятельной и берущей на себя ответственность женщины в ситуации общества, еще не готового принять такой тип женщины); идеальность Феликса Холта рисуется на грани нереальности: он видится в большей степени героем будущего, чем настоящего (*a would-be-hero*); Доротея Брук и Терциус Лидгейт – образы, целиком замешанные на иронии (хотя и разной по концентрации): несовпадение цели жизни и ее итога очевидно, но при этом столь же явственно предельное уважение к их поискам.

У И. С. Тургенева пафос создания образов протагонистов тоже базируется на соотношении мысли и поступка [Лотман 1974: 69], но ирония у него не эксплицирована в той степени, в какой это происходит в романе Элиот «Миддлмарч», героиня которого Доротея Брук кажется весьма близкой тургеневскому типу девушек, жаждущих активной роли в жизни социума. На этом соотношении строятся в «Накануне» образы Дмитрия Инсарова и Елены Стаховой например. Так, Тургенев отмечает, что жизнь Елены до встречи с Инсаровым протекала «в бездействии внешнем, во внутренней борьбе и тревоге» [Тургенев: 25], и только найдя его, она переводит свое существование на «рельсы» деятельности во имя большой и значимой цели и обретает равновесие

между внутренней и внешней жизнью: «Я давно не чувствовала такого внутреннего спокойствия. Так тихо во мне, так тихо» [там же: 64].

У Дж. Элиот эта же идея обретения гармонии, внутреннего баланса между требованиями к себе и своими деяниями, своей «внешней» жизнью и жизнью внутренней, построенной на взыскательном самоанализе, лежит в основе двух центральных образов романа «Миддлмарч». Но если мысль героев, особенно Терциуса Лидгейта, не только подвижная, но и передовая, то окружающая их жизнь гораздо менее «поворотлива» и «динамична», чем хотелось бы автору и его мыслящим героям; в ней чересчур, по Дж. Элиот, много инерции, чтобы идеалы легко побеждали. Именно поэтому, например, Доротея рисуется Элиот девушкой, из ряда вон выходящей. В романе читаем о героине: «Тут ведь никто не разделяет ее взглядов на жизнь и на высшие цели в жизни» [Элиот 1988: 55]. Нельзя не заметить, как это похоже на ситуацию Елены, в «которой было что-то нервическое, электрическое, что-то порывистее и торопливое, словом, что-то такое, что не могло всем нравиться, что даже отталкивало иных» [Тургенев: 24]. Потому есть в романе Элиот и антитетично параллельный образу Доротеи образ ее сестры Селии, абсолютно соответствующей нормам девичьей психологии и даже идеологии викторианского века, которой жители Миддлмарча неизменно восхищались, сокрушаясь при этом (миссис Кэдулледер прежде всего), насколько Доротея не соблюдает законы здравого смысла и правила поведения девиц ее круга. Потому есть в романе Тургенева отец Елены и Курнатовский, которые, так сказать, с разных сторон оттеняют страстную увлеченность Елены Инсаровым не столько как человеком, сколько как идеей. И здесь как раз возникает тургеневская ирония по отношению к героине. «Ее сердце так обширно, что обнимает всю природу, до малейшего таракана или лягушки, словом все, за исключением отца», – с горечью заключает отец Елены [там же: 30]. Столь же показательно и пренебрежение, с каким описывает Елена Инсарову предложенного ей отцом в женихи Курнатовского – молодого и нацеленного на конкретные дела человека, пусть и чиновника, но делающего свое дело с воодушевлением и желанием делать его еще лучше. Здесь невозможно не вспомнить тонкое ироничное замечание В. М. Марковича о Елене Стаховой, неоднократно воспроизводимое в работах отечественных тургеневедов, о «загадке ее безлюбного, в сущности даже недоброго стремления к добру» [Маркович 1982: 137]. Это замечание критика имеет под собой серьезное основание, если вспомнить, насколько не расположена Елена к

своей семье, какое равнодушное отношение у нее не только к отцу, но и к матери. Любопытно, что героиня роман Элиот – сирота, т. е. автор «лишил» ее возможности реализовывать свои социальные амбиции на оселке отношений с матерью или отцом. Правда, она испытывает нечто вроде материнских, покровительственных чувств по отношению к младшей сестре Селии и даже в отношении к дяде, мистеру Бруку, их с сестрою опекуну.

Доротейя рисуется персонажем, плохо вписывающимся в свое время; не случайно Дж. Элиот начинает роман с размышлений о Святой Терезе, с которой сравнивается Доротейя и «реинкарнация» которой с ее самопожертвованием и страстным желанием помогать слабым и неимущим, по мнению автора, была совершенно невозможна в то время: настолько оно оказалось противоположным идеалам, исповедуемым Св. Терезой, а значит, и Доротеей. (Об этом размышляют едва ли не все исследователи романа; см.: [Cambridge Companion 2001: 65].)

В случае с Лидгейтом идеалы так и не победили; победа идеалов случае с Доротеей тоже относительна: замкнутость их торжества в сугубо семейно-личной сфере, когда в конце романа едва ли не скороговоркой Доротейя рисуется вполне довольной только ролью жены и матери, что совершенно не удовлетворяло прогрессивно мыслящих читателей (см. об этом: [‘Middlemarch’ Casebook 1978]).

У И. С. Тургенева идея человека дела, романтически подчеркнутая в «Накануне» в образе Инсарова, доминирует в идейно-художественной структуре романа и определяет динамику развития образа Елены; у Дж. Элиот тоже оба протагониста – и Доротейя, и Лидгейт – нацелены на созидательную активность, меняющую жизнь к лучшему, однако восхитительное отношение к этому порыву относительно, так как оба они начисто лишены романтического флера, оттого и авторский голос в «Миддлмарче» гораздо более открыто ироничен, нежели в романе Тургенева. Кроме того, обстоятельства в романе Элиот выписаны гораздо гуще, плотнее и разнообразнее, в том числе и по линии противодействия побуждениям протагонистов (элиотовское произведение – гораздо более эпически развернутое полотно); свидетельство тому – система образов и противостояние взглядов Доротейи застойному «здоровому смыслу», исповедуемому сэром Четгемом, миссис Кэдулледер, отчасти Селией, Миддлмарчем в целом.

Тем не менее Елена Стахова и Доротейя Брук могут быть сопоставлены как раз по линии появления новых людей, опережающих свое время, а потому им не понимаемых и даже не при-

нимаемых. О возможности сопоставительного анализа этих образов еще в середине 1930-х гг. говорил один из известных в Англии исследователей викторианской литературы Дэвид Сесил [Cecil 1964: 248].

Прежде всего, они могут быть сопоставлены по линии напряженных поисков своего места в жизни, по способу воплощения этих поисков: интеллектуальная внутренняя «работа», аналитичность (критическая самоаналитичность); по энтузиазму (даже излишнему) быть готовыми пожертвовать собой ради большого дела, несущего пользу обществу (быть причастными к этой пользе, т. е. таким образом обнаружить и продемонстрировать социальную значимость своего существования); не быть, по Френсис Пауэр Кобб, одной из зачинательниц женского движения в Англии, простым «украшением общества» [Ideas and Beliefs 1966: 264]. Здесь уместно еще раз вспомнить перекликающиеся с содержанием элиотовских женских образов понятие «тургеневских девушек». Для них, как известно, характерен максимализм в требованиях к себе и окружающему миру, они ощущают себя «чужими в своей семье» и живут «сложной и напряженной жизнью, томимые ожиданием любви, жаждущие самореализации, способные на неординарный, социально дерзкий поступок» [Ребель 2007: 106].

Одной общей чертой героинь Тургенева и Элиот является их молодость и открытость жизни, их ученичество. «Ученичество тургеневских женщин» особенно отмечала Л. М. Лотман [Лотман 1974: 72], а Дж. Левин полагал роман «Миддлмарч» произведением, где особенно воплощена идея Б. Спинозы, чью «Этику» Элиот в молодости перевела на английский, об опасности избытка чувств («an excess of feeling») в ситуации обретения человеком знания о мире [Levine 1988: 220]. Взять, например, Елену, которая предстает перед нами на распутье, в ситуации поиска смысла существования. Героиня Тургенева хочет нести в мир добро: «Быть доброю – этого мало; делать добро... да; это главное в жизни. Но как делать добро?» [Тургенев: 62]. Елена жаждет научиться делать добро, чтобы восполнить то, чего, по ее мнению, не хватает в наличном мире. И Доротейя у Дж. Элиот – тоже своего рода «ученица» и тоже на пороге большой жизни. Она очень юна, поэтому Дж. Элиот акцентирует ее малоопытность и чуть ли не подростковую способность увлекаться какими-либо идеями и людьми, а также – подростковые крайности в оценках и эмоциональных реакциях. Кв. Андерсон, один из столпов зарубежного элиотоведения второй половины XX в., считает, что Доротейя в начале романа наделена крепкой верой в то, что сможет творить добро, научившись это делать у

мудрых наставников [Anderson 1963: 283]. При этом Элиот постоянно подчеркивает (от своего «голоса» и устами других персонажей), что знания Доротеи о жизни более теоретические, чем практические, особенно знание людей. Потому она идеализирует поначалу и обстоятельства, и тех, кто рядом с нею, отчего совершает немало несуразностей не только с точки зрения общепринятых в Миддлмарче ценностей, но и с общечеловеческой точки зрения. Элиот пишет: «Все чувства Доротеи проходили через фильтр рассудка, устремленного к идеальной жизни» [Элиот 1988: 55]. Она намеренно, для углубления психологической составляющей образа, делает так, что именно в замужестве, на которое она пошла как на великое служение человечеству, Доротее приходится мучительно освобождаться от благородной, но иллюзии (см. об этом в «Предисловии» У. Дж. Харви к одному из изданий романа Элиот: [Eliot 1966:15]).

Иначе говоря, героини Тургенева и Элиот, нацеленные на самореализацию, рисуются «на пороге» большой жизни, но поскольку в современном им обществе абсолютная социальная самостоятельность женщины пока неприемлема (действие романа Дж. Элиот происходит до парламентской реформы 1832 г., в «Накануне» события разворачиваются в 1850-х гг.), то обе в поиске лидеров, тех, чья деятельность, к которой они приобщатся, имеет значительный общественный смысл (обе стремятся уйти от бессмысленного существования, и даже просто как жены). Елена (до появления Дмитрия Инсарова) ищет эту возможность в Шубине, т. е. в искусстве, и в Берсенева, т. е. в науке. Но когда Елена знакомится с Инсаровым, она приходит к выводу: «Вот наконец правдивый человек; вот на кого можно положиться» [Тургенев: 63]. И при этом обязательным условием исполнения мечты о служении великому делу у обеих героинь становится замужество. Кстати упоминавшийся Алкандров (Скабичевский) увидел в том, что Елена «не сама идет по дороге деятельного добра», что она ведома, да еще и иностранцем, существенный недостаток романа (см.: [Зелинский 1895: 131]).

Доротее также ищет «лидера», который поведет ее, придаст смысл ее жизни, благодаря которому она будет причастна к «высочайшему велению истины» [Элиот 1988: 31]. Она воспринимала супружество «как свободное и добровольное подчинение мудрому проводнику, который поведет ее по величественнейшему из путей» [там же: 41]. Поэтому осознание того, что она ошиблась, когда приняла Кейсобона за такого лидера, становится мучительной драмой для нее, мечтавшей по-настоящему послужить человечеству, помогая мужу в его научных изысканиях, кото-

рые, как она слепо себя уверила, должны перевернуть представления человечества о религиях, культуре, человеке. Само служение мужу – откровенно ключа ко всем мифам и религиям, как казалось Доротее, – гораздо важнее и значимее ее филантропических начинаний по улучшению жилищных условий арендаторов в имении ее дяди мистера Брука.

Елена, как и Доротее, мечтает о единстве жизни и идеала («деятельное добро»), обе героини решают связать свою жизнь с «человеком дела» (как им видится). Поэтому Елена предпочитает Инсарова Шубину и Берсенева, а Доротее – Кейсобона сэру Чэттему. Обе героини полагают, что жить великими интересами другого и есть настоящее счастье в их положении; Доротее считает своим призванием (все героини Элиот находятся в ситуации поиска, обретения и реализации своего призвания) жить для других, полагая, что таким образом она придает смысл своей жизни.

Доротее страстно тянется к деятельности, созданию новой жизни, как заметил критик, она – героиня, которая ориентирована на «большие деяния в новое время» [Cambridge Companion 2001: 68]. В этом отношении подобная нацеленность Доротеи на созидательную деятельность совершенно соответствует доминирующей в викторианском общественном сознании идеологии труда и практики. Не случайно У.Хоутон справедливо подчеркивал господство магии слов «работа», «труд», «созидание» для викторианцев (см.: [Houghton 1985: 242–261]). Здесь уместно говорить и о вечной теме русской интеллигенции: «дело надо делать, господа», если вспомнить чеховского героя, пусть и иронически поданного драматургом. Отсюда и героини дела в романе Тургенева: Шубин, Берсенева, Курнатовский и, конечно, Инсаров, которые в самом деле «дело делают» – каждый в своей области и по-своему. Героини романа «Накануне» – «люди исторического процесса демократизации» жизни, они воплощают оптимизм «активного практицизма», как справедливо писала Л. М. Лотман [Лотман 1974: 81].

В начале романа протагонистка Элиот часто показана в деле – на фоне «праздной» Селии; Доротее постоянно чем-то занята: рисует, чертит, помогает арендаторам, знает их в лицо; после смерти Кейсобона она заседает в попечительском совете новой больницы, занимается деятельной благотворительностью и т. п. Автор принципиален в создании ощущения постоянной занятости Доротеи каким-нибудь делом: таков характер героини, жаждущей быть полезной обществу, шире – миру.

Та же ситуация и с Еленой Стаховой, которая едва ли не задыхалась от праздности жизни молодой женщины из верхних социальных кругов.

Как известно, И. С. Тургенев поэтизирует и романтизирует идеальный порыв Елены выйти замуж за Инсарова и вместе с ним бороться за свободу Болгарии, поскольку вместе с замужеством за ним она обретает дело всей ее жизни. Не случайно критики называют Елену Стахову «самой романтической тургеневской женщиной» [Савинков 2011: 99]. Героиня романа Дж. Элиот тоже наделена порывом быть полезной миру: в замужестве за Кейсобоном она надеется быть таковою через служение его делу. Однако у Элиот нет поэтизации этой интенции героини, а затем и свершившегося факта самопожертвования Доротеи, и тем более нет романтизации ее поступка. Однако автор ни в коей степени не призывает читателя осуждать Доротею за совершенную ошибку: она, будучи одержима высокой целью, не заметила, насколько мелок и тщеславен Кейсобон в своих потугах сделать всемирное открытие. По отношению к образу Доротеи все же доминирует ирония, пусть и сочувствующая, и даже драматизирующая, очевидная даже в имени героини: Dorothea – дар бога.

Можно говорить о близости писательских манер (при всем том, что, как полагают многие литературоведы, «Накануне» «умышленно схематичен» [Лотман 1974: 73], а «Миддлмарч» – эпическое полотно, и поэтому проработка характеров и обстоятельств, так сказать, «эпические дыхания» произведений, весьма, разные). Хотя некоторые современные исследователи (Г. М. Ребель, например) считают, что «художественный мир романа «Накануне», вопреки расхожим представлениям, отличается гораздо большей сложностью, чем миры предыдущих тургеневских романов, где превалировало линейное сюжетное и содержательное движение, в то время как в данном случае перед нами многоуровневая конструкция, в которой очевидный, лежащий на поверхности социальный смысл, казалось бы, опровергается философским, но на самом деле последний трансформирует социальный посыл, лишая его однозначности» [Ребель 2007: 111]. Об этом же пишет Е. М. Конышев, подчеркивая, что в «романе «Накануне», как и во многих других классических произведениях, существует несколько уровней прочтения, в том числе философский и метафизический» [Конышев 2009: 18]. Критик видит сочетание этих уровней в поисках героями романа, Еленой Стаховой прежде всего, духовной цельности, обретение которой – в силу неготовности мира принять таких людей – для героев заканчивается либо гибелью (Инсаров), либо исчезновением в вечности жизни (Елена), что определяет трагический характер романа. Л. Н. Жижина видит в романе мощную фольклорно-мифологическую струю, отчетливее всего

проявленную в структуре образа Елены, что, по мнению исследователя, существенно повышает степень обобщения и синтеза разных составляющих романа (см.: [Жижина 2008]). Г. Б. Курляндская анализирует особую диалектику конкретно-исторического и метафизического в романе «Накануне», видя ее проявление в трагической истории любви Елены Стаховой и Дмитрия Инсарова, более того, – в ее любви, онтологической по сути, и всеобщности нравственного закона существования человека на земле (см.: [Курляндская 2009: 11, 18]).

Д. Сесил полагал, что роман «Миддлмарч» при всей его очевидной эпичности все же отличается тем, что в нем «сюжет чересчур аккуратный», а не надлен «внешней хаотичностью жизни», подобно роману Толстого [«Война и мир». – Б. П.], с которым английский исследователь сравнивает «Миддлмарч» [Cecil 1964: 246]). Весьма примечателен этот «писательский треугольник» с точки зрения сопоставления сюжетостроения и соотношения эпического, лирического и драматического: Тургенев – Дж. Элиот – Толстой. В данном случае стоит вспомнить знаменитого Дж. М. Хиллиса (одного из столпов мирового литературоведения 1960-х – 1990-х гг.) и его мысль о том, что «викторианский роман, в конечном счете, структура, элементы которой (характеры, сцены, образы) не отдельные кусочки, каждый надленный своей природой и значением, хотя и добавляющий свою долю в значение целого. Каждый элемент вытаскивает свое значение из других так, что роман может быть описан как самогенерирующая и самоподдерживающаяся система, как некое общество, отраженное в зеркале» (цит. по: [Victorian Novel 2002: 218]). Кв. Андерсон полагал, что в «Мидлмарче» дано «образное осмысление человеческих отношений как некоей сети» [Anderson 1963: 277]. Поэтому городок Миддлмарч населен представителями всех социальных страт английского общества тех лет (за исключением армейской сферы, пожалуй), которые оказываются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Собирательность образа Миддлмарча не подвергается сомнению: это элиотовская модель английской реальности середины XIX в. (см. об этом: [Hardy 1967; Проскурнин 1998]).

Л. М. Лотман называла «Накануне» «романом по самой своей структуре, пожалуй, наиболее расщудочным» [Лотман 1974: 89]. Если это так, то и здесь очевидна перекличка между Дж. Элиот и И. С. Тургеневым. Творческая манера Дж. Элиот, как уже не раз говорилось, известна повышенной интеллектуальностью, аналитичностью и даже научностью; в излишней рассудочности писательницу обвиняли и некоторые современники, и

исследователи последующих времен (см.: [‘Middlemarch’ Casebook 1978]); тем не менее постепенно в элиотоведении утвердилась мысль о том, что роман «Миддлмарч» – «это всеобъемлющая хроника уклада жизни, отслеживаемого с научной точностью, но также и со значительным остроумием» (см.: «Предисловие» Маргарет Дрэбл: [Eliot 1985: 15]). В. Вулф в знаменитой книге *The Common Reader* назвала «Миддлмарч» «одним из немногих английских романов, написанных для взрослых» [Woolf 1942: 213], имея в виду «заточенность» романа на интеллектуальную составляющую, а не на развлечение. Дж. Харви в предисловии к изданию романа 1966 г. вспоминает это утверждение Вулф и справедливо полагает, что за ним «скрывается суждение о новом типе переливания интеллектуальной мощи повествования в искусство художественной прозы» и что этот дар, в совокупности с другими дарами, «связывает Элиот больше с художниками, подобными Томасу Манну, нежели с каким-нибудь английским писателем», хотя, по его суждению, «мы никогда не чувствуем, как в случае с Манном, что ее творчество перегружено идеями и что оно чисто интеллектуальное» [Eliot 1966: 22].

В сравнении с тургеневским романом в «Миддлмарче» Дж. Элиот нет такого трагического пафоса живописания опыта «деятельного добра», как в «Накануне» (особенно если иметь в виду концовку тургеневского романа). Хотя некоторые исследователи и говорят о романе Элиот как о «почти трагедии молодой неопытной женщины» (*near tragedy of an ignorant young woman*) [Eliot 1985: XV]. Но здесь, пожалуй, должно еще раз говорить о глубинном типологическом схождении романов И. С. Тургенева и Дж. Элиот: оно кроется в акценте на героическом начале, столь необходимом человеку в ситуации «накануне» новой жизни, новых тенденций, пусть порою еще и не проявленных зримо, но ощущаемых наиболее социально чуткими людьми. Именно к таким относятся Елена Стахова и Доротея Брук.

Отечественные исследователи, на мой взгляд, совершенно справедливо обращают внимание на то, что статья И. С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» (1860), по сути, дает определение двум коренным и противоположным типам человеческой природы (и героя русской литературы), причем с явным предпочтением Дон Кихота, образ которого трактуется как образ человека-деятеля, преданного идеалу, хотя порою и иронично осмысляемого (см.: [Ребель 2007: 33–38]). Очевидна переключка подходов Тургенева и Элиот к вопросу о характере героичности современного человека: в «Накануне» действуют разные «Дон Кихоты» в тургеневском понимании, но доминирует «действенный Дон Кихот» – Ин-

саров, прежде всего. Любопытно, что болгарская литературная (и не только литературная) мысль всегда воспринимала образ Инсарова как образ идеализированного болгарина, который еще не мог существовать в то время, когда разворачиваются события романа Тургенева. Не случайно недавняя статья о тургеневском герое и его «бытовании» в болгарском менталитете называется «Инсаров: болгарин ли он?» и ее основной пафос сводится к тому, что в «высоком образе болгарина» [Димитров 2016: 270] Тургенев воплотил свое представление о борце за свободу родины вообще, в обобщенно-переносном смысле, что еще раз подтверждает некую метафизичность сюжета произведения, его смысловую многослойность.

У Элиот Доротея тоже «действенный Дон Кихот»: в ней сочетаются наивно-идеалистический взгляд на жизнь, едва ли не подростковое максималистское отношение к людям и обстоятельствам и жажда деятельности во благо людей несмотря ни на что. То обстоятельство, что, как уже отмечалось, Элиот сравнивает Доротею со Святой Терезой в начале и в конце романа, «закругляя» роман на идею служения людям, хотя и окрашенной иронией (наивная жизненная слепота Доротеи, ее тотальная до безрассудства «захваченность» идеей близка дон-кихотовской), не снижает высокого нравственного зачина, и образа, и романа в целом. Более того, в конце произведения определенное «донкихотство» мы видим у сэра Четтема и Уилла-парламентария; и это «донкихотство» еще больше сродни тургеневскому: упорное, вопреки всему сотворение добра, а не «борьба с ветряными мельницами».

Переключка между Дж. Элиот и Тургеневым очевидна также в обращении к определенному чувству вины у героинь двух сравниваемых романов, в том числе и социальной («моя жизнь хороша, и стыдно, что она хороша только у меня: надо улучшить жизнь других» – это одна из вечных забот русской интеллигенции, вернее, лучшей ее части, по Н. Бердяеву [Бердяев 1910: 70]). О чувстве вины героев произведений очень интересно писал А. И. Батюго, утверждая, что оно возникает от «несоответствия между стремлением к счастью и долгом», из-за наличия «неразрешимого философского противоречия между счастьем и долгом», «долгом и виною» (как в «Дворянском гнезде» и «Отцах и детях») ввиду необходимости «смирения перед долгом» [Батюго 2004: 393–395]. Об этом же пишет Г. Б. Курляндская, считающая, что «Елена, жаждущая деятельного добра, Инсаров, весь устремленный к одной цели, в конце концов, терпят полное поражение со своей уверенностью в соединимости «личного» и «общего» [Курляндская 2009: 16]. В. А. Недзвецкий тоже считает, что образ Елены

Стаховой – «расплата даже за временное предпочтение счастья долгу» [Недзвецкий 2011: 150].

Доротея тоже пытается соединить долг и любовь; долг прежде всего перед самой собой, т. е. придать личной жизни смысл не столько во имя самой себя, сколько во имя людей. Такую возможность она увидела в науке, научном знании, образовании и образованности еще в Лозанне, когда слушала лекции по естествознанию. Как известно, и сама Дж. Элиот слушала в Женеве лекции по естественным наукам, философии и математике и уверилась в том, что наука и образование – наиболее верный путь к совершенствованию мира и человека; о важности этой мысли свидетельствует едва ли не вся публицистика Элиот как до, так и после начала литературной карьеры (см.: об этом: [Ashton 1999]). Этим объясняется пиетическое отношение Доротеи к научным изысканиям Кейсобона; помогать ему в его научных изысканиях она считает честью и даже долгом жены-соратницы, которой она так стремится стать, усугубляя страдания Кейсобона по поводу болезненно осознаваемой им несостоятельности себя как великого ученого, а своего проекта по созданию ключа ко всем мифологиям – никчемным и схоластическим. Идея долга, по А. Минцу, одна из господствующих в литературе Англии XIX в. (см.: [Mintz 1978]).

Переключка между двумя романами очевидна и в смене повествовательных планов: диалогический – интроспективно-психологический – нравственно-обобщающий, хотя у Тургенева эта смена менее выражена, чем у Элиот, поскольку в прозе английской писательницы «работает» традиция несобственно-прямой речи, а голос автора звучит более отчетливо. Кроме того, надо помнить, что вся идейная структура романа Дж. Элиот помещена в очень жесткие рамки нравственных императивов; такая нравственно-этическая парадигматика весьма характерна для Элиот, если помнить о пуританском (евангелическом) начале, очевидном в протагонистах писательницы, которым свойственна повышенная самооценка, вернее, повышенная требовательность к себе и к своему внутреннему моральному кодексу. Это и определяет основательную значимость обобщающего голоса автора, вписывающего происходящее в общее движение жизни. Еще В. Вулф подчеркивала, как любопытно сочетается в повествовании Дж. Элиот «тонкость психологического анализа и зрелость моральных комментариев» (см. об этом: [Eliot 1966: 7]).

Голос И. С. Тургенева в «Накануне» в целом нравственно-этический и даже философско-идеологический, если исходить из пафоса романа и желания русского писателя утвердить мысль о «кануне» обновления русской жизни. Однако он

в большей степени «растворен» в речи Шубина, Берсенева, Увара Ивановича, т. е. он более имплицитен и «заточен» на воздействие на читателей не столько напрямую, сколько через систему персонажей, когда образы Шубина, Берсенева, Курнатовского, Инсарова противостоят друг другу, так сказать, в ситуации *rendez vous*, но в совокупности, в собирательности воплощают новое: назревшие изменения, инновации – идеологические, социальные, нравственные.

Между романами Тургенева и Элиот есть еще одна любопытная переключка: несмотря на центральность женских образов и у того и у другой, мужчины – «первоопределяющие носители прогрессивной мысли» [Ленерт 1975: 21]. Правда, Кейсобон оказывается носителем схоластической, лишь кажущейся ценностной идеи, но тем не менее Доротея и Елена ведомы мужчинами. Однако принципиально важно и абсолютно в контексте типологии «тургеневских девушек» то, что Елена при этом выходит из «кукольного дома» (используя термин Г. Ибсена), т. е. сугубо семейной парадигмы женской судьбы. Правда, этому в немалой степени способствует тот факт, что Дмитрий Инсаров – иностранец и что активность свою Елена будет реализовывать вне России: как известно из сюжета, даже после смерти Инсарова, верная своему долгу-любви, она не возвращается на родину и готова продолжить дело Инсарова в борьбе за независимость Болгарии. Для нее это форма проявления собственной независимости. Другое дело, что Тургенев завершает эту историю своеобразным многоточием, оставив читателей на пороге этого самого «накануне», «не пустив» их туда, в «будущее», что не может не вызвать если недоумения, то иронии, пусть даже и трагической (об этом писали некоторые русские литературные критики, Д. И. Писарев например).

Доротея же в этой «семейной парадигме» остается, причем намеренно ограничивает себя ею в конце романа. Здесь очевидна переключка с той идеей, которую заложил Л. Н. Толстой в образ Наташи Ростовской. Это нарочитое замыкание себя в семье, муже и детях выглядит странно для такой мощной по социальной энергии, задаткам, возможностям воли героини, как Доротея. Именно это вызывало и вызывает критику романа со стороны исследователей творчества Элиот (см.: [Carroll 1971: 286–359]). Однако, как и Толстой, Дж. Элиот не видит в этом статусе жены и матери особой уничижительности по той причине, что для нее это проявление той самой созидательной женственности, которая так поразила в Доротею Ладисло и Лидгейта; не аморфной кукольной женственности Розамонды Винси, а активной жизнепорождающей и жизнеутверждающей

женственности. Не случайно Э. Лэнгленд предостерегает исследователей творчества Дж. Элиот от того, чтобы они выстраивали художественный мир писательницы исключительно из моделей «этикета и домашних дискурсов», поскольку это вписало бы ее творчество в контекст того живописания, которое не выходило бы за рамки быта и которое развивалось «глупыми женщинами-романистками» (название одной из критических статей Элиот о творчестве некоторых ее современниц). «Действительно, – пишет Э. Лэнгленд, – знаковым в таком характере, как Доротея Брук из «Миддлмарча», является то, что она отчаянно хочет совершить что-нибудь за пределами домашней сферы, которая ей мало интересна» [Langland 2001: 134]. Трудно не задаться вопросом: разве Елена Стахова хочет не этого же? Ведь Елена после того, как произошло их решительное объяснение и она поняла, что любит Инсарова и что ее любовь – это долг перед великой целью Дмитрия, с жалостью стала смотреть на своих домашних: «Для чего живут? – думала она» [Тургенев: 74].

Елена рисуется Тургеневым натурой эмоциональной: «...в ней было что-то нервическое, что-то порывистое и торопливое...» [Тургенев: 24]; она наделена автором «тоской взволнованной души» [там же: 26]; «Душа ее раскрывалась, и что-то нежное, справедливое, хорошее не то вливалось в ее сердце, не то выросло в нем» [там же: 19]; «Мои мысли мне самой не ясны» [там же: 36]. Доротея более рациональна, вернее, более нацелена на рассуждения, анализ, размышления и т. п., тем более что и автор, беря читателя в союзники («работа» с читателем – это неременная черта викторианского романа с его неизменной дидактической заданностью), обобщает состояния, настроения, мысли героини, сопрягая ее внутренний мир с читательским. Но, безусловно, рационалистичность Доротеи подана в контексте общеисторической установки автора: она умная девушка, но ослепленная идеей служения «великому делу» Кейсобона, не видит долгое время своей ошибки, не понимает, что совершает глупость; об этой стороне характера Доротеи писал Р. Коулз [Coles 1973: 69].

Одновременно необходимо помнить о «двух различающихся линзах» повествования в нарративной структуре романа [McSweeney 1984: 100]: иронической и героической, взаимосвязанных и переплетающихся. Здесь согласимся с Б. Харди и ее идеей о героической составляющей в образности Дж. Элиот в целом, не только применительно к «Миддлмарчу» [Hardy 2003б: 31]. Заметим, что чаще всего о героической стороне характера Доротеи говорит в романе не нарратор, а другие персонажи («работает» принцип «зеркал») – Четтэм, мистер Брук, Селия, Лидгейт, Ладисло,

причем последний чаще всего. Хотя совершенно в духе викторианской традиции «срединного пути» героическое в образе Доротеи уравнивается, как уже отмечалось, иронией, а также образом Мэри Гарт, персонажа, нацеленного на реальность, практику жизни, некую приземленность, но не в уничижительном смысле. В образе Елены Стаховой героическую составляющую тоже представляют читателю другие персонажи: прежде всего Шубин, Увар Иванович, Берсенев. По мнению исследователей, героическое в образе Елены реализовано уже в том, что она цельная натура; как традиционно говорится, она «из гнезда Татьяны» – имеется в виду традиция воспроизведения целостной женской натуры, блестяще начатая Пушкиным в «Евгении Онегине». В ее образе очевидна «цельность сознательного самостояния, своевольного самоутверждения», «осмысленного и добровольного самопожертвования» [Ребель 2007: 109]. Здесь, безусловно, есть типологическая связь с идеями Элиот, которые она заложила в образ Доротеи. Она очевидна также и в иронии, причем не столько авторской, сколько в иронии жизни, с которой подается героичность обеих молодых женщин. Доротея, с ее своеобычием, независимым и самостоятельным характером, пройдя драматичные испытания браком с Кейсобоном, болезненным осознанием того, что она так и не допущена до «великого дела» мужа, из-за которого она в свое время и решила связать свою жизнь с его, но более всего – оглаской его оскорбительной приписки к завещанию, усмиряется в конце романа выполнением женского предназначения быть любимой, женой и матерью. Елена же, отдав себя всю Инсарову и его делу, но парадоксальным образом свою беззаветной любовью лишив его цельности, делает его беззащитным перед судьбой и трагично приводит его к смерти не на поле сражения за независимость Болгарии, а в сырой и холодной гостинице в Венеции, да и сама пренебрегает дочерними чувствами и обязательствами, а ее активность как «нового человека», судя по концовке романа, реализуется вдали от родины.

Это не снимает с героя и с героини героического пафоса, а лишь подчеркивает, как полагают исследователи, философский зачин романа, с его утверждением, что «везде и всюду та же дарвиновская идея *battle for life*, как писал Виардо И. С. Тургенев (цит. по: [Батюго 2004: 395]), что стихия жизни всевластна, что «"страсти роковые" – одна из форм проявления тех безличных, природных сил, которые в конечном счете равнодушно и бесследно поглощают, обрекают все и вся», и «что так проявляется «онтологический трагизм человеческой жизни» [Ребель 2007: 102]. Да и судьба самой Елены остается, как уже гово-

рилось, непроясненной. Согласимся с исследователем, что в трагическом звучании романа Тургенева нет пессимизма: об этом свидетельствует не только название романа, не только восхищение сложностью, напряженностью и независимостью внутреннего мира героини, но и картина мощной любви-самопожертвования, просветляющей любви, высокой любви, любви, уводящей из болота мелочной и рутинной жизни. Не случайно все критики (и особенно Н. А. Добролюбов в статье, которую мы уже цитировали) в голос говорили о блестящем мастерстве Тургенева-лирика в изображении любовного чувства, состояния влюбленности, счастья взаимной и без остатка любви и т. д. Не менее хороши и те страницы «Миддлмарча», где Дж. Элиот воспроизводит момент зарождения любви Доротеи и Уилла Ладисло, развитие этого чувства со всеми его перипетиями, причем с немалым эротическим подтекстом – в пределах самоцензуры писателей того времени.

Словом, в обоих романах мы видим новый тип женщины, новый тип женского мышления, поведения, жизненных ценностей, неоднозначно пробивающий свой путь в сложной и противоречивой жизни, вопреки жестким обстоятельствам и с жертвою собственным благополучием во имя высоких и благородных целей добра, справедливости, счастья многих, а не только избранных. И хотя сопротивление героев (в данном случае – героинь) рутинной жизни оказывается окрашенным драматико-иронически, а в случае с Еленой и Инсаровым траги-иронически, тем не менее Тургенев и Элиот рисуют образы людей, которые дороги им тем, что предчувствуют будущее и, чувствуя это «накануне», словом и делом уже пытаются существовать в нем сами и приближать его рождение для всех.

Все это дает основание говорить о том, сколь близки были не только человечески, но и творчески Джордж Элиот и И. С. Тургенев – два великих новатора в мировой литературе второй половины XIX в.

Список литературы

Батюго А. И. Некоторые философско-эстетические проблемы и их роль в построении романа Тургенева // Батюго А. И. Избранные труды. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 338–470.

Бердяев Н. А. Из психологии русской интеллигенции // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии. СПб.: «Общественная польза», 1910. С. 60–72.

Боборыкин П. Д. Столицы мира (Тридцать лет воспоминаний). М.: Сфинкс, 1911. 516 с.

Димитров Э. Инсаров: болгарин ли он? // Вопросы литературы. 2016 (сентябрь – октябрь). № 5. С. 243–277.

Жижина Л. Н. Фольклорно-мифологическая картина мира героини романа И. С. Тургенева «Накануне» // Гуманитарные исследования. 2008. № 4. С. 110–114.

Зелинский В. Критические разборы «Дворянского гнезда» и «Накануне» И. С. Тургенева. СПб.: тип. А. Г. Кольчугина, 1895. 208 с.

Ковалевская С. В. Воспоминания о Джордж Элиот // Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Правда, 1986. С. 311–331.

Коньшиев Е. М. Герои Тургенева в поисках веры («Накануне») // Спасский вестник. 2009. № 14. С. 18–22.

Курляндская Г. Б. Проблема трагизма в романе И. С. Тургенева «Накануне» // Спасский вестник. 2009. № 16. С. 11–18.

Ленерт Х. Ю. Проблема типологии героя в романах А. Ф. Писемского «Тысяча душ» и И. С. Тургенева «Накануне»: автореф. дис ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1975.

Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л.: Наука, 1974. 350 с.

Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 208.

Недзвецкий В. А. Тургенев: логика творчества и менталитет героя: курс лекций для магистрантов. М.: Изд-во МГУ, 2011. 208 с.

Проскурнин Б. М. Джордж Элиот // Проскурнин Б. М., Яшенькина Р. Ф. История зарубежной литературы XIX века: западноевропейская реалистическая проза. М.: Флинта-Наука, 1998. С. 289–342.

Пумпянский Л. В. Романы Тургенева и роман «Накануне» (Историко-литературный очерк) // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 381–403.

Ребель Г. М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского. Типологические явления русской литературы XIX века. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2007. 398 с.

Савинков С. В. Красота – любовь – смерть и вопрос о форме жизни в романах И. С. Тургенева («Рудин», «Накануне», «Отцы и дети») // Культура и текст. 2011. № 12. С. 96–104.

Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. Изд. 2-е / сост. и подгот. текстов С. М. Петрова и Г. М. Фридлянд. М.: Худож. лит., 1983. Т. 2. 557 с.

Тургенев И. С. Накануне. URL: [www.http://lib-rebook.ru/nakanune](http://lib-rebook.ru/nakanune) (дата обращения: 25.01.2017).

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Т. X. Письма. 1872–1874. М.; Л.: Худож. лит., 1965. 542 с.

Элиот Дж. Миддлмарч. Картины провинциальной жизни / пер. с англ. И. Гуровой и Е. Коротковой. М.: Правда, 1988. 752 с.

Фадеева Л. А. Очерки истории британской интеллигенции. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. 195 с.

Anderson Q. George Eliot in Middlemarch // From Dickens to Hardy / ed. by Boris Ford. L.: Penguin, 1963. P. 274–293.

Ashton R. Introduction // Eliot G. Critical Writings. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. vii–xxxii.

Cecil D. George Eliot // Cecil D. Early Victorian Novelists. Essays in Reevaluation. Fontana Library, 1964. P. 215–250.

Coles R. Irony in the Mind's Life. Essays on Novels by James, Elizabeth Bowen and George Eliot. Charlottesville: University Press of Virginia, 1973. 210 p.

Cross J. W. George Eliot's Life as Related in Her Letters and Journals. N. Y.: Harper and Brothers, Franklin Square, 1885. Vol. 3. 443 p.

Dolin T. George Eliot. Oxford: Oxford University Press, 2005. 284 p.

Eliot G. Middlemarch / ed. with an Introduction by W. J. Harvey. L.: Penguin, 1966. 908 p.

Eliot G. Middlemarch / ed. with an Introduction by David Carroll. Oxford: Oxford University Press, 1988. 708 p.

Eliot G. Middlemarch / With an Introduction by Margaret Drabble and Afterword and Notes by Jerome Becky. N. Y.: Bantham Books, 1985. 795 p.

George Eliot: The Century of Critical Heritage / ed. by David Carroll. L.: Routledge and Kegan Paul, 1971. 512 p.

Hardy B. (ed.) 'Middlemarch': Critical Approaches. L.: Athlone Press, 1967. 192 p.

Houghton W. E. The Victorian Frame of Mind, 1830–1870. New Haven and L.: Yale University Press, 1985. 467 p.

Ideas and Beliefs of the Victorians. An Historic Reevaluation of the Victorian Age. N. Y.: E. P. Dutton & Co., Inc, 1966. 448 p.

Langland E. Women's Writing and the Domestic Sphere // Women and Literature in Britain 1800–1900 / ed. by Joanna Shattock. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 119–141.

Levine G. Darwin and the Novelists: Patterns of Science in Victorian Fiction. Cambridge, Massachusetts and L.: Harvard University Press, 1988. X; 319 p.

McSweeney K. 'Middlemarch'. London; Boston; Sydney: George Allen & Unwin, 1984. 167 p.

'Middlemarch'. A Casebook / ed. by Patrick Swinden. L.: Macmillan, 1978. 256 p.

Mintz A. George Eliot and the Novel of Vocation. L.: Longman, 1978. 193 p.

Oxford Reader's Companion to George Eliot / ed. by John Rignall. Oxford: Oxford University Press, 2000. 500 p.

Proskurnin B. The Reception of George Eliot in Russia: The Start that Determined the Paradigm // The Reception of George Eliot in Europe / ed. by Elinor Shaffer and Catherine Brown. L.: Bloomsbury Academic, 2016. P. 261–274.

The Cambridge Companion to George Eliot / ed. by George Levine. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 248 p.

The Victorian Novel / ed. by Francis O'Gorman. Oxford: Oxford University Press, 2002. 344 p.

Woolf V. The Common Reader. L.: Hogarth Press, 1942. 305 p.

References

Batyugo A. I. Nekotorye filosofsko-esteticheskie problemy i ikh rol' v postroenii romana Turgeneva [Some philosophical and aesthetic issues and their role in the constructing of Turgenev's novel]. Batyugo A. I. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2004, pp. 338–470. (In Russ.)

Berdyaev N. A. Iz psikhologii russkoy intelligentsii [On Russian intelligentsia's psychology]. Berdyaev N. A. *Dukhovnyy krizis intelligentsii. Stat'i po obshchestvennoy i religioznoy psikhologii* [Spiritual Crisis of Intelligentsia. Essays on social and religious psychology]. St. Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Publ., 1910, pp. 60–72. (In Russ.)

Boborykin P. D. *Stolitsy mira (Tritsats' let vospominaniy)* [World Capitals (Thirty years of memories)]. Moscow, Sfinks Publ., 1911. 516 p. (In Russ.)

Dimitrov E. Insarov: bolgarin li on? [Insarov: Is he a Bulgarian?]. *Voprosy literatury* [Voprosy literatury], 2016, issue 5, September – October, pp. 243–277. (In Russ.)

Zhizhina L. N. Fol'klorno-mifologicheskaya kartina mira geroini romana I. S. Turgeneva «Nakanune» [Folklore and Mythological World Picture of the Heroine of Turgenev's novel 'On the Eve']. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Researches], 2008, issue 4, pp. 110–114. (In Russ.)

Zelinskiy V. *Kriticheskie razbory «Dvoryanskogo gnezda» i «Nakanune» I. S. Turgeneva* [Critical Analysis of "A Nest of the Gentlefolk" and "On the Eve" by I. S. Turgenev]. St. Petersburg, Tipografia A. G. Kol'chugina Publ., 1895. 208 p. (In Russ.)

Kovalevskaya S. V. Vospominaniya o Dzhordzh Eliot [Memories on George Eliot]. Kovalevskaya S. V. *Vospominaniya. Povesti* [Memories. Tales]. Moscow, Pravda Publ., 1986, pp. 311–331. (In Russ.)

Konyshov E. M. Geroi Turgeneva v poiskakh very («Nakanune») [Turgenev's Heroes in Search for Faith ("On the Eve")]. *Spasskiy vestnik* [Spassky Herald], 2009, issue 14, pp. 18–22. (In Russ.)

Kurlyandskaya G. B. Problema tragizma v romane I. S. Turgeneva «Nakanune» [The Problem of the Tragic Element in I. S. Turgenev's "On the Eve"]. *Spasskiy vestnik* [Spassky Herald], 2009, issue 16, pp. 11–18. (In Russ.)

Lehnert Kh. Yu. *Problema tipologii geroya v romanakh A. F. Pisemskogo «Tsyacha dush» i I. S. Turgeneva «Nakanune»*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The Issues of the Hero Typology in the Novels by A. F. Pisemskiy "One Thousand Souls" and I. S. Turgenev "On the Eve". Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1975. 18 p. (In Russ.)

Lotman L. M. *Realizm russkoy literatury 60-kh godov 19 veka* [Realism of the Russian Literature in the 60^s of the 19th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 350 p. (In Russ.)

Markovich V. M. *I. S. Turgenev i russkiy realisticheskiy roman 19 veka* [I. S. Turgenev and the 19th Century Russian Realistic Novel]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1982. 208 p. (In Russ.)

Nedzvetskiy V. A. *Turgenev: logika tvorchestva i mentalitet geroya. Kurs lektsiy dlya magistrantov* [Turgenev: The Logics of Creative Work and Hero's Mentality]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2011. 208 p. (In Russ.)

Proskurnin B. M. Dzhordzh Eliot [George Eliot]. Proskurnin B. M., Yashen'kina R. F. *Istoriya zarubezhnoy literatury 19 veka: zapadnoevropeyskaya realisticheskaya proza* [History of Foreign Literature of the 19th Century: Western European Realistic Prose]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 1998, pp. 289–342. (In Russ.)

Pumpyanskiy L. V. Romany Turgeneva i roman «Nakanune» (Istoriko-literaturnyy ocherk) [Turgenev's Novels and the Novel "On the Eve" (Historical and Literary Essay)]. Pumpyanskiy L. V. *Klassicheskaya traditsiya: sobranie trudov po istorii russkoy literatury* [Classical Tradition: The Collected Works on History of Russian Literature]. Moscow, LRC Publishing House Publ., 2000, pp. 381–403. (In Russ.)

Rebel G. M. *Geroi i zhanrovye formy romanov Turgeneva i Dostoevskogo. Tipologicheskie yavleniya russkoy literatury 19 veka* [Heroes and Genre Forms of Turgenev and Dostoevsky's novels. Typological Phenomena in the Russian Literature of the 19th Century]. Perm, Perm State Pedagogical University Publ., 2007. 398 p. (In Russ.)

Savinkov S. V. Krasota – lyubov' – smert' i vopros o forme zhizni v romanakh I. S. Turgeneva («Rudin», «Nakanune», «Ottsy i deti») [Beauty –

Love – Death and the Issue of Form of Life in Turgenev's Novels ("Rudin", "On the Eve", "Fathers and Sons"). *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 2011, issue 12, pp. 96–104. (In Russ.)

Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t. [Turgenev as Remembered by His Contemporaries: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983, vol. 2. 557 p.

Turgenev I. S. *Nakanune* ["On the Eve"]. Available at: [www.http://librebook.ru/nakanune](http://librebook.ru/nakanune) (accessed 25.01.2017) (In Russ.)

Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [A Complete Collection of Works and Letters]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965, vol. 10. Pis'ma 1872–1874 [Letters 1872–1874]. 542 p. (In Russ.)

Eliot G. *Middlmarsh. Kartiny provintsial'noy zhizni* [Middlemarch. A Study of Provincial Life]. Moscow, Pravda Publ., 1988. 752 p. (In Russ.)

Fadeeva L. A. *Ocherki istorii britanskoy intelligentsii* [Essays on the History of British Intelligentsia]. Perm, Perm State University Press, 1996. 195 p. (In Russ.)

Anderson Q. George Eliot in *Middlemarch. From Dickens to Hardy*. Ed. by Boris Ford. London, Penguin, 1963, pp. 274–293. (In Eng.)

Ashton R. Introduction. Eliot G. *Critical Writings*. Oxford, Oxford University Press, 1999, pp. 7–31. (In Eng.)

Cecil D. George Eliot. Cecil D. *Early Victorian Novelists. Essays in Revaluation*. Fontana Library, 1964, pp. 215–250. (In Eng.)

Coles R. *Irony in the Mind's Life. Essays on Novels by James, Elizabeth Bowen, and George Eliot*. Charlottesville, University Press of Virginia, 1973. 210 p. (In Eng.)

Cross J. W. *George Eliot's Life as Related in Her Letters and Journals*. New York, Harper and Brothers, Franklin Square, 1885, vol. 3, 443 p. (In Eng.)

Dolin T. *George Eliot*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 284 p. (In Eng.)

Eliot G. *Middlemarch*. Ed. with an introduction by W. J. Harvey. London, Penguin, 1966. 908 p. (In Eng.)

Eliot G. *Middlemarch*. Ed. with an introduction by David Carroll. Oxford, Oxford University Press, 1988. 708 p. (In Eng.)

Eliot G. *Middlemarch*. Ed. with an introduction by Margaret Drabble, ed. with afterword and notes by Jerome Becky. New York, Bantam Books, 1985. 795 p. (In Eng.)

George Eliot: The Century of Critical Heritage. Ed. by David Carroll. London, Routledge and Kegan Paul, 1971. 512 p. (In Eng.)

Middlemarch: Critical Approaches. Ed. by B. Hardy. London, Athlone Press, 1967. 192 p. (In Eng.)

Houghton W. E. *The Victorian Frame of Mind, 1830–1870*. New Haven and London, Yale University Press, 1985. 467 p. (In Eng.)

Ideas and Beliefs of the Victorians. An Historic Reevaluation of the Victorian Age. New York, E. P. Dutton & Co., Inc., 1966. 448 p. (In Eng.)

Langland E. Women's Writing and the Domestic Sphere. *Women and Literature in Britain 1800–1900*. Ed. by Joanna Shattock. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, pp. 119–141. (In Eng.)

Levine G. *Darwin and the Novelists: Patterns of Science in Victorian Fiction*. Cambridge, Massachusetts and London, Harvard University Press, 1988. X; 319 p. (In Eng.)

Mc Sweeney K. 'Middlemarch'. London, Boston, Sydney, George Allen & Unwin, 1984. 167 p. (In Eng.)

"Middlemarch". *A Casebook*. Ed. by Patrick Swinden. London, Macmillan, 1978. 256 p. (In Eng.)

Mintz A. *George Eliot and the Novel of Vocation*. London, Longman, 1978. 193 p. (In Eng.)

Oxford Reader's Companion to George Eliot. Ed. by John Rignall. Oxford, Oxford University Press, 2000. 500 p. (In Eng.)

Proskurnin B. The Reception of George Eliot in Russia: The Start that Determined the Paradigm. *The Reception of George Eliot in Europe*. Ed. by Elinor Shaffer and Catherine Brown. London, Bloomsbury Academic, 2016, pp. 261–274. (In Eng.)

The Cambridge Companion to George Eliot. Ed. by George Levine. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 248 p. (In Eng.)

The Victorian Novel. Ed. by Francis O'Gorman. Oxford, Oxford University Press, 2002. 344 p. (In Eng.)

Woolf V. *The Common Reader*. London, Hogarth Press, 1942. 305 p. (In Eng.)

"ON THE EVE OF THE PEOPLE OF ACTION": A NEW TYPE OF WOMAN IN THE WORKS OF GEORGE ELIOT AND I. S. TURGENEV

Boris M. Proskurnin

Head of the Department of World Literature and Culture

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-code: 5554-1732

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

ResearcherID: M-4794-2017

The essay, written on the basis of typological and comparative methods, deals with the issues of typological convergences and artistic peculiarities of the two great writers of the 19th century, George Eliot and I. S. Turgenev, when they depict a 'new hero / heroine' and 'a new social reality' of the 1860^s – 1870^s. The author of the essay speaks on the very fact of good friendship between these two masters and on social, cultural, aesthetical, etc. bases of their close personal and artistic ties, their thorough mutual interest and understanding. The author shows some serious typological simultaneity of George Eliot and Turgenev in constructing the artistic worlds of their novels when two writers construct their heroes / heroines, when they analyze social, cultural and moral changes in the lives of English and Russian societies of that time, and when they think of the role of literature under these new circumstances. A special stress is put on the type of new woman and her fate in a changing social life represented in the works of these two writers, on the struggle of conservative and progressive tendencies in Russian and English societies of the time as Turgenev and Eliot saw and understood it; their similar attitudes towards the new processes and new generations appeared due to the social changes are analyzed in the article. The basis of the typological and comparative thoughts of the essay's author are two novels – *Middlemarch* by George Eliot and *On the Eve* by Turgenev, and their two heroines – Dorothea Brook and Elena Stakhova, as the principal stress is put on the writers' peculiarities of artistic understanding of 'the women question', which sharpened at that time both in England and in Russia, much as though specifically in each country. The author of the essay analyzes interrelations of the realistic and romantic, the lyrical and dramatic (tragic) in the structures of the novels and the images of the heroines. The co-existence of the writers' irony and admiration is under deep analysis too.

Key words: realism; novel; literary hero; English literature; Russian literature; George Eliot; I. S. Turgenev; literary typology.

УДК 821.161.1.09.“1890/1910”-14
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-132-139

ОБРАЗ СКАНДИНАВСКОГО СЕВЕРА В РУССКОЙ ЛИРИКЕ 1890–1910 гг.

Ольга Сергеевна Туманова

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. tumanova_os@mail.ru

SPIN-код: 3235-9461

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3741-080X>

ResearcherID: E-6738-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Туманова О. С. Образ скандинавского севера в русской лирике 1890–1910 гг. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 132–139. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-132-139

Please cite this article in English as:

Tumanova O. S. Obraz skandinavskogo severa v russkoy lirike 1890–1910 gg. [The Image of the Scandinavian North in Russian Poetry of 1890–1910]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 132–139. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-132-139 (In Russ.)

Образ скандинавского севера встречается в творчестве многих поэтов. Впервые он возникает в лирике Г. Р. Державина на исходе XVIII столетия, затем последовательно актуализируется в романтической поэзии и «чистой лирике» XIX в. Постепенно он эволюционирует до сложного конструкта 1890–1910-х гг., когда авторский миф сливается в единое целое со сложной системой скандинавских мифологических образов, дополняясь эстонскими и финскими (осознаваемыми как скандинавские) мифами и легендами. Значимую роль в его формировании сыграли и образы, заимствованные из современной норвежской и шведской литератур. Статья посвящена изучению основных репрезентаций образа скандинавского севера в лирике нескольких авторов Серебряного века (И. Северянина, А. А. Ахматовой, К. Д. Бальмонта, О. Э. Мандельштама, А. А. Блока и В. Я. Брюсова), а также анализу художественной семантики данных репрезентаций и связанных с ними сюжетов и мотивов. Образ скандинавского севера воспринимается на рубеже XIX – XX вв. в трех вариантах: как абстрактная и не имеющая точных географических координат родина, как рай для поэта и как место крушения мира и последней битвы – Рагнарёка. Все перечисленные репрезентации образа являются взаимосвязанными и взаимодополняющими, каждая из них требует отдельной интерпретации. Базовым образом-репрезентантом эпического мира скандинавского севера становится образ возлюбленной главного героя – северянки, причем данный образ отражает особый тип времени и пространства. Выбранный ракурс исследования позволяет ответить на вопрос о статусе образа Скандинавии в российском культурном сознании рубежа веков и возможном включении этого образа в широкий контекст «скандинавского текста» русской литературы.

Ключевые слова: поэзия Серебряного века; мифология; мифотворчество; ролевая лирика; образ возлюбленной.

Интерес к Скандинавии и скандинавским древностям зародился в конце XVIII в., но наибольшей популярности среди русских писателей и филологов достиг лишь в XIX в. (Г. М. Лестам, Ф. И. Буслаев, А. Н. Майков и др.). Некоторые древнескандинавские памятники культуры были неоднократно переведены на

русский язык и способствовали возникновению целого слоя историко-культурных аллюзий и реминисценций в русской литературе, в поэзии в частности. Этот вопрос специально рассматривается в работе Д. М. Шарыпкина «Скандинавская литература в России» [Шарыпкин 1980]. В фокусе внимания исследователя находятся литера-

турные связи России и стран Севера в период от эпохи Просвещения до начала XX в. Заслуживает упоминания библиографический указатель по исландской литературе Б. А. Ерхова [Ерхов 1997], в котором систематизированы сведения о переводах произведений исландской литературы и фольклора, а также содержатся сведения о печатных материалах, которые посвящены творчеству отдельных исландских писателей и исландской литературе в целом.

Симптоматично, что долгое время образ Скандинавии представлял интерес в границах оппозиции «свое / чужое», часто становясь при этом объектом междисциплинарных исследований (в этом отношении показательна статья В. С. Петрова «Игорь Северянин: Россия и Эстония» [Петров 2004]). В рамках другой оппозиции – «север / юг» – Е. К. Созина рассматривает образ Скандинавии в северных нарративах в литературе путешествий начала XX в. [Созина 2016]. Несмотря на глубокое изучение истории перевода скандинавской литературы на русский язык и влияния драматургии Г. Ибсена и А. Стриндберга на русскую культуру начала XX столетия, видение скандинавского севера русской поэзией оказалось в непосредственном фокусе историко-литературных исследований относительно недавно. Материалы международной конференции «Россия и Скандинавия: литературные взаимодействия на рубеже XIX–XX вв.» и научного семинара «А. Блок и Скандинавия», проведенных Институтом мировой литературы им. А. М. Горького 24–26 октября 2013 г., весьма убедительно свидетельствуют об этом. Так, Л. С. Гульба прослеживает мотивы скандинавской мифологии в поэзии Серебряного века на материале стихотворений В. Брюсова и А. Блока [Гульба 2014]. К биографическим аспектам видения Скандинавии К. Бальмонтом обращается Н. В. Дзуцева [Дзуцева 2014].

Отдельно следует отметить ряд работ, посвященных географическим образам, символам и мотивам в лирике Н. С. Гумилева: монографии Е. Ю. Раскиной «Поэтическая география Н. С. Гумилева» [Раскина 2006] и «Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева» [Раскина 2009], а также статью Л. М. Дедовой «Скандинавия в лирике Н. С. Гумилева» [Дедова 2011]. Е. Ю. Раскина делает ценные замечания о культуронимах в поэтическом мире Н. С. Гумилева – географических реалиях, наполненных культурно-философским и религиозным смыслом. Исследовательница отмечает, что «путешествие лирического героя сродни познанию, открытию, называнию, одухотворению и окультуриванию земного пространства» [Раскина 2009: 34]. Л. М. Дедова анализирует скандинавские мотивы

в лирике Н. С. Гумилева, связывая их с «русской идеей» в его поэзии.

Целью настоящей статьи является изучение основных репрезентаций образа скандинавского севера и исследование их художественной семантики в лирике таких авторов Серебряного века, как И. Северянин, А. А. Ахматова, К. Д. Бальмонт, О. Э. Мандельштам, А. А. Блок и В. Я. Брюсов. Выявление основных образов-репрезентантов Скандинавии и соотнесение их с поэтической традицией Серебряного века, рассмотрение взаимосвязи возникающих образов мифологии и культуры с типом субъекта лирического повествования помогают ответить на вопрос о статусе образа Скандинавии в российском культурном сознании рубежа веков. Под репрезентацией вслед за М. Ямпольским здесь и далее будем понимать «особую форму представления реальности, основанную на замещении некоего объекта его иллюзионным изображением» [Ямпольский 2007: 6]. Так, «заместителями» образа Скандинавии в лирике Серебряного века становятся образ возлюбленной и творчески переосмысленные образы скандинавской мифологии. С. И. Пискунова обращает внимание на важную функцию репрезентации, также принципиально значимую для нашего исследования в аспекте субъектно-объектной организации текста: «Репрезентация может служить средством объективации содержания сознания героя и / или его творца как главных субъектов и объектов повествования» [Пискунова 2014].

В русской поэзии 1890–1910 гг. зарождается синкретичный образ «России-Скандинавии». Он широко представлен в лирике Игоря Северянина. Образ севера как части родины предстает в аскетичных тонах, он связан с мотивами тоски и ожидания, но именно он важен как отправная точка для индивидуального мифотворчества поэта. *«Мне нравится унылая природа / Мне дорогого севера с красой / Свободного славянского народа / С великою и гордою душой. / На север я хочу! На север милый!»* [Северянин 1999: 178]. Через призму образа русского севера начинает конструироваться образ скандинавского севера, противостоящего в более позднем творчестве итальянскому югу и отчасти бросающего вызов «итальянскому мифу русской культуры»: *«Тебя все манит Калабрия, Меня – Норвегии фьорд»* (1909) [Северянин 1999: 314].

Север как часть родной земли представляется поэту концентрированным образом России. С ним прочно ассоциированы такие топосы, как лес, степь, поле. Образ леса связан с народной культурой: *«Мне чудится, что леший правит свадьбу / Пируя у невесты, у Яги»*; *«Мне чудится, что рядом пляшут бесы, / И ведьмы сзади*

водят хоровод» (1905) [там же: 178]. Русский север – это «мерзлое царство снега», «волшебные пейзажи, бегущие при трепетной луне», «лес в одежде цвета изумруда» [Северянин 1999: 178]. Этот дикий мир является родным для лирического героя, именно его он маркирует как «свое» пространство: «Я – властелин над ними! Я – хозяин / Я здесь дышать и властвовать могу» [там же: 178], его он готов воспевать. Но север манит героя не только своим романтическим колоритом; север символизирует духовную чистоту, здесь «правду видит... радостный взор» [там же: 179]. Герой шлет югу лишь ироничный «северный привет» (1909) [там же: 88].

Образ севера в лирике О. Э. Мандельштама, младшего современника И. Северянина, репрезентируется через топос Вальхаллы и также сохраняет связь с архаической традицией, но при этом имеет некоторые окказиональные черты: «А там дубовая *Валгалла* / И старый пиршественный сон: / Судьба велела, ночь решала, / Когда проснулся телефон» (О. Э. Мандельштам «Телефон») [Мандельштам 1990: 117]. Эпитет «дубовая» (включающий в себя значение «незыблемый»), примененный к образу Вальхаллы, является окказиональным привнесением. Конечно, можно предположить, что он символизирует прочность и незыблемость мироздания, однако это может быть и ассоциация с северным лесом или даже с мировым деревом (несмотря на то, что канонический Иггдрасиль – это ясень, ассоциативное мышление О. Э. Мандельштама могло внести некоторые инновации). Интересным нам кажется замечание А. А. Афанасьева: «Предания о мировом древе славяне относили преимущественно к дубу. В их памяти сохранились сказания о дубах, которые существовали еще до сотворения мира» [Афанасьев 1982: 214]. Таким образом, определение *дубовая* может считаться элементом славянизирования топоса Вальхалла. «Пиршественный сон» – на первый взгляд, несомненно, архаический мотив. Между тем топос Вальхалла – мир битвы, в котором нет места сну. Вальхалла как образ, претерпевший окказиональные изменения, – это незыблемый, непоколебимый мир абсолютной статики. Однако в другом тексте мы видим полное следование архаической традиции: «В серебряном ведре нам предлагает стужа / *Валгаллы* белое вино, / И светлый образ северного мужа / Напоминает нам оно» (О. Э. Мандельштам «Когда на площадях и в тишине келейной...») [Мандельштам 1990: 135]. Ассоциации Вальхаллы со светом и холодом весьма любопытны: в соседстве с образом «северного мужа» они воссоздают канонический визуальный (а не только звуковой, ранее традиционный для русской лирики) образ севера.

«Звуковое» видение скандинавских мифологических образов является специфически русской чертой, сложившейся с XVIII в. в русской поэзии, когда образ Вальхаллы начинает расширяться за счет звуковых, а не визуальных ассоциаций. Этой традиции положил начало Г. Р. Державин в стихотворении «На победы в Италии» (1799): «*Се Рюрик торжествует / В Валкале звук своих побед*» [Державин 1985: 386]. В этом же стихотворении валка (т. е. валькирия) бьет в «далекозвонкий щит». В XIX в. эту традицию продолжили А. Н. Майков и В. Ф. Раевский.

Факт возникновения такого рода поэтических ассоциаций можно объяснить тем, что в сагах «Старшей Эдды» визуальный образ Вальхаллы прописан предельно точно (например, в саге «Речи Гримнира», которая может служить своего рода путеводителем по Асгарду); в названной саге имеется упоминание о «блеске мечей, Вальхаллу озаряющем» [Старшая Эдда 1975: 211]. Вероятно, по аналогии возник метонимический перенос по принципу: свет мечей – звук (лязг, звон оружия в битве, военные трубы и т. п.). Поэтому русская Вальхалла обрела звучание поля брани и победного пиршества (звон струн) и надолго застыла в поэтической традиции именно в таком виде.

В то же время север может быть представлен как реальное, но недоступное лирическому герою пространство. Как правило, с ним связан яркий образ-репрезентант – образ возлюбленной лирического героя (например, «северянка», «Сольвейг полярная, блондинка печальная», «Ингрид» в поэзии Игоря Северянина, «валькирия-Ольга» в лирике Н. С. Гумилева, валькирия как идеал героя-воина в современной ролевой лирике), с которой он в разлуке. Она является своеобразным «проводником» в иной мир скандинавского севера (и вызывает определенные ассоциации с обитательницами Асгарда, «верхнего мира»).

Образ северянки Сольвейг, героини пьесы Г. Ибсена «Пер Гюнт», является одним из воплощений Прекрасной Дамы для лирического героя А. Блока (стихотворения «Сольвейг» и «Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!») (оба – 1906) [Блок 1960: 96]. С этим образом оказываются связанными устойчивые мотивы прозрения, духовного исцеления, познания сути жизни и обретения истинной любви. Ибсеновская героиня – это идеальный собирательный образ скандинавской женщины, одновременно и носительницы памяти о героическом викингском прошлом, и верной возлюбленной, ожидающей лирического героя «на том берегу». Вследствие высокой степени исследованности «ибсеновского текста» в русской литературе (и в творчестве

А. А. Блока, в частности) не имеет смысла оставаться на данных стихотворениях. Рассмотрим подробнее образ севера в лирике А. А. Блока, который оказывается обойденным вниманием исследователей. Наиболее часты обращения к образу севера в 1900–1909 гг. Север в лирике Блока задается как вектор движения души лирического героя, конечная цель фантомного путешествия, что можно заметить в стихотворениях «Шел я на север безлиственный...» (1900), «Пробивалась певучим потоком» (1902) или «Дали слепы, дни безгневны...» (1904). Лирический герой Блока называет север «давним другом» в стихотворении «На чердаке» (1906) [Блок 1960: 205], ради севера герой оставляет другой сакральный локус русской лирики – Венецию: «*Мы из Венеции на север шли...*» (1902) [там же: 500]. Путь на север – это своеобразная инициация лирического героя Блока, он оставляет позади все наносное и сиюминутное. В представлении лирического героя север творит метаморфозы с временем и пространством: «*В день превращал живую ночь*» [там же: 266], аскетизм бесплодных земель замедляет ход времени («*Тихонько тлеет жизнь моя*») [там же: 75].

Пространство севера вносит коррективы в образ возлюбленной: он становится в некоторой степени пугающим – она олицетворяет и холод, неживое начало, она приходит из «снегового сумрака» и ведет за собой «вьюжные трели» [там же: 81]. В стихотворении «На чердаке» с образом возлюбленной связана тема смерти – возлюбленная лирического героя спит в ледяном гробу, что можно считать имманентной отсылкой к норвежской несказочной прозе, визуализированной художником Т. Киттельсеном.

Образ севера в лирике А. А. Блока, несмотря на постоянно подчеркиваемую амбивалентность «пространство жизни – пространство смерти», все же осознается лирическим героем как пространство непростого принятия жизни и творчества во всех противоречиях – скорее чистилища, нежели рая.

Образ северянки Сольвейг, идеальной возлюбленной лирического героя, появляется в стихотворении «Кэнзель X» И. Северянина. На ассоциативном уровне образ возлюбленной воспринимается как целебное средство от духовной слепоты лирического героя, «этический маяк» на пути обретения чистоты и прозрения (которые, согласно концепции поэта, можно обрести лишь на севере).

Портрет возлюбленной-северянки изобилует цветовыми эпитетами: она – «*ледяная сапфирно-жемчужная царица*» [Северянин 1999: 124], «*лебедь белая, голубка сизая*» [там же: 125],

«*среброструнная*» [там же], «*неземная и бирюзовая*» [там же: 263].

В лирике Серебряного века имеется прецедент обращения к пространству-субституту Скандинавии. Так, лирического героя И. Северянина окружает полумифическая страна «Эстляндия», она примиряет его с действительностью, являясь преддверием свидания с возлюбленной в желанной Скандинавии: «*О, сказанья про Ингрид! О, Норвегии берег! / О, эстляндские зори! / Лишь в Эстляндии светлой мне дано вас увидеть / наяву!*» («Эстляндская поэза») [Северянин 1999: 263].

Таким образом, пространство «Эстляндия» органично вписывается в сакральный для поэта синтетический образ севера. Соединение образов эстонской и скандинавской мифологии в художественном мире И. Северянина способствует созданию универсального образа Скандинавии. На севере лежит воображаемая страна Миррелия; имя «Сканда» становится одновременно синонимом имени любимой и наименованием желанной страны. В рамках этого мифологизированного топоса начинают существовать стилизованные под исландские саги авторские сказания (например, об Ингрид и Эрике). Однако иных прецедентов создания пространства-посредника в поэзии XX и XXI вв. встречено не было.

Север – центр духовных устремлений безымянного героя поэмы А. А. Ахматовой «У самого моря» (1909). Север «сероглазого мальчика» (прототипом которого традиционно считается Н. С. Гумилев [Фридендер 1995: 115]) не имеет точной географической локации, впрочем, как и север в лирике Серебряного века в целом. С севером и с «мальчиком» ассоциативно связана одна и та же холодная, практически ахроматическая цветовая гамма – сочетание серого и белого цветов («сероглаз был высокий мальчик», «он принес мне белые розы»), причем цветовые определения «сероглазый» и «белый», подобно географической абстракции «север», дважды повторяются во фрагменте, посвященном неудачливому поклоннику лирической героини. Такие лексические повторы, свойственные сказовому языку поэмы «У самого моря», сводят на нет вероятность случайной ассоциации и дают нам основания говорить о мифологизации образа севера в контексте поэмы Ахматовой, причем этот процесс является односторонним: для героя север – некий абстрактный топос, место, куда грезящий высокими рыцарственными помыслами герой-мечтатель хочет сбежать с возлюбленной. Рыцарственность молодого героя подчеркнута при помощи символики цвета: белая роза свидетельствует о высоте помыслов, серый цвет глаз героя косвенно номинирует цвет северного неба.

Однако для лирической героини образ севера лишен романтического флера, поскольку мир грез «мальчика» безразличен ей («Оттого что я не хотела // Ни роз, ни ехать на север») [Ахматова 1997: 269].

Как отдельный северный топос, не нуждающийся в репрезентанте, Вальхалла широко распространена в лирике К. Д. Бальмонта. Образ Вальхаллы в стихотворении «Среди шхер» (1908) у него сопряжен с водной стихией: «Пред вами, картина такая, / Что с уст не срывается слово, – / И белая пена морская – / Как кудри царя водяного, / И брызг серебристых кристаллы, / И путь ваш в пучине безбрежной – / Как будто бы в царство Валгаллы / Вы мчитесь с валькирией нежной». Связь образа Вальхаллы с водой раскрыта и в лирическом цикле «Вода» (часть 4 «Но переменная вода...»): «Из влаги восстают кораллы, / И волны бешено кругом / Несутся в строе боевом, / Как викинги в предел Валгаллы» [Бальмонт 1994: 177].

Можно предположить, что соотнесение водной стихии с Вальхаллой осуществляется на основе чисто фонетических ассоциаций (волны, влага). Кроме того, водная стихия ассоциируется с мореплавателями-викингами, соответственно, и со всем скандинавским миром. Однако у К. Д. Бальмонта есть и более классические варианты употребления данного образа: «И если ты викинга счастья лишишь – в самом / царстве Валгаллы рубиться, / Он скажет, что Небо беднее Земли, из Валгаллы / он прочь удалится. / И если певцу из Славянской страны ты скажешь, / что ум есть мерило, / Со смехом он молвит, что сладко вино, / и песни во славу Ярила» (К. Д. Бальмонт «Самоутверждение»); «В лабиринтах ли Индийских, или в бешеной / Валгалле, / На уступах пирамидных Мексиканских теокалли, / Всюду – Демону в угоду – истязание умов, / Трепет вырванного сердца, темный праздник, темный / ров» (К. Д. Бальмонт «Пронунсиамизенто» (1908)); в стихотворении «Туманный конь» (1908): «Мистер-Марр гремит копытом, брызги молний – / чада мглы. / Быстро вороны промчались, реют с клетком орлы. / На кровавой красной ткани судьбы выткала Сеанейта. / К пиру! В Вальгелль! Там сочтем мы, сколько / воинов убито» [там же: 179]. Несмотря на то что образ предстает в необычном окружении славянских и ацтекских мифонимов, в нем сохранены архаические черты: Вальхалла подается как рай, причем этот рай характеризуется эпитетом «бешеный».

Скандинавский север предстает не только как потенциальный рай, но и как место последней битвы. Образ Рагнарёка – конца света в скандинавской мифологии, сопряженного с гибелью

богов и выходом из бездны хтонических чудовищ, – принадлежность исключительно поэзии XX в. Согласно «Старшей Эдде», предвестниками Рагнарёка стали трагическая смерть прекрасного бога Бальдера (Бальдура), а затем – нарушение родовых норм, кровавые распри родичей, моральный хаос.

Рагнарёк в начале XX в. предрекал ролевой герой В. Я. Брюсова в стихотворении «Бальдеру Локи» (1904). Текст В. Я. Брюсова построен как монолог от лица Локи (в данном случае речь идет именно о ролевом герое). В текст заложена изначальная антитеза «свет (Бальдер) – тьма (Локи)»: «Светлый Бальдер! мне навстречу / Ты, как солнце, взносишь лик. / Чем лучам твоим отвечу? / Опаленный, я поник» [Брюсов 1973: 56]. Герой Локи – это герой-завистник, мотивы зависти и соперничества в стихотворении проявляются на уровне ряда противопоставлений: «Я взбегу к снегам, на кручи: / Ты смеешься с высоты! / Я внесу багряной тучей: / Как звезда сияешь ты!» [там же]. Локи В. Я. Брюсова всеведущ: он знаком с пророчеством о судьбе Бальдера так же, как и о своей собственной. При этом он не пытается преодолеть его силу. Напротив, он изображен в порыве злобного торжества, именно он (а не пророчица-вельва) изрекает предсказание о Рагнарёке, гибели богов, и в этом проявляется темная, демоническая ипостась Локи как бога хаоса, бога-разрушителя: «День настанет: огнебоги / Сломлют мощь небесных сил, / Рухнут Одина чертоги, / Рухнет древний Игдрозил. / Выше радуги священной / Встанет зарево огня, – / Но последний царь вселенной, / Сумрак! сумрак! – за меня» [там же]. Локи берет на себя функции прорицательницы-вельвы, и эту деталь образа можно трактовать по-разному: как своего рода «спор с судьбой», когда герой намеренно нарушает сакральные правила, или же как проявление женской ипостаси образа. Локи позиционирует себя в качестве того, кто выйдет победителем из Рагнарёка. Существует черновой вариант данного стихотворения, в котором наиболее ярко демонстрируется связь образа Локи с другими хтоническими персонажами – инейстыми великанами-йотунами, волком Фенриром и др.: «Солнце, звезды, месяц – канут. / Фенрис, сын мой, кинет клик, / дети сумрака восстранут / В ярой мести на владык. / Айфы, йоты, огнебоги / Выйдут против светлых сил! Все, что тленно, что нетленно / Сгинет в ярости огня» [там же]. Такое изображение Рагнарёка полностью соответствует канону, установленному в «Старшей Эдде» (сага «Прорицание вельвы» [Старшая Эдда 1975: 181]). Однако в контексте данного стихотворения огонь, от которого по-

гибнет мир, мыслится не как очистительный, а как подвластный, управляемый Локи. Однако Рагнарёк есть вторичная цель Локи. Истинная победа для него – гибель Бальдера: «И когда за темной Гелой / Ты сойдешь к злоецим снам, – / Я предам, со смехом, тело / Всем распятым! всем цепям!» [Брюсов 1973: 56]. Мотив распятия можно рассматривать не только как месть Бальдеру и надругательство над его телом, но и с точки зрения христианской символики. В последнем случае очевидна параллель, проведенная автором: Бальдер как жертва на кресте, герой, которому суждено воскрешение после Рагнарёка (своего рода «второе пришествие»).

В эддических сагах мотив зависти и мести Локи Бальдеру почти не выражен, злодеяния Локи, направленные против асов и, конкретно, Бальдера, объясняются скорее перманентной спецификой характера Локи: двуличностью, изворотливостью, хитростью, коварством. В. Я. Брюсов органично вписывает данные мотивы в структуру образа Локи, в результате чего образ становится более ярким и пластическим. Образ Бальдера в данной интерпретации также обогащается, насыщаясь библейскими аллюзиями (Авель, Христос) и становясь многомерным. Таким образом, на рубеже веков преодолевается каноническое, одномерное изображение эддических персонажей (например, у Г. Р. Державина или А. Н. Майкова), однако при этом устоявшийся канон не разрушается, а дополняется и расширяется новыми мотивами и аллюзиями.

Таким образом, амбивалентный образ скандинавского севера, ассоциируемый одновременно и с жизнью, и со смертью, и с любовью, мифологизируется русскими поэтами рубежа XIX–XX вв. в нескольких направлениях. Варианты репрезентации отражают направления мифологизации: с одной стороны, это север, видимый в романтическом свете, «сакральная родина души» (что можно проследить в лирике И. Северянина или в поэме «У самого моря» А. А. Ахматовой), с другой стороны – иной мир, поэтическая Вальхалла, пространство конца земной и начала вечной жизни (наблюдается у А. А. Блока, К. Д. Бальмонта, О. Э. Мандельштама). Связь образа скандинавского севера со смертью может быть реализована через эсхатологические мотивы и апокалиптическую символику (в дилогии В. Я. Брюсова «Бальдеру Локи») – этот пример показывает, как мироощущение переломной эпохи определяет рецепцию образов скандинавской мифологии и как миф превращается в «антимиф». Функционирование образа скандинавского севера в эпоху кардинальных изменений культурной парадигмы 1890–1910 гг. органично соотносится с поиском идентичности

и новых художественных форм, освоением литературой нового пространства в сочетании с конструктивистскими практиками поиска «потерянного рая».

Список литературы

- Афанасьев А. А. Мировое древо: избранные статьи / под ред. В. П. Кирдан. М.: Современник, 1982. 464 с.
- Ахматова А. А. Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. 494 с.
- Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в двух томах. Можайск: Терра, 1994. 704 с.
- Белый А. Избранное. СПб.: ТОО «Диамант», 1997. 448 с.
- Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / пер. с др.-исл. А. Корсуна; предисл. А. Я. Гуревича. М.: Худож. лит., 1975. 752 с.
- Блок А. А. Собрание сочинений в восьми томах / под общей ред. В. Н. Орлова и др. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. 516 с.
- Брюсов В. Я. Собрание сочинений в семи томах / под общей ред. П. Г. Антокольского и др. М.: Худож. лит., 1973. 479 с.
- Гульба Л. С. Скандинавская мифология в творчестве В. Брюсова и А. Блока. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/skandinavskaya-mifologiya-v-tvorchestve-v-bryusova-i-a-bloka> (дата обращения: 15.03.2017).
- Дедова Л. М. Скандинавия в лирике Н. С. Гумилева. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/74431255> (дата обращения: 15.05.2017).
- Державин Г. Р. Сочинения / сост., биогр. очерк и коммент. И. И. Подольской. М.: Правда, 1985. 576 с.
- Дзуцева Н. В. «В зеленых глазах твоих, Скандинавия...» (Об одном иваново-вознесенском эпизоде биографии К. Д. Бальмонта) // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2014. С. 140–148.
- Ерхов Б. А. Художественная литература скандинавских стран в русской печати: библиогр. указатель. М.: Рудомино, 1997. 165 с.
- Мандельштам О. Э. Стихи. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1990. 382 с.
- Петров В. С. Игорь Северянин: Россия и Эстония // «Свое» и «чужое» в культуре народов европейского Севера: материалы 4-й Междунар. науч. конф. / Петрозаводск. ун-т. Петрозаводск, 2003. С. 75–79.
- Пискунова С. И. Репрезентация как тема и эстетический принцип М. де Сервантеса. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kak-tema-i-esteticheskiy-printsip-tvorchestva-m-de-servantesa> (дата обращения: 15.03.2017).

Раскина Е. Ю. Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2009. 200 с.

Раскина Е. Ю. Поэтическая география Н. С. Гумилева. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2006. 164 с.

Северянин И. Тост безответный. Стихотворения, поэмы, проза. М.: Республика, 1999. 543 с.

Созина Е. К. Север в литературе путешествий начала XX века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск, 2016. С. 151–182.

Смирницкая О. А. Софья Свириденко и ее «Эдда». URL: <http://norse.ulver.com/articles/smirn/sviridenko.html> (дата обращения: 14.03.2017).

Старшая Эдда / вступ. ст. А. Гуревича. М.: Худож. лит., 1975. 752 с.

Фридендер Г. М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век»: статьи о Пушкине, о творчестве Достоевского, очерки о русских писателях конца XIX и XX века. СПб.: Наука-СПб., 1995. 523 с.

Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России. Л.: Наука, 1980. 323 с.

Ямпольский М. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 616 с.

References

Afanas'ev A. A. *Mirovoe drevo: izbrannye stat'i* [The world tree: selected articles]. Moscow, Sovremennik Publ., 1982. 464 p. (In Russ.)

Akhmatova A. A. *Sochineniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 494 p. (In Russ.)

Balmont K. D. *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected works: in 2 vols.]. Mzhaysk, Tara Publ., 1994. 704 p. (In Russ.)

Bely A. *Izbrannoe* [Selected works]. St. Petersburg, TOO "Diamant" Publ., 1997. 448 p. (In Russ.)

Beovulf. *Starshaya Edda. Pesn' o Nibelungakh* [Beowulf. The Poetic Edda. The song of the Nibelungs]. Ed. by A. Ya. Gurevich. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 753 p. (In Russ.)

Blok A. A. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols.]. Ed. by V. N. Orlov et al. Moscow, Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury Publ., 1960. 516 p. (In Russ.)

Bryusov V. Ya. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Ed. by P. G. Antokol'skiy et al. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. 479 p. (In Russ.)

Gul'ba L. S. *Skandinavskaya mifologiya v tvorchestve V. Bryusova i A. Bloka* [Scandinavian mythology in the works by V. Bryusov and A. Blok]. Available at: [\[dinavskaya-mifologiya-v-tvorchestve-v-bryusova-i-a-bloka\]\(http://cyberleninka.ru/article/n/skan-dinavskaya-mifologiya-v-tvorchestve-v-bryusova-i-a-bloka\) \(accessed 15.03.2017\) \(In Russ.\)](http://cyberleninka.ru/article/n/skan-</p></div><div data-bbox=)

Dedova L. M. *Skandinaviya v lirike N. S. Gumileva* [Scandinavia in N. Gumilev's poetry]. Available at: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/74431255> (accessed 15.05.2017) (In Russ.)

Derzhavin G. R. *Sochineniya* [Works]. Ed. by I. I. Podol'skaya. Moscow, Pravda Publ., 1985. 576 p. (In Russ.)

Dzutseva N. V. «V zelenykh glazakh tvoikh, Skandinaviya...» (Ob odnom ivanovo-vozneshenskom epizode biografii K. D. Bal'monta) [«In your green eyes, Scandinavia...» (About one Ivanovo-Voznesensk episode of K. Balmont's biography)]. *Konstantin Bal'mont, Marina Tsvetaeva i khudozhestvennye iskaniya 20 veka: Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov* [Konstantin Balmont, Marina Tsvetaeva and poetic search of the 20th century: Proc. All-Russ. Sci. Conf.]. Ivanovo, 2014, pp. 140–148. (In Russ.)

Erkhov B. A. *Khudozhestvennaya literatura skandinavskikh stran v russkoy pechati. Bibliograficheskiy ukazatel'* [Literary works of the Scandinavian countries in Russian print. Bibliography list]. Moscow, Rudomino Publ., 1997. 165 p. (In Russ.)

Mandelshtam O. E. *Stikhi* [Poetry]. Perm, Permское knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990. 382 p. (In Russ.)

Petrov V. S. Igor' Severyanin: Rossiya i Estoniya [Igor Severyanin: Russia and Estonia]. «Svoe» i «chuzhoe» v kul'ture narodov evropeyskogo Severa: *Materialy 4-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Their own and others' in the culture of European North's people: Proc. of Int. Sci. Conf.]. Petrozavodsk, 2003, pp. 75–79. (In Russ.)

Piskunova S. I. *Reprezentatsiya kak tema i esteticheskiy printsip M. de Servantesa* [Representation as the theme and principle of M. de Servantes]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kak-tema-i-esteticheskiy-printsip-tvorchestva-m-de-servantesa> (accessed 15.03.2017) (In Russ.)

Raskina E. Yu. *Geosofskie aspekty tvorchestva N. S. Gumileva* [Geosophic aspects of poetry by N. Gumilev]. Moscow, E. R. Dashkova Moscow Institute for the Humanities Press, 2009. 200 p. (In Russ.)

Raskina E. Yu. *Poeticheskaya geografiya N. S. Gumileva* [Poetic geography of N. Gumilev]. Moscow, E. R. Dashkova Moscow Institute for the Humanities Press, 2006. 164 p. (In Russ.)

Severyanin I. *Tost bezotvetnyy: Stikhotvoreniya, poemy, proza* [Unanswered toast: poetry, poems, prose]. Moscow, Respublika Publ., 1999. 543 p. (In Russ.)

Sozina E. K. *Sever v literature puteshestviy nachala 20 veka* [The North in the travel literature at

the beginning of the 20th century]. *Russkiy travelog 18–20 vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy* [Russian travelog of the 18th–20th centuries: routes, genre and narratives]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Press, 2016, pp. 151–182. (In Russ.)

Smirnitckaya O. A. *Sof'ya Sviridenko i eye «Edda»* [Sof'ya Sviridenko and her Edda]. Available at: <http://norse.ulver.com/articles/smirn/sviridenko.html> (accessed 14.03.2017). (In Russ.)

Starshaya Edda. Vstuplenie A. Ya. Gurevicha [Poetic Edda. Ed. by A. Gurevich]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 752 p. (In Russ.)

Friedländer G. M. *Pushkin. Dostoevskiy. «Serebryanyy vek»: stat'i o Pushkine, o tvorchestve Dos-*

toevskogo, ocherki o russkikh pisatelyakh kontsa 19 i 20 veka [Pushkin, Dostoevskiy. “Silver Age”: articles about Pushkin, Dostoevskiy’s works, sketches about Russian writers of late the 19th and 20th centuries]. St. Petersburg, Nauka-SPb Publ., 1995. 523 p. (In Russ.)

Sharypkin D. M. *Skandinavskaya literatura v Rossii* [Scandinavian literature in Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 323 p. (In Russ.)

Yampol'skiy M. *Tkach y visioner: Ocherki istorii representatsii, ili o material'nom i ideal'nom v kul'ture*. [Weaver and visionary: essays on the history of representation or about material and ideal in culture]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2007. 616 p. (In Russ.)

THE IMAGE OF THE SCANDINAVIAN NORTH IN RUSSIAN POETRY OF 1890–1910

Olga S. Tumanova

Postgraduate Student in the Department of Russian Literature
Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. tumanova_os@mail.ru

SPIN-code: 3235-9461

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3741-080X>

ResearcherID: E-6738-2017

We can find the image of the Scandinavian North in works of many Russian poets. This image emerges for the first time in poetry of G.R. Derzhavin in the late 18th century and obtains the complicated structure in 1890–1910, when the author’s myth merges with a complex system of Scandinavian mythological images, Estonian and Finnish (also taken as Scandinavian) myths and legends. Here we see important images, which were borrowed from modern Swedish and Norwegian literature. This article contains research on basic representations of the image of the Scandinavian North in the lyrics by several poets of the Silver Age (I. Severyanin, A. A. Akhmatova, K. D. Balmont, O. E. Mandelshtam, A. A. Blok and V. J. Bryusov). Moreover, the article deals with the analysis of artistic semantics of these representations, as well as of plots and motifs connected with them. In lyrics of these authors, the image of the Scandinavian North has a few symbolic meanings, which become objects of the research: firstly, the North as a part of Motherland, secondly, the North as a poetic Paradise, thirdly, the North as a place of Ragnarök, the end of the world. All of these representations are interconnected and complementary, each one needs to be interpreted specially. The basic representative image of this epic Scandinavian world is the beloved (who is a northern girl), this character being dependant on the type of time and space. The aspect chosen for research helps us to answer the question about the position of the image of the Scandinavian North in the Russian culture mentality of the late 19th – early 20th century. Furthermore, we shall include this image into a broad context of the Scandinavian text of Russian literature.

Key words: the Silver Age of Russian poetry; mythology; mythmaking; role lyric poetry; character of the beloved.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

В журнале отражаются результаты научной деятельности российских и зарубежных филологов. Кроме научных статей, материалов конференций, симпозиумов и семинаров, журнал печатает рецензии на монографии, сборники научных трудов и т. п., опубликованные в России и за рубежом, тематические обзоры и развернутую информацию о событиях научной жизни по профилю издания.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://www.rfp.psu.ru> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

С 19.02.2010 журнал включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Каждая рукопись сопровождается внешней рецензией специалиста в исследуемой области, имеющего степень кандидата или доктора наук и не являющегося сотрудником вуза автора. Подпись рецензента заверяется в отделе кадров по месту работы. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют, кроме внешней рецензии, отзыв научного руководителя, подписанный и заверенный по месту его работы. В рецензии и отзыве должны быть указаны полностью ФИО, ученая степень, должность, место работы и электронный адрес рецензента. Аспиранты дополнительно представляют официальную справку о сроках обучения в аспирантуре с указанием контактного телефона зав. отделом аспирантуры, подписавшим его документ.

Все три документа с печатями могут присылаться по почте или в сканированном виде отправляться на электронный адрес редакции вместе со статьей. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться следующим текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника” <http://rfp.psu.ru/>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1–6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Члены международного редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи. В этом случае назначаются три эксперта из состава редколлегии или совета для подготовки обоснованного заключения. В случае отрицательного решения автору рукописи направляется мотивированный отказ от имени редколлегии. Рукопись, сопровождаемая внутренней рецензией, может быть отправлена автору на доработку для устранения замечаний. Срок доработки не ограничен. Статья, не соответствующая требованиям, предъявляемым к публикациям, вторично на доработку не отправляется. Статьи аспирантов, одобренные редколлегией, публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ и со всеми указанными выше документами по электронному адресу langlit2009@mail.ru. Чтобы убедиться в том, что Ваши материалы получены, попросите отправить подтверждение.

Основной текст может быть написан на русском или английском языках.

Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Правила оформления рукописей» и в прикрепленном файле ФОРМА.

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных.

Адрес редакции: 614990, Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 28 (лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте», тел. (342)2396795), ауд. 111 (лаборатория «Сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций», тел. (342)2396290). Зам. гл. редактора – *Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова*, ответственный за сайт – *Алексей Васильевич Пустовалов*.

Научное издание

Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология

Том 9. Выпуск 3 / 2017

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицвотова, Е. В. Шумилова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 22.09.2017. Дата выхода в свет 29.09.2017
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 16,39. Тираж 500 экз. Заказ 147

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке